LIBRARY OF CONGRESS
1800

Поучительное Слово

Филарета.

Pouchitel'nyia slova

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА

Уналашкин. Вознесен. Церкви. №

Говоренныя

Въ разныя времена,

Filaret, Metropolitan of Moscow

Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ Архіепископомъ Ярославскимъ, что нынѣ Московскій и Коломенскій.

По новой Описи № 130.
Ind. 2

Изданіе Второе.

По Описи № ~~20.~~ ~~116.~~

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При святѣйшемъ Синодѣ,

1821 года.

BX 513
.F5
1821

Съ дозволенїя Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Оглавленіе.

Стран.

Слово о гласѣ вопіющаго въ пустыни. - - - - - 1

Слово на Рождество Хрістово. - 25

Слово на вторый день праздника Рождества Хрістова. - - - 36

Слово на третій день праздника Рождества Хрістова. - - - 58

Слово въ Великій Пятокъ. - - 73

Слово въ Великій Пятокъ. - - 94

Слово въ день Пятдесятницы - 116

Слово въ день сошествія Святаго Духа. - - - - - - - 134

Слово въ недѣлю третію по Пятдесятницѣ. - - , - - 152

Слово въ недѣлю четвертую по Пятдесятницѣ· - - - - 166

Слово на Преображеніе Господне. 182

Бесѣда въ среду недѣли двадесятыя, о молитвѣ Господней. - - 202

Бесѣда въ недѣлю двадесять четвертую. - - - - - - 223

Слово въ день Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы. - - 239

Слово по освященіи Храма во имя Св. Живоначальныя Троицы. - - 260

Бесѣда по освященіи Храма Пресвятыя Богородицы, вѣ память явленія Всечестныя Иконы Ея Казанскія. - - - - - 278

Слово по освященіи Храма Воскресенія Христова. - - - - 295

Слово по освященіи Храма. - - 316

Слово вѣ 15 день Сентября. - - 337

Слово предѣ погребеніемѣ тѣла Свѣтлѣйшаго Князя Михаила Иларіоновича Голенищева—Кутузова Смоленскаго. - - - - - 355

Слово предѣ погребеніемѣ тѣла Графа Павла Александровича Строганова. - - - - - - 391

Слово при вступленіи вѣ управленіе Московскою паствою. - - 411

Слово о нетлѣніи Святыхѣ Мощей. 429

СЛОВО

О гласѣ вопіющаго въ пустыни, и на воспоминаніе произшествій 1812 года,

говоренное

въ 1814 году.

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези его. Мар. 1. 3.

Блаженная пустыня, въ которой слышанъ столь-вожделенный гласъ! Вожделенный гласъ, которымъ возвѣщается приближеніе Господа! Ибо естьли и велѣваетъ я *уготовать путь Господень, и правы творить стези Его въ пустынѣ:* то конечно Господь не далекъ отъ нея, и желаетъ посѣтить ее. По сему—по и Пророкъ Господень привѣтствуетъ ее радостію и веселіемъ: *радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цвѣтетъ яко кринъ.* (Иса. XXXV. 1.)

Что предъ сею пустынею и гласомъ ея, хотя впрочемъ не столько

глаголющимъ въ мирѣ, сколько *вопіющимъ* въ трепетномъ благоговѣніи, — что предъ ними молва и смятеніе человѣческихъ обществъ, что шумъ и разсѣянность города, который едва ли гдѣ и когда бываетъ лучше, нежели какимъ видѣлъ его пустынелюбивый царь: *видѣхъ беззаконіе и прерѣканіе во градѣ; днемъ и нощію обыдетъ его по стѣнамъ его; беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда; и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. LIV. 10 — 12.) И кто не пожелаетъ съ Давидомъ *удалиться бѣгая, и водвориться въ пустыни,* такъ что бы тамо *чаять Бога* (8)? Кто изъ тѣхъ самыхъ, которые любятъ находить препятствія въ исканіи Бога, не возскорбитъ по крайней мѣрѣ о томъ, что не можетъ исторгнуться онъ *суеты* и *крушенія духа,* и не имѣетъ *крилъ, яко голубиныхъ, да полетитъ и почіетъ?*

О естьли бы Господь даровалъ намъ нынѣ, хотя на краткое время, снити вниматѣльною мыслію въ лежащую предъ лицемъ Его *пустыню,* пріи-

ять сердцемъ *гласъ* предваряющей благодати Его, да въ умиленіи подвигнемся на *уготовленіе пути* Его!

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его.

Когда Евангеліе, дабы обратить очи ваши на путь Господень, оглашаетъ васъ *гласомъ пустыни:* да не возмнитъ кто изъ васъ, Христіане Граждане, будто васъ хотятъ безъ различія похищать изъ жизни общественной, и влещи къ Іоанну Крестителю въ нѣкую ненаселенную страну Іорданскую. Пророкъ, издалеча слышавшій и предвозвѣстившій *гласъ вопіющаго въ пустыни,* явленный во Іоаннѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ предъ очами нѣчто болѣе, нежели одну Іорданскую пустыню. *Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится; и будутъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки, и*—потомъ—*явится слава Господня:* (Иса. XL. 4. 5.) такъ изображаетъ Исаія преображеніе своей пустыни. Но пустыня Іоаннова и въ явле-

ніе Господа Іисуса, и послѣ, оставалась также дикою, какъ была прежде.

Какая же то пустыня, въ которой Пророкъ слышалъ гласъ возвѣщающій приближеніе Господа? — Вотще терялись бы мы въ разнообразіи временъ невозвратныхъ и мѣстъ недосягаемыхъ, для обрѣтенія оныя. Напротивъ она не столько удалена, сколько не примѣчаема; и усматривается чрезъ восхожденіе отъ чувственнаго къ духовному, отъ человѣческаго къ Божественному. Что есть пустыня въ обыкновенномъ понятіи человѣческомъ, для ока чувственнаго?— Мѣсто, необитаемое и невоздѣлываемое человѣками, хотя бы оно было исполнено звѣрей и другихъ живущихъ тварей. Отселѣ да разумѣемъ: что есть пустыня для взора духовнаго, для ока Божія?—Когда страсти, свойственныя естеству звѣрей, и пожеланія скотскія, возобладавъ человѣкомъ, удаляютъ отъ него всякую духовную мысль, всякое чистое желаніе, всякое благое дѣло; и, такъ сказать, опустошаютъ высшую об-

ласть его природы: что тогда есть душа его, какъ не пустыня дикая? Но когда число таковыхъ животныхъ человѣковъ столь велико, что весь составъ человѣчества, по слову Божію, есть *плоть;* (Быт. VI. 3.) совершенные же духовные человѣки рѣже на земли, нежели класы, остающіеся на пожатой нивѣ: то что есть и цѣлый міръ предъ очами *Отца духовъ,* (Евр. XII. 9) какъ не безплодная пустыня? Наконецъ когда самый градъ Божій на земли оскудѣваетъ сынами вышняго Іерусалима, и попирается язычниками; когда избранный виноградъ Возлюбленнаго приноситъ вмѣсто гроздія терніе; когда людіе Господни *оставляютъ источника воды живыя*— Господа, чтобъ *ископать себѣ кладенцы сокрушенные,* (Іер. II. 13.) возмущаютъ или преграждаютъ чистый токъ небесной истины, но по томъ истаеваютъ неуполимою жаждою надъ горькими потоками земной мудрости: что тогда самая Церковь, какъ не пустыня жаждущая?

И въ сіи ли неустроенныя, оспіавленныя, непроходныя пустыни пролагаетъ себѣ путь Господь славы и велелѣпоты? Исходитъ отъ блаженныхъ селеній небесныхъ, и грядетъ посѣтить землю, грѣхомъ и прокляті̀емъ опустошенную? Оставляетъ сыновъ дома своего— чистыхъ духовъ, питающихся свѣтомъ лица Его; и поспѣшаетъ обрѣсти овча своего стада, заблуждающее отъ Него въ горахъ и дебряхъ? Такъ! *Господь* который самый *потопъ населяетъ* (Пс. XXVIII. 10.) не хощетъ предать конечному запустѣнію ни единаго угла своего безпредѣльнаго владычества; единородный Сынъ Божій единою рукою въ славномъ *дому* Отца своего уготовляетъ *обители* для упокоенія спасаемыхъ, другою зиждетъ *скинію въ пустынѣ* для спасительнаго прибѣжища погибающимъ. И здѣсь явится слава благодати Его: только всякое низпаденіе въ чувственность да удержится; всякое возношеніе гордости да низложится; закоснѣніе въ неправдѣ собственной да не

препятствуетъ открыться правдѣ Божіей; терніе и каменіе,— злоба и ожесточеніе да не препинаютъ мирнаго шествія любви Божественной: *всяка дебрь да наполнится, и всяка гора и холмъ смирится, и будетъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки; и— явится слава Господня.* Воздвигнитесь убо, работающіе міру неблагодарному, воздвигнитесь отъ него тайнымъ шествіемъ, подобно какъ древніе Израильтяне отъ Египта; обратитеся, и воззрите очами духа на лице пустыни— въ васъ и окрестъ васъ— ожидающей своего посѣщенія и обновленія; видите ея сѣтующій образъ; провидите славу, ей обѣщаемую; и, *аще услышите гласъ Господа сотрясающаго пустыню,* (Псал. XXVIII. 8.) *не ожесточите сердецъ вашихъ:* (Псал. XCIV. 8.) *путесотворите шествующему по пустынямъ.* (Псал. LXVII. 5.)

Но кто можетъ сказать, что не слышалъ сего страшнаго иногда, однако тѣмъ не менѣе милосердаго гласа?— Гласъ Іоанна Крестителя, призы-

вающій къ покаянію, и возвѣщающій приближеніе царствія Божія, не есть единственный *гласъ вопіющаго въ пустыни*, но повтореніе многократныхъ и продолженіе непрерывныхъ подобныхъ гласовъ. Еще тогда, какъ человѣкъ, слышавъ *гласъ Господа Бога ходяща въ раи*, сокрылся въ первый разъ отъ лица Его, и такимъ образомъ открылъ первую *пустыню* въ самомъ раю, тогда же услышался и первый *гласъ въ пустыни: гдѣ еси?*—гласъ, который отголъ, въ безчисленныхъ отголоскахъ, несется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ, и пронесется до самой вѣчности, взыскуя погибающихъ въ удаленіи отъ Господа. Естьли бы не одебелѣло сердце людей сихъ; естьли бы не тяжко слышали они ушима, и не смѣжали очей своихъ: то всѣ чувства ихъ непрестанно наполнялъ бы гласъ благодати предваряющей и призывающей къ обращенію и спасенію: гласъ отвнѣ—возглашающій въ видимой природѣ; гласъ извнутрь—исходящій изъ глубины души; гласъ свыше—низходящій въ Бо-

жественномъ откровеніи, гласъ долу— отражающійся въ произшествіяхъ міра, движимыхъ перстомъ Господа и дхновеніемъ устъ Его.

Гласъ въ природѣ. Если ли онъ мало слышимъ: то по тому самому, что не престающь. Привычка слышать его притупила вниманіе; и его равномѣрность показалась безмолвіемъ. Безбожникъ исповѣдалъ бы Бога, воззрѣвъ на небеса, и услышавъ вѣщаніе ихъ; если ли бы не родился подъ ними: каменное сердце разсѣлось бы отъ стенаній земли, проклятой въ дѣлахъ человѣка; если ли бы всѣмъ бытіемъ своимъ не было погружено въ сіи стенанія прежде, нежели ощутило само себя. *Небеса,* говоритъ одинъ изъ имѣющихъ уши слышати, *небеса повѣдаютъ славу Божію* такъ, что *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ,* (Псал. XVIII. 2. 4.) то есть, нѣтъ языка или нарѣчія, на которомъ бы само собою не выражалось ихъ проповѣданіе. Другой, среди сихъ торжественныхъ гласовъ швари славословящій премудра-

го Творца, открываетъ болѣзненныя воздыханія *твари повинувшейся суетѣ: вѣмы,* говоритъ, *яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ.* (Рим. VIII. 22.) Сіи совокупные гласы и воздыханія твари,— гласъ отъ источника первоначальнаго въ мірѣ блага, и воздыханіе изъ бездны произникшаго зла, гласъ небеснаго порядка и воздыханіе земнаго нестроенія, гласъ жизни и воздыханіе смерти, гласъ всеобщаго сохраненія и воздыханіе всеобщаго истлѣнія,— не суть ли, для разумѣвающихъ, нѣкій *гласъ вопіющаго въ пустыни,* или вопль самой всемірной пустыни, отвсюду гласящей человѣку: „кто кро„мѣ тебя могъ внести зло въ творенія „Всеблагаго? Не ты ли, будучи по„ставленъ ихъ владыкою, содѣлался „ихъ поработителемъ? Не ты ли пре„вратилъ царство благолѣпія въ безо„бразную пустыню, и окрестъ пло„довъ жизни насадилъ терніе и волч„цы? Доколѣ убо и страждешь самъ, „и съ собою оставляешь *всю тварь совоз„дыхать и сболѣзновать?* Доколѣ не об-

„рапишься всѣмъ существомъ твоимъ,
„да съ тобою приближится и все вла-
„дычество твое, къ Единому виновни-
„ку всякаго блага и совершенства, отъ
„котораго ты удалился, но который
„еще столь видимо къ тебѣ прибли-
„жается отвсюду и своею славою и
„своими щедротами? Доколѣ не *уго-*
„товляешь пути Господня, и правыхъ не
„творишь стезей Его?„ — Боже мой!
Естьли бы единый мгновенный вздохъ
цѣлыя Твоея твари могъ быть измѣ-
ренъ внѣшнимъ чувствомъ: сколько
бурь и громовъ онъ бы составилъ! Но
вся тварь непрестанно воздыхаетъ къ
нашему сердцу, неумолкно вопіетъ къ
уму: и мы не слышимъ, и еще весе-
лимся— ея страданіемъ и разрушені-
емъ! —

Гласъ изъ глубины души. Сей, мо-
жетъ быть, еще менѣе слышанъ, не-
жели гласъ внѣшней природы: потому
что и болѣе тонкаго требуетъ чув-
ства, и болѣе глубокаго вниманія. Хо-
тя безъ сомнѣнія, никто не можетъ
лучше *вѣдать, яже въ человѣцѣ, какъ*

духъ человѣка, живущій въ немъ: (1 Кор. II. 11.) но духъ сей не рѣдко уподобляется такому домувладыкѣ, который приводитъ большую часть времени въ открытыхъ храминахъ своего дома; замѣчаетъ мимоходящихъ, пріемлетъ посѣщающихъ, собесѣдуетъ, пиршествуетъ; а тайную клѣть свою едва посѣщаетъ, какъ чуждую гостинницу, не знаетъ сокровищницы своей, и всѣ попеченія домостроительства возлагаетъ на рабовъ и наемниковъ. Мы живемъ по большой части во внѣшнихъ чувствахъ; заботимся о преходящихъ удовольствіяхъ; мудрость міра, страсти, положенія управляютъ нашею дѣятельностію: между тѣмъ, что происходитъ въ душѣ нашей, что скрывается въ таинственной глубинѣ ея, не вѣдаемъ, и болѣе стараемся познать другихъ, нежели самихъ себя; отверзаемъ всѣ возможные исходы изъ самихъ себя, и ни единаго входа внутрь себя. Блаженъ, кто умѣетъ, по примѣру Давида, собирать всѣ свои силы въ ту недовѣдомую страну природы

человѣческой, которая сопредѣльна съ вышними областями духовнаго и Божественнаго, тамъ *открывать ко Господу путь свой,* (Псал. XXXVI. 5.) и ожидать исходящей отъ лица Его судьбы своей: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ!* Съ сей непостижимой для разумѣнія высоты низходятъ въ сердце вѣрующее и любящее живѣйшія внушенія благодатныхъ ощущеній: *яко речетъ* Господь *миръ на люди Своя и на обращающія сердца къ Нему.* (Псал. LXXXIV. 9.) Но, и когда сей *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ,* (Фил. IV. 7.) еще не посѣтилъ насъ, и тогда не также ли удобно, или не паче ли еще свойственно гласу Господню достигать до насъ прямымъ путемъ духа и сердца, нежели окрестною стезею чувствъ и плоти? Не испыталивъ мы уже иногда, въ минуту внутренней тишины, когда утомленныя суетою мысли возвращаются отъ своего разсѣянія, когда пресыщенныя желанія отрѣшаются отъ своихъ предметовъ, и мы нечаянно начинаемъ *внимать себѣ,*— (1 Тим. IV. 16.)

не испыталиль мы въ такое время нѣкой пустоты въ духѣ, нѣкой туги въ сердцѣ, въ которыхъ таится глубокое и непрестанное воздыханіе? Наблюдайте постояннѣе за симъ скрытнымъ ощущеніемъ; заключайтесь чаще отъ мірскаго шума, оное заглушающаго, во внутреннюю храмину души вашей; заграждайте тщательнѣе всѣ исходы къ разсѣянію: вы узнаете во внутреннемъ воздыханіи вашемъ то самое, которому совоздыхаетъ вся тварь; мало по малу оно будетъ разрѣшаться то въ терзающее *рыканіе,* (Псал. XXXVII. 9.) яко льва, то въ умягчающее стенаніе, яко горлицы; и наконецъ вы услышите истинный *гласъ вопіющаго* во внутренней вашей *пустыни*, возвѣщающій вамъ, что хожденіе въ строптныхъ путяхъ міра и плоти только уязвляетъ и утомляетъ душу вашу; что вы напрасно разширяете для нея стези ея изгнаническаго странствованія, по которымъ она только болѣе удаляется отъ отечества небеснаго; что для нея должно искать пути возвра-

щенія къ Отцу небесному и спасительнаго посѣщенія свыше, *уготовлять путь Господень, и правы творить стези Его.*

Гласъ въ откровеніи. Между тѣмъ какъ большая часть человѣковъ день отъ дня тягчае слышали ушима, да не услышатъ всеобщаго воздыханія твари о свободѣ чадъ Божіихъ; и часъ отъ часа болѣе одебелѣвало ихъ сердце, да не уразумѣютъ глаголовъ сего самаго сердца, которое *взыскуетъ лица Твоего, Господи,* (Псал. XXVI. 8.) Ты, не хотяй смерти закоснѣвающаго даже грѣшника и неистощимый въ средствахъ къ обращенію его, подвизался Самъ, *да явленъ будеши не ищущимъ Тебе, и обрящешися не вопрошающимъ о Тебѣ.* (Иса. LXV. 1.) Отъ времени до времени, Ты открывалъ ухо избраннымъ Твоимъ, исполнялъ духъ ихъ животворящимъ словомъ Твоимъ, и устроялъ ихъ яко трубами Твоего гласа, и устами Твоего глаголанія къ сынамъ человѣческимъ на языкѣ сыновъ человѣческихъ. *Многочастнѣ и*

многообразнѣ глаголалъ еси отцемъ во пророцѣхъ; въ послѣдокъ днїй сихъ глаголалъ намъ въ Сынѣ; (Евр. I. 1. 2.) описелѣ съ новымъ обиліемъ *изліялъ отъ Духа Твоего* на Апостоловъ, *да проректъ,* и чрезъ нихъ до нынѣ продолжаешь изливать оный *на всяку плоть.* (Іои II. 28.) Не знаемъ, Твою ли благость безпредѣльную и непостижимую премудрость должны мы единственно прославлять за постепенное разпространеніе Твоихъ видимыхъ съ нами общеній, или въ тоже время обязаны сознать умножающееся въ насъ невниманіе и ожесточеніе востребовавшее крайнихъ усилій противоборствующихъ: только сокровище торжественныхъ Твоихъ откровеній, тысящелѣтіями собираемое, никогда не являлось, и толико исполненнымъ, и толико для всѣхъ открытымъ, какъ въ сію *послѣднюю годину.* (1. Іоан. II. 18.) *Слово, еже заповѣдалъ еси съ нами* отъ вѣка, и *Духъ Твой,* облеченный священнымъ письменемъ, *настоитъ посредѣ насъ:* (Агг. II. 6.) оглашаетъ во храмахъ; собесѣдуетъ въ домахъ; и тогда, какъ въ служеніе сло-

ва призываются толико нищіе дарами Апостольства, Ты положилъ въ сердце любящимъ Тебя, да вновь самихъ Апостоловъ— въ ихъ писаніяхъ— сопроводятъ по градамъ и весямъ, по чертогамъ и хижинамъ, и такимъ образомъ во всемъ пространствѣ исполнится сказанное: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселеннѣй.* (Матѳ. XXIV. 14) Теперь *гласъ*, или лучше, совокупность гласовъ, по временамъ, по мѣстамъ, *вопіявшихъ въ пустыни*, гласъ не только возвѣщающій, но и являющій приближеніе Твое, не возбуждающій только ужасъ пустыни, но и утѣшающій благодатію ея посѣщенія, не указующій только *стропотная и острая*, но и наставляющій *уготовлять путь* Твой, *и правы творити стези* Твои, поставляющій насъ *рабами, ждущими Господа своего, и дѣвами,* уготовляющимися *во срѣтеніе Жениху,*— сей живый и животворящій гласъ уже простирается по горамъ отдаленнѣйшимъ и досягаетъ въ глубочайшія *дебри*. Ты вѣси, Господи, не конецъ ли уже великой, всемірной

проповѣди мы слышимъ: *проповѣстся сїе Евангелїе царствїя по всей вселеннѣй, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда прїидетъ кончина.* Ты единъ зриши въ сей мрачной полунощи, не время ли уже *быти воплю: се Женихъ грядетъ, исходите во срѣтенїе Его!* (Матѳ. XXV. 6.)

Гласъ въ произшествїяхъ мїра. Поелику всякое *слово Божїе живо и дѣйственно;* (Евр IV. 12.) и все сущее и дѣйствуемое въ мірѣ *носимо глаголомъ силы* Божіей: (Евр. I. 3.) то несомнительно, что во всѣхъ произшествіяхъ мїра, поколику онѣ суть дѣйствія Провидѣнія, заключенъ глаголъ Божій, и въ особенности въ произшествіяхъ, дѣйствующихъ на человѣка — глаголъ Божій, простирающійся къ человѣку. Опытъ и благоговѣйное вниманіе къ дѣламъ Промысла, или точнѣе, самъ Промыслитель мїра отечески вводитъ чадъ своихъ въ познаніе сего непреложнаго языка случайныхъ, по видимому, событій: и чада не отвергающія наказанія Отча разумѣваютъ, какъ благоденствіе возвѣщаетъ имъ любовь

и милосердіе Божіе; искушенія и внезапныя избавленія поучаютъ вѣрованію и упованію на Провидѣніе; бѣдствія обличаютъ грѣхъ, и призываютъ къ покаянію; лишенія временныхъ благъ и наружныхъ преимуществъ проповѣдуютъ смиреніе и самоотверженіе; препятствія и преткновенія въ путяхъ міра и плоти призываютъ на путь Господень. Но естьли кто еще не слышитъ, или не узнаетъ тихаго гласа Божія въ приключеніяхъ собственной жизни; да не затворитъ по крайней мѣрѣ, слуха и сердца отъ тѣхъ всемірныхъ гласовъ судебъ, которые вдругъ поражаютъ племена и народы, наполняютъ вѣки, потрясаютъ небомъ и землею. *Да плачетъ земля, и да помрачится небо* (Іер. IV. 28.) взываетъ Богъ у пророка, когда всѣ другіе гласы призыванія, обличенія, сѣтованія, угроженія не могли остановить стремившагося къ своей погибели народа Израильскаго. Такъ обыкновенно *глаголетъ* Богъ *суды своя* къ языкамъ преогорчевающимъ. Онъ повелѣваетъ сему

небу. которое повѣдаетъ славу Его, проповѣдывать Его гнѣвъ и ярость гласомъ страшныхъ знаменій и тлетворныхъ вліяній; заповѣдуетъ сей землѣ, которая отъ года до года износитъ Его благословеніе, вознести стенанія глада и шумъ нестроенія; обрушиваетъ грады и царства, дабы громомъ паденія ихъ пробудить спящихъ въ безчувственномъ забвеніи о Немъ: все превращаетъ въ пустыню тамъ, гдѣ *мерзость запустѣнія* (Матѳ. XXIV. 15.) проникла до самаго святилища; но все токмо для того, чтобы, погубляя путь нечестивыхъ, разширить и очистить пространство, да *уготовится путь Господень, и правы сотворятся стези Его.*

Гласъ Господень въ крѣпости! Гласъ Господень въ великолѣпіи! (Псал. XXVIII. 4.) Казалось бы, Хрістіане, что намъ не льзя и почить отъ множества, силы и непрестаннаго взыванія гласовъ, возбуждающихъ насъ обращаться къ Богу. Однако въ Евангеліи назначено время косненія небеснаго Жениха,

въ которое *воздремаша вся и спяху*: (Матѳ. XXV. 5.) и пусть каждый, очистивъ чувствія, испытаетъ окомъ, и слухомъ, и сердцемъ, не все ли окрестъ насъ знаменуетъ сію опасную нощь бездѣйствія и безпечности. *Богъ славы гремитъ* (Псал. XXVIII. 3.) нынѣ всѣми своими гласами устъ, и трубъ, и громовъ. Не будемъ говорить о ударахъ, которыми *сотрясаетъ* Онъ всю великую *пустыню* западнаго Христіанства. Слышите ли вы *гласъ* недавно возгремѣвшій и едва еще утихающій въ предѣлахъ собственной земли нашей, въ развалинахъ, *въ пустынѣ* града великаго? Сей болѣзненный и смертный гласъ толь многихъ гражданъ, гласъ разрушенія вѣковыхъ оградъ, гласъ поруганія храмовъ, есть ли только дѣйствіе случайнаго удара?— Но рука Провидѣнія не ударяетъ мимо своея меты; а сія мета назначается премудростію и правосудіемъ. Есть ли сіе одно пораженіе виновныхъ?— Безъ сомнѣнія, всевидящимъ судомъ не наказуются невинные ; но не *будемъ*

судіями помышленій злыхъ; (Іак. II. 4.) не осудимъ братій нашихъ паче самихъ себя. Въ общемъ бѣдствіи долженствовали пасть и виновные, которымъ продолженіе жизни послужило бы токмо къ умноженію ихъ преступленій; но могли безъ неправосудія пострадать и невинные, которыхъ бы страданіе болѣе очистило и запѣчатлѣло мученичествомъ, нечаянная кончина только ускорила привести къ блаженному концу бытія ихъ, и которые, можетъ быть, спасены такимъ образомъ отъ претыкновеній, угрожавшихъ имъ въ спокойномъ продолженіи земнаго странствованія. — Нѣтъ! посѣщенные тягчайшими бѣдствіями не суть виновнѣйшіе насъ помилованныхъ, и ударъ судебъ возгремѣлъ не на однихъ тѣхъ, на которыхъ низведенъ онъ. *Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете.* (Лук. XIII. 5.) Вотъ гласъ, который самъ Господь научалъ насъ слышать въ каждомъ бѣдствіи общественномъ. И услышали ли, уразумѣли ли, пріяли ли мы въ на-

стоящихъ произшествіяхъ сіе поученіе Господне? — Правда, гласъ помилованія и благоволенія, которымъ огласилъ насъ Господь предъ всѣми языками, свидѣтельствуетъ о множествѣ пріявшихъ гласъ наказанія Его: смиреніе въ признаніи вседѣйствующей надъ нами руки Его и благотворительность къ бѣдствующимъ ближнимъ, распространяемыя посреди насъ дѣйствіемъ сильныхъ примѣровъ, являютъ въ насъ плодъ достойный покаянія. Но такъ ли сокрушилъ сердца наши крѣпкій гласъ Господень, что бы *всякая дебрь наполнилась, и всякая гора и холмъ смирились*? Не еще ли видны возношенія собственности? Не еще ли зіяютъ ненасытимыя земныя желанія? Подая требующимъ, отказываемъ ли мы себѣ хотя въ нѣкоторыхъ излишествахъ? Не слишкомъ ли поспѣшаемъ заглушать сокрушающій, но вкупѣ и назидающій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, шумомъ плещущихъ и веселящихся? Не многое ли, пробужденное судомъ, уже вновь воздремало подъ сѣнію милости?

Блюдемся, о чада помилованія! дабы нерадѣніемъ о богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, толь многочастно и многообразно призывающаго насъ къ обращенію и перемѣненію житія, вновь не собирать себѣ гнѣва Божія, и не предать себя тягчайшему и конечному суду. Помыслимъ:— естьли нынѣ, во время благопріятно, и въ день спасенія, не *уготоваемъ мы пути Господня, и не сотворимъ правыхъ стезей Его;* то когда явится Самъ Онъ, *и отъ лица Его* не токмо горы и холмы, но *побѣгнутъ небо и земля,* такъ что *мѣста не обрящется имъ,* (Апок. XX. 11.) гдѣ мы тогда обрящемся?— Аминь.

СЛОВО

На Рождество Хрїстово.

Велїя есть благочестїя тайна, Богъ явйся во плоти. 1 Тим. III. 16.

Новый Адамъ исходитъ изъ дѣвственной земли. Жена, источникъ прокляттія, износитъ росу благословенія. Является истинный *Ной*, который *упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ.* (Быт. V. 29.) Безродный *Мелхиседекъ*, (Евр. VII. 3.) рожденный безъ матери, раждающійся безъ отца, приходитъ наслѣдовать Царство и Священство вѣчное. Преходитъ наконецъ долгая ночь страха и ожиданія всемірнаго; и утренній свѣтъ проникаетъ во мракъ Ветхозавѣтнаго Святилища, отверзтаго не столько къ ежедневному, сколько къ вѣчному Востоку. Небесная Манна изсыпается онъ стам-

ны ее сокрывавшей. Жезлъ Іессеевъ прозябаетъ вмѣсто увядающаго жезла Ааронова. Хрістосъ раждается.

Пріидите пастыри кроткіе, и облобызайте Агнца и Пастыря, — Агнца пасущаго пастырей, и Пастыря имѣющаго собрать во едино мирное стадо съ агнцами волковъ и юнцевъ со львами. Пріидите волхвы мудрые, и поклонитесь тайнамъ древняго Младенца; на учитеся отъ Слова нѣмотствующаго, вкусите отъ Ангельскаго хлѣба на трапезѣ безсловесныхъ, и видите, яко благъ Господь. Сонмы небесныхъ силъ, *восхвалившіе* Господа, *егда сотворены быша звѣзды!* удвойте и утройте ваши славословія предъ вашимъ Солнцемъ и для насъ восходящимъ. Хрістосъ раждается!—

Хрістосъ раждается въ Виѳлеемѣ: и въ семъ ли состоитъ вся настоящая радость, и вся слава въ вышнихъ Богу? Слава Богу: естьли Онъ раждается и у насъ; ибо сіе *Отрока родися намъ, и дадеся намъ.* (Иса. IX. 6.) Среди торжества о Его рожденіи, Церковь страждетъ болѣзнію

рожденія, дабы Онъ *вообразился* (Гал. IV. 19.) въ насъ. Не презримъ радостной скорби нашея Матери: снимемъ хотя нѣкоторыя черты съ образа рожденія Іисусова, и положимъ ихъ въ сердцахъ нашихъ.

Виѳлеемъ былъ отечественный градъ предковъ Іисусовыхъ: однако Іосифъ и Марія не имѣли въ немъ ниже убогой хижины, ниже пяди земли наслѣдственной, ни пребыванія постояннаго. Провидѣніе, рукою Кесаря, привело ихъ въ сіе мѣсто, изъ котораго предопредѣлено было *изыти Вождю Израиля*. (Мат. II. 6.) Чуждые въ землѣ предковъ своихъ, пришельцы въ своемъ отечествѣ, дали отечество Сыну того, *изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется*. (Еф. III. 15.) — Христіане! Доколѣ мы живемъ въ мірѣ съ безпечностію гражданъ, и наслаждаемся имъ съ самовластіемъ обладателей: дотолѣ Христосъ не можетъ вообразиться въ насъ. Міръ непрестанно силится выпечатлѣвать въ душѣ нашей свои преходящіе образы; насыщаемыя желанія

раждаютъ другія желанія, которыя непримѣтно возрастаютъ въ исполиновъ, и зиждутъ Вавилонъ. *Блаженъ, иже имѣетъ и разбіетъ о камень* вѣры самыхъ *младенцевъ* сего Вавилона, и отчуждитъ себя отъ града пребывающаго, дабы взыскать грядущаго! Естьли бы Авраамъ, по гласу Божію, не изшелъ отъ земли своея и отъ рода своего: то бы онъ не получилъ славнаго завѣта, обѣтованія и наслѣдія. Естьли бы страждущій Израиль не рѣшился подвергнуть себя трудностямъ опаснаго и не извѣстнаго пути: то Іегова не изшелъ бы въ силахъ его, и не уготовалъ бы въ немъ жилища себѣ. Естьли бы прозорливая мать не изгнала невиннаго Іакова отъ лица мстительнаго Исава: оный не пришелъ бы на страшное мѣсто *вратъ небесныхъ*. Безпокровные токмо странники находятъ *Вефиль* и *Вифлеемъ*,—*домъ Божій* и *домъ Хлѣба* животнаго. Только произвольные изгнанники земли пріемлются въ гражданъ неба. Кто желаетъ быть селеніемъ Сына Божія: тотъ долженъ имѣть отечество въ

единомъ Богѣ, и, при всей привязанности къ отечеству земному, впрочемъ весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградіемъ небеснаго.

Іисусъ, ничего не занявъ отъ міра въ своемъ рожденіи, по видимому не хотѣлъ и ему показать ничего собственнаго. Древодѣль получилъ имя отца его; носившая его во чревѣ, по ея признанію, не принесла къ сему служенію другаго достоинства, кромѣ чувствованія своего недостоинства: *призрѣ на смиреніе рабы своея;* Онъ скрылъ неизмѣримую вѣчность свою за днемъ своего рожденія; престоломъ Царя царствующихъ содѣлались ясли, утварью—пелены, первыми слугами Царствія—пастыри стада; Божія Сила и Божія премудрость сокрыта въ немощахъ младенчества. Но кто можетъ измѣрить разстояніе отъ высоты Божественнаго Существа Его до глубины Его уничиженія? Конечный умъ не можетъ слѣдовать за Нимъ какъ въ Его восхожденіи превыше всѣхъ небесъ, такъ

и въ Его низхожденіи до безднъ падшаго естества. Что же при видѣ толикаго смиренія должно чувствовать сердце желающее быть сообразнымъ образу Іисуса?— „Сила ума, великость духа, знаменитость дѣлъ, преимущества званій! я вами не прельщаюсь, и не завидую тѣмъ, которые гордятся вами. Нѣтъ высшей мудрости, какъ отречься отъ мудрости для Іисуса; нѣтъ большей славы, какъ раздѣлять безчестіе съ Іисусомъ; нѣтъ избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса; нѣтъ совершеннѣйшаго возраста, какъ младенчество Іисуса; нѣтъ лучшаго украшенія для души, въ которой онъ долженъ обитать, какъ видѣть себя чужду всѣхъ украшеній, подобно яслямъ Его.„ — Токъ Благодати, подобно рѣчнымъ устремленіямъ, изливается въ долы: кедры на горахъ блюдутся громамъ и молніямъ. Богъ творитъ изъ ничего: доколѣ мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ нибудь; дотолѣ Онъ въ насъ не начинаетъ своего дѣла. Смиреніе и отверженіе себя есть

основаніе въ насъ храма его: кто болѣе углубляетъ оное; тотъ выше и безопаснѣе созиждетъ.

Одною изъ существенныхъ принадлежностей рожденія Іисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взоромъ, ниже мыслію. Она должна была имѣть обручника: но токмо для того, что бы онъ былъ защитникомъ и свидѣтелемъ ея цѣломудрія, и что бы ея священное дѣвство не казалось осужденіемъ брака. Между тѣмъ она была, какъ единодушно исповѣдуетъ Церковь, Дѣва прежде рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ.— Взирай на ея примѣръ, стремящаяся къ соединенію съ Богомъ душа; и виждь въ зерцалѣ совершенства ея твою обязанность. Господь есть Богъ ревнивый: тогда, какъ Онъ гласомъ отеческой благости говоритъ человѣку: *даждь ми сыне твое сердце,* праведная ревность Его, не менѣе въ духовномъ, какъ и въ нравственномъ смыслѣ заповѣдуетъ: *не прелюбы сотвори.* Тотъ, кто далъ намъ сердце, не до-

вольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыкѣ всяческихъ. Онъ отвергаетъ всякую любовь, которая не основывается на любви къ Нему; всякое услажденіе, въ которомъ ищемъ себя, есть огорченіе для Него; всякая мысль наклоненная къ тварямъ— измѣна Ему; всякая разсѣянность— удаленіе отъ Него. Строгая токмо надъ собою бдительность можетъ возвести къ блаженному съ Нимъ соединенію и удержать въ немъ: *всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота.* (Притч. IV. 23.) Небесный Женихъ обручается съ мудрыми токмо и непорочными дѣвами, не дремлющими при его чертогѣ; дѣвственная, къ единому Богу обращенная душа зачинаетъ духовную жизнь и раждаетъ блаженство чистаго созерцанія. *Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ;* и гдѣ?— въ самомъ сердцѣ своемъ. Чистая душа, подобно какъ чистая вода, пріемлетъ въ себя живыя изображенія солнца и неба.

Не будемъ долѣе удерживать взоровъ на тѣхъ чертахъ въ образѣ рожденія Іисусова, которыя желающихъ начертать оный въ душѣ своей могли бы устрашить трудностію подражанія. Но еще одинъ взглядъ на тѣ черты онаго, въ которыхъ сквозь самое уничиженіе сіяла его Божественная слава, и которыя въ слѣдъ за первыми Благодать разкрываетъ и въ нашемъ рожденіи духовномъ.

При рожденіи Христовомъ Ангелы воспѣваютъ славу Божію и миръ на земли: они воспѣваютъ и при нашемъ возрожденіи славу Благодати и миръ человѣка съ Богомъ. *Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся.* (Лук. XV. 7.)— Ко Христу приходятъ съ благоговѣніемъ пастыри и волхвы, не смотря на убожество и неизвѣстность, которыя отдѣляли Его, по видимому, отъ всего міра: такъ и соединяющійся со Христомъ соединяется въ Немъ со всѣми вѣрными Ему столько же неразрывнымъ, сколько непостижимымъ союзомъ; тотъ Духъ,

который образуетъ изъ нихъ единое общество, или паче единое тѣло, иногда нечаянно, всегда благовременно, сближаетъ ихъ другъ со другомъ, дабы взаимно наставлять и поучаться, утѣшать и принимать утѣшеніе, исповѣдывать милость и славу Божію.— Христу приносятся дары: злато, яко Царю; ливанъ, яко Богу; смирна, яко мертвому за смертныхъ: но не обѣщаетъ ли онъ и намъ, что ищущимъ Царствія Божія *вся приложатся*? (Матѳ. VI. 33.) Не хощетъ ли *сотворить насъ Цари и Іереи Богу и Отцу своему?* Апок. I. 6.) Не сопрягаетъ ли нашего духовнаго рожденія съ тою животворящею смертію, послѣ коей *животъ* нашъ будетъ вмѣстѣ *съ Нимъ сокровенъ въ Бозѣ?* (Кол. III. 3.)

О Боже давый намъ Сына Твоего! Чего Ты намъ съ нимъ не даруешь? Даждь токмо намъ родити въ себѣ духъ Христовъ, и жити Его жизнію. Тогда пусть и противъ насъ, какъ нѣкогда противъ Него, *мятется Иродъ и весь Іерусалимъ съ нимъ;*—пусть

неистовствуетъ князь вѣка сего, и весь міръ вооружается: Ты покрыеши насъ въ тайнѣ селенія Твоего; на водѣ покойнѣ воспитаеши насъ, и чрезъ Ангела завѣта Твоего введеши насъ въ гору святую твою. Аминь.

Говорено въ Александро — Невской Лаврѣ, 1811 года.

СЛОВО

На вторый день праздника Рождества Хрїстова,

говоренное въ Придворной Церкви, въ Присутствїи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Благочестивѣйшїя Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, и Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ.

Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: воставъ поими Отроча и матерь его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хощетъ бо Иродъ искати Отрочати, да погубитъ Е. (Матѳ, II. 13.)

Чудно и ужасно! — Ангелы, которыхъ естества не пріялъ Сынъ Божій, торжествуютъ Его на земли рожденіе; Ангелы стараются спасти жизнь Пришедшаго спасти человѣковъ: а человѣкъ, для котораго Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ,

ищетъ погубить своего Спасителя. Воинство небесное проповѣдуетъ на земли миръ: но вмѣсто того начинается неслыханная война: съ одной стороны царь Иродъ и весь Іерусалимъ, съ другой— Отроча Іисусъ и, Его тѣлохранители, всѣ младенцы Виѳлеемскіе.

Правда царь не побѣдилъ Отрочате: воинство младенцевъ не предало Вождя своего въ руки враговъ, но своею кровію искупило жизнь всеобщаго Искупителя: напротивъ того невидимая месть постигла Ирода и его соумышленниковъ: *изомроша ищущіи души Отрочате.* Но сія побѣда не принесла мира, ниже безопасности Побѣдителю. Іосифъ не дерзаетъ даже ввести Его въ отеческій градъ: *убоялся тамо ити.*

Послѣ сего уже не удивительно, что возрастъ Отрочате Христа принесетъ ему новыя брани, новыя опасности. Едва Онъ явится міру: все видное въ мірѣ возжелаетъ затмить славу Его. Фарисеи, книжники, священники, князи, судіи, правители обратятъ противъ Него, каждый свое оружіе. Когда

же побѣда возведетъ Его на небеса: всѣ земныя силы: народъ и вельможи, мудрецы и Кесари, подвигнутся для испребленія отъ земли мирнаго царства Его. Кровопролитіе, начатое въ Виѳлеемѣ, обагритъ царства и вѣки.

Возвращаясь отъ воспоминанія сихъ печальныхъ событій, съ какимъ утѣшеніемъ успокоивается духъ, при видѣ великихъ и сильныхъ земли смиряющихся предъ Отрочатемъ Виѳлеемскимъ, полагающихъ лучшую славу свою въ служеніи Ему, ищущихъ своего веселія въ Его Евангеліи! —

Но что такое, Хрістіане, такъ долго раздражало, и, можетъ быть, частію еще раздражаетъ людей противъ Іисуса Хріста, въ самые дни крѣпости своея кроткаго и незлобиваго, какъ отроча, и заповѣдавшаго, всѣмъ своимъ послѣдователямъ, да будутъ *яко дѣти?*— (Мат. XVIII. 3.) *любовь къ міру,*— отвѣтствуетъ представленный нынѣ въ Евангеліи примѣръ Ирода; и даетъ намъ случай свидѣтельствовать противу сей любви, колико суе-

тной, толико вредной и Богопротивной.

Не будемъ говорить о той любви къ міру, въ которой и самый міръ, согласно съ Евангеліемъ, признаетъ вражду противъ Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требуетъ посторонихъ обличеній. Есть иная любовь къ міру, которая, повидимому, примиряется съ любовію къ Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтобы ей не возбранялось принимать жертвы отъ міра; готова творить дѣла человѣколюбія, только чтобы міръ видѣлъ и одобрялъ ихъ; даже любитъ ходить во храмы Богослуженія, только чтобы міръ за нею послѣдовалъ. Съ сей то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и повергнуть оную подъ строгій судъ, произносимый Евангеліемъ на всякую любовь міра безъ исключенія: *любы мїра сего вражда Богу есть.* (Іак. IV. 4.)

Тѣхъ, которые, при самомъ желаніи своемъ принадлежать Богу, не могутъ еще отторгнуться отъ міра, привязы-

ваетъ къ нему наипаче тройкій узелъ: прелесть его благъ, сила его примѣровъ, и надежда совмѣстить съ любовію къ міру служеніе Богу. Слово Евангелія, какъ духовный мечь, разсѣкаетъ сіе сплетеніе обмановъ, и открываетъ свободному оку: суетность благъ міра, опасность его примѣровъ, и тайное сѣмя вражды противъ Бога, заключенное въ самой, какъ говорятъ, невинной любви къ міру.

Тамъ, гдѣ міръ воспріемлетъ всю возможную важность и великолѣпіе, дабы привлекать взоры, которыхъ онъ не можетъ не уважать; гдѣ неразлучная съ нимъ подражательность облекаетъ его въ виды тѣхъ совершенствъ, которымъ онъ удивляется, и заставляетъ брать высокіе примѣры, дабы тѣмъ полномочнѣе давать свои собственные; гдѣ близость великихъ бросаетъ нѣкую тѣнь величія на самые малые предметы;— могло статься, чтобы сей блескъ или ослѣпилъ проницаніе, или поколебалъ твердость, или уничтожилъ довѣріе служителя слова, долженствующа-

го въ лице самаго міра свидѣтельствовать его ничтожность. Но духъ Божій, который приходитъ *обличить мїръ* (Іоан. XVI. 8.) предупредилъ сіе затрудненіе, воздвигнувъ себѣ свидѣтеля, котораго не льзя упрекать ни дерзостію, или пристрастіемъ, ни невѣденіемъ и неопытностію. Мудрѣйшаго и щастливѣйшаго изъ царей онъ облекъ званіемъ *Єкклесїаста*, то есть, проповѣдника; и вдохнулъ ему слово суда на всякое благо, щастіе и славу міра. Что же проповѣдуетъ сей царственный проповѣдникъ? *Суета суетствїй, рече Єкклесїастъ; суета суетствїй, всяческая суета. Видѣхъ всяческая сотворенїя сотворенная подъ солнцемъ: и се вся суетство и крушенїе духа. Се азъ возвеличихся и умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Іерусалимѣ: и уразумѣхъ азъ, яко и сїе есть крушенїе духа. Рекохъ азъ въ сердцѣ моемъ, прїиди убо, да тя искушу въ веселїи, и вижь во благѣ: и се такожде сїе суетство. И призрѣхъ азъ на вся творенїя моя, яже сотвориста руцѣ мои, и на трудъ, имже трудихся творити, и се вся суета.*

И возненавидѣхъ азъ всяческая мїра. (Еккл. I. 2. 14. 16. 17. II. 1. 11. 18.)

Св. Златоустъ (Слов. на Евтр.) находилъ Соломонову проповѣдь о суетѣ столь важною, что желалъ, дабы она *была написана и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на соборищахъ, и на домахъ, и на путяхъ, и на вратахъ, и на внутреннихъ входахъ, а всего паче на сердцѣ каждаго.* Можно сказать, что суета и дѣйствительно повсюду написана, только не всегда на челѣ и на лицѣ вещей; и мы читаемъ сіе поучительное надписаніе по большой части уже тогда, какъ нѣсколько времени обращаемъ оныя въ рукахъ нашихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сіе значитъ, что вчерашнее украшеніе сего дня перестаетъ нравиться; что повторяемое сладкопѣніе начинаетъ терзать слухъ; что пріобрѣтенная честь, или сокровище, отражаютъ сердце наше къ новымъ исканіямъ; что разширяемый кругъ познаній только болѣе отверзаетъ предъ нами—не измѣримую страну неизвѣстностей, а въ насъ—ненаполнимую пустоту любознанія? не

то ли, что духъ нашъ невольно находитъ поражающее начертаніе суеты на всемъ, что занимаетъ насъ въ мірѣ: на нашихъ удовольствіяхъ, на нашемъ богатствѣ, на нашихъ достоинствахъ и на самой мудрости нашей? Творецъ всѣхъ вещей разсыпалъ по нимъ сіе начертаніе: подобно какъ попечительный Отецъ на орудіяхъ дѣтскихъ забавъ написуетъ буквы, которымъ дѣти должны научаться.

Горе легкомысленнымъ дѣтямъ, которые не пріемлютъ ученія между играми! орудія игръ непрестанно будутъ у нихъ отнимаемы, а ненавистное ученіе останется, и будетъ нападать на нихъ съ оружіемъ угрозъ и наказанія. Такъ есть и мы, употребляя блага міра не поспѣшимъ уразумѣть въ нихъ *суету суетствій и суету всяческихъ:* то, между тѣмъ, какъ сіи тлѣнныя блага ежечасно будутъ изчезать въ рукахъ нашихъ, *суета* будетъ оставаться въ сердцѣ нашемъ, какъ терніе послѣ цвѣтовъ; и разнообразными уязвленіями будетъ производить *крушеніе духа.* Тог-

да въ самомъ пресыщеніи чувствъ поселится вѣчный гладъ; сладость пріобрѣтенія и обладанія отравляема будетъ заботами сохраненія и страхомъ потери; щастіе и слава другихъ будетъ казаться нещастіемъ и безславіемъ нашимъ; свѣтъ познаній, какъ ночный призракъ, то будетъ непостоянно мерцать въ дымѣ гордости, то низпадать отчаянно въ бреніе нечистой жизни; наипаче же смертный помыслъ, какъ строгій пѣстунъ, являясь нечаянно, будетъ приводить въ смятеніе и трепетъ рѣзвыхъ чадъ удовольствія.— Такимъ образомъ обильная жатва приводитъ раба суеты въ такое же недоумѣніе, какъ убогаго недостатокъ дневнаго пропитанія: *что сотворю?* — (Лук. XII. 17.) Благодать чудотвореній, явившаяся въ Сынѣ тектоновѣ, паче язвъ Египетскихъ, мучитъ честолюбивыхъ вождей народа: *что сотворимъ? яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ* (Іоан. XI. 48.) — Невразумительный слухъ о рожденіи безвѣстнаго младенца, принесенный въ столицу иноплеменниками, колеб-

летъ царя на престолѣ, на твердость коего тѣмъ менѣе онъ полагался, чѣмъ болѣе дорожилъ его блескомъ: *слышавъ Иродъ царь смутися.*

— *Сынове человѣчестіи! доколѣ тяжкосердіи? вскую любите суету* вмѣсто того, чтобы умудряться отъ нея? почто *ищете лжи,* которою міръ прельщаетъ, не примѣчая истины, которой онъ скрыть не можетъ?— *Преходитъ образъ міра сего;* (1 Кор. VII. 31.) не образъ только нѣкоторыхъ вещей, но и образъ всего міра: и что будетъ съ любовію къ міру, когда онъ прейдетъ невозвратно? *Земля, и яже на ней дѣла, сгорятъ:* (2 Пет. III. 10.) куда же тогда пойдутъ безсмертныя желанія, обыкшія питаться отъ земли? гдѣ будутъ самыя глубокія мудрованія, которыя однако также ископаны отъ земли? *Будетъ небо ново и земля нова:* (Иса. LXV. 17.) допустятъ ли насъ внести туда съ нашимъ сердцемъ останки ветхаго міра? —

Обратимся къ мудрѣйшему изъ царей. Какъ щастливо суетою исправ-

ляетъ онъ свою мудрость, познавъ ничтожность тѣхъ вещей, которыя ложнымъ блескомъ не разъ осуетили помышленія мудрыхъ: *уразумѣхъ азъ!* какъ суетою же исцѣляетъ отъ мученій суеты, открывая суету самыя сея суеты: *суета— суетствїй !* какъ суетою міра сего пріуготовляетъ себя къ лучшему и непреходящему міру, престав любить міръ суетный: *возненавидѣхъ азъ всяческая мїра ! —*

Къ сожаленію, многіе ближе знаютъ Соломона, подобно прочимъ, обращающагося въ вихрѣ земли: но теряютъ изъ вида Екклесіаста споящаго въ солнцѣ истины и проповѣдующаго суету земнороднымъ . Бѣдственное ослѣпленіе людей, прельщенныхъ міромъ, увеличивается тѣмъ, что слѣпые слѣпыхъ же избираютъ вождями себѣ, или даютъ влещи себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею, мнятъ быть безопасны отъ паденія. На что же, Хрістіане, дано намъ собственное око ума, на что возженъ предъ нами свѣтильникъ

откровенной истины, естьли бы мы могли ходить по єдиному осязанію примѣровъ міра? —

Внидемъ въ Іерусалимъ, въ которомъ Евангеліе показываетъ намъ сокращенный образъ міра: и примѣтимъ, куда приводятъ примѣры сего міра, пріемлемые слѣпымъ подражаніямъ. — Вѣсть о рожденіи Христа Царя приносится во Іерусалимъ, который ожидалъ въ немъ своего избавителя. Иродъ, котораго не священное право наслѣдія, но честолюбіе возвело на престолъ Давидовъ, и который утверждалъ власть свою болѣе притворствомъ и насиліемъ, нежели правленіемъ истинно благодѣтельнымъ, не могъ спокойно слышать о законномъ Царѣ Іудейскомъ, хотя Сей былъ еще въ пеленахъ, и скрывался во мракѣ неизвѣстности: *слышавъ Иродъ Царь смутися.* Но что Іерусалимъ? познаетъ ли онъ время посѣщенія своего? возклоняетъ ли главу поникшую подъ чуждымъ игомъ? радуется ли? *Благословляетъ ли Господа Бога Израилева, яко*

посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и воздвиже рогъ спасенія имъ въ дому Давида отрока своего? (Лук. I. 68. 69.) Напротивъ! видъ разстроеннаго властителя, какъ въ зеркалѣ, отражается въ участникахъ его неправеднаго владычества; отъ сихъ тотъ же образъ выпечатлѣвается въ раболѣпныхъ человѣкоугодникахъ; размножается любопытствомъ, лукавствомъ, неблагоразуміемъ; и наконецъ весь Іерусалимъ наполненъ и обьятъ нелѣпымъ безпокойствомъ и Богохульнымъ смущеніемъ о благодатномъ для всего Израиля и всего міра событіи: *Иродъ Царь смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ.*

Да помыслятъ при семъ люди, которые думаютъ, что живутъ какъ должно, естьли живутъ, какъ большая часть; — да помыслятъ они, долженствовалиль, во время сего смятенія Іерусалима, Захарія, или Симеонъ, или Волхвы, подражать примѣру множества, и по господствующему мнѣнію учреждать свои чувствованія и дѣянія; — Или міръ заблуждалъ въ одномъ Іерусалимѣ? —

Благословенно время и страна, гдѣ примѣръ великихъ и сильныхъ земли служитъ свѣтильникомъ для народа, и не позволяетъ сгуститься тьмѣ разпространяемой міродержителями тьмы вѣка сего! Но — доколѣ не пріидетъ царствіе Отца небеснаго, призываемое нами въ молитвѣ, — и подъ видимымъ владычествомъ благочестія всегда есть тайные самовладыки, которымъ Христосъ Царь не угоденъ, поелику Онъ требуетъ совершеннаго повиновенія и отреченія отъ любимыхъ страстей и вожделѣній: и плѣнники примѣровъ міра послѣдуютъ за оными, не примѣчая, что находятся въ порабощеніи у возмутителей. Какой же признакъ сихъ возмутителей и возмущаемыхъ?—О Царю Христе! міръ не хочетъ вѣрить; но Ты самъ увѣряешь насъ, что знаменіе не принадлежащихъ Тебѣ есть — многочисленность; что *многи суть званіи* во царствіе Твое, *мало же избранныхъ;* (Матѳ. XX. 16.) что тѣ, которымъ Отецъ Твой благоволилъ дать царство, суть *малое стадо;* (Лук. XII. 32.) что

узкая врата, и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его! — (Матѳ. VII. 14.) Нѣтъ! міръ не руководитель, которому послѣдовать, но врагъ, котораго побѣждать должно чадамъ Божіимъ: *всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ.* (1 Іоан. V. 4.) Образъ мыслей и чувствованій, наиболѣе одобряемый, не рѣдко есть наиболѣе опасный; примѣръ, отъ котораго заповѣдано намъ остерегаться, есть точно примѣръ наиболѣе общій, обычай принятый всегда и вездѣ, духъ времени, которымъ дышатъ и живутъ: *не сообразуйтеся вѣку сему.* (Рим. XII. 2.)

Можетъ быть, вы желали бы, Христіане, осуждаемый Евангеліемъ образъ *вѣка сего* видѣть представленнымъ въ чертахъ болѣе ясныхъ и раздѣльныхъ, дабы тѣмъ неогрѣшительнѣе различать, что *въ сынѣхъ вѣка сего* недостойно сыновъ *вѣка онаго:* но Тотъ, Который не позволилъ прежде времени отдѣлять плевелы отъ пшеницы, дабы съ восторженіемъ оныхъ и сія не была изторгнута, и *оставилъ расти обоя купно до*

жатвы, (Матѳ. XIII. 30.) оставилъ также обетшавающій образъ вѣка сего, и посреди его тайною рукою новонаписуемый образъ вѣка грядущаго, въ нерѣшительныхъ, смѣшенныхъ и пресѣченныхъ чертахъ до предопредѣленныхъ временъ совершенія, когда наконецъ и на цѣлыхъ сонмахъ рабовъ и враговъ Божіихъ, и на каждомъ челѣ, явится, тамъ свѣтлое *имя Отца* небеснаго, (Апок. XIV. 1.) а тамъ страшное *на чертаніе звѣря,* (11.) имѣющаго сотворить открытую, но гибельную для себя брань со Агнцемъ Христомъ. Нынѣ же токмо по извѣстно, что міръ есть пещера и ложе, гдѣ раждается и воспитывается звѣрь; и поле, на которомъ съ пшеницею зрѣютъ плевелы огню блюдомые. Но не довольно ли уже сего разумѣнія для того, чтобы оно управляло заповѣданною намъ осторожностію?— Чѣмъ глубже *весь міръ лежитъ во злѣ,* (1 Іоан. V. 19.) такъ что различіе зла и блага становится въ немъ какъ бы едва видимымъ: тѣмъ съ большею осмотрительностію мы должны

вѣ немъ прикасаться даже къ тому, что кажется благомъ. Естьли весь міръ исполненъ плевелъ, и доселѣ не могъ быть очищенъ отъ нихъ: то можетъ ли быть очищена отъ оныхъ душа исполненная міромъ? Естьли врагъ Божій сокровенно зачинается и живетъ въ сердцѣ міра: то можетъ ли любовь Божія обитать въ любви къ міру?

И такъ вотще стараются нѣкоторые утончать любовь къ міру, вмѣсто того, чтобы опѣскать ее; и, вмѣсто того, чтобы побѣждать оную любовію къ Богу, надѣются примирить одну съ другою. Какъ бы кто ни облекалъ свою любовь къ міру видами добродѣтелей: воздержанія, трудолюбія, нестяжательности, кротости, благотворительности: но поелику душа всѣхъ добродѣтелей есть любовь, то всѣ добродѣтели его знаменуютъ токмо сына вѣка сего; живутъ и дышатъ міромъ, и съ міромъ исчезнутъ. И какъ двѣ души не могутъ одушевлять единаго тѣла: такъ двѣ любви: любовь къ Богу и любовь къ міру, не могутъ о-

душевлять единыя души: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ.* (1 Іоан. II. 15.) Гдѣ же нѣтъ любви къ Богу: тамъ должна быть по необходимости, хотя иногда сокровенная и непримѣчаемая, вражда противъ него; ибо предъ Высочайшимъ Благомъ нѣтъ мѣста равнодушію. Въ царствѣ Вседержителя всякій отдѣльный союзъ есть возстаніе на всеобщаго Владыку: кольми паче союзъ съ областію, очевидно зараженною духомъ буйства и своеволія. *Любы міра сего вражда Богу есть.*

Воззримъ еще разъ на Ирода, въ которомъ Евангеліе обнажаетъ совершенно сіе глубокое и крайнее зло любви къ міру. Сія любовь обыкновенному взору представляется въ Иродѣ такою, что желающіе избавить ее отъ имени порока и ввести въ сообщество добродѣтелей, моглибы начать съ сего примѣра. Рожденіе Царя Іудейскаго приводитъ Ирода въ смущеніе. Чтожъ? И не простительно ли нѣкоторое смущеніе, при угрожающей потерѣ владыче-

ства и чести? но притомъ сіе смущеніе было, повидимому, кратковременнымъ порывомъ страсти, которая вскорѣ покорена разсудку. Иродъ не запретилъ Волхвамъ благоразумнаго изслѣдованія о Царѣ Іудейскомъ; но еще содѣйствовалъ имъ чрезъ способныхъ къ тому людей; *собравъ вся первосвященники и книжники людскія вопрошаше.* Онъ самъ исповѣдалъ грядущаго Христа: *гдѣ Христосъ раждается?* Онъ желалъ достовѣрныхъ свѣденій о Его пришествіи: *шедше испытайте извѣстно о Отрочати.* Наконецъ онъ готовъ былъ самъ поклониться Христу: *яко да и азъ шедъ поклонюся Ему.* Какое безпристрастіе и благочестіе, — возклицали, вѣроятно, Іерусалимляне! Міръ остался бы въ семъ обольщеніи, произведенномъ любовію къ міру: но вдругъ явилась небесная истина: *Ангелъ Господень явися.* Онъ оставляетъ безъ вниманія искусственныя слова и добродѣтели, поставленныя на зрѣлище: ведетъ насъ прямо въ сердце творца ихъ, и открываетъ, можетъ быть, еще самимъ Иро-

домъ непримѣченное хотѣніе, возникающее изъ глубины души его: *хощетъ Иродъ*. И что мы видимъ? — Смерть Спасителя міра запечатлѣнную въ душѣ міролюбца. *Хощетъ Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Є!*

О естьли бы мы могли утвердиться въ вожделѣнномъ увѣреніи, что міръ не воздвигаетъ окрестъ насъ подобныхъ сему лису противу Агнца Христа! *изомроша ищущіи души Отрочате!* Но когда призванные воинствовать подъ знаменемъ *Побѣдителя міра*. (Іоан. XVI. 33.) цѣною тлѣнныхъ благъ увлекаются на страну мятежа; когда овцы Пастыря, имѣющаго малое стадо, мнятъ обрѣсти лучшую пажить посреди хищныхъ звѣрей и нечистыхъ животныхъ; когда довольствуются тѣмъ, что имѣютъ рукою міра написанный *образъ благочестія* (2 Тим. III. 5.), не предаваясь его силѣ сокрушающей и воссозидающей, умерщвляющей и возраждающей: то не *ищутъ ли* еще, хотя не Иродовымъ путемъ,—не *ищутъ ли* одна-

ко *души Отрочате?* не возстаютъ ли, то есть, хотя, можетъ быть, сами того не примѣчая, противу истиннаго духа Христова?—

Оставимъ Соломону, котораго поставили мы первымъ свидѣтелемъ противу любви къ міру, запечатлѣть сіе свидѣтельство, и положить настоящему слову, соотвѣтственный ему, конецъ: *конецъ слова: Бога бойся и заповѣди Его храни: яко сіе всякъ человѣкъ* (Екк. XII. 13.). Противопоставь обольщеніямъ любви къ міру *страхъ* Божій; и *по заповѣдямъ* Божіимъ принимай или отвергай подаваемые тебѣ примѣры, а не составляй себѣ изъ одобряемыхъ въ вѣкѣ семъ примѣровъ, собственныхъ заповѣдей. *Храни* заповѣди Божіи, дабы міръ подъ видомъ благоучрежденія и украшенія твоей наружной дѣятельности, не похитилъ оныхъ изъ сердца твоего. *Яко сіе всякъ человѣкъ:* То есть: сыновній страхъ къ Богу и храненіе заповѣдей Его, въ средоточіи коихъ почиваетъ любы Божія, суть все

для всякаго человѣка: вЪ нихЪ его радость, обиліе, слава, покой, блаженство, животЪ временный и вѣчный. Аминь.

1814 года.

СЛОВО

На трєтїй день праздника Рождества Хрїстова.

И се вамъ знаменїе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ. Лук. II. 12.

Третій день, какъ славословящая Церковь, и при олтаряхъ, и въ домахъ, возвѣщаетъ намъ сіе знаменіе *родившагося Спасителя.* Виѳлеемскіе Пастыри, можетъ быть, не болѣе трехъ мгновеній слышавшіе небесную о Немъ вѣсть и славословіе, въ ту же ночь поспѣшили обрѣсти Его по данному имъ знаменію: *рѣша другъ ко другу, прейдемъ до Виѳлеема, и видимъ глаголъ сей бывшій, его же Господь сказа намъ.* Мы, столь долго и многократно уже оглашаемые славою, и сами призываемые къ прославленію, раждающагося Христа: *Хрїстосъ раждается, славите:*— мы, почти влекомые во срѣтеніе низ-

ходящему съ небесъ: *Христосъ съ небесъ, срящите:*—прешли ли, наконецъ до Виѳлеема, и видѣли ли глаголъ сей бывшій, его же Господь сказа намъ?—

Но какъ можно намъ прейти до Виѳлеема, скажутъ тѣ, которые не имѣютъ ни простосердечной вѣры пастырей Виѳлеемскихъ, ни мудрости волхвовъ сущихъ отъ востока? — А развѣ можно намъ, Христіане, оставаться въ большемъ удаленіи отъ родившагося Спаса нашего, нежели языческіе мудрецы, и въ большемъ невѣденіи о Немъ, нежели пастыри обращающіеся токмо съ несмысленными? Церковь конечно не обманываетъся, когда вопіетъ во уши наши; *Христосъ съ небесъ, срящите!* Конечно Христосъ доселѣ низходитъ съ небесъ, и въ такой близости къ намъ, что мы, подобно пастырямъ или волхвамъ, благовременно можемъ приспѣть на мѣсто Его Божественнаго явленія. *Прейдемъ до Виѳлеема.*

Виѳлеемъ значитъ *домъ хлѣба:* какого, естьли не *хлѣба животнаго сходя-*

щаго сѣ небесе? (Іоан. VI. 51.) Прейти вѣ сей Виѳлеемѣ, или паче, содѣлаться симѣ Виѳлеемомѣ, долженствуетѣ каждая Хрістіанская душа, дабы внити потомѣ, и преобразиться самой *вѣ Іерусалимѣ новый, вѣ скинію Божію.* (Апок. XXI. 2. 3.). Богѣ хощетѣ во всѣхѣ насѣ *явити Сына своего* (Гал. I. 16.) посредствомѣ нашего благодатнаго рожденія.

Дабы путь кѣ рождившемуся Спасителю не оставался для насѣ неизвѣстнымѣ или сомнительнымѣ; и дабы вмѣсто Виѳлеема новаго рожденія не закоснѣть намѣ вѣ томѣ ветхомѣ Іерусалимѣ, который вѣ день спасенія на пагубу свою мятется сѣ своимѣ Иродомѣ; отважимся испытать, какое бы знаменіе могло насѣ удостовѣрить вѣ нашемѣ приближеніи ко Христу, вѣ истинѣ нашего возрожденія?

Вѣ Евангеліи мы видимѣ два пути кѣ раждающемуся Христу: путь волхвовѣ и путь пастырей. Путь волхвовѣ есть путь свѣта и вѣденія, управляемый яснымѣ знаменіемѣ звѣзды, ко-

торую они видѣли на востокѣ, и которая предводила ихъ до Іерусалима и Виѳлеема. Путь пастырей есть путь сѣни и тайны, путь вѣры, а не видѣнія, который, по кратковременномъ осіяніи славою Господнею, предпріемлется въ стражу нощную, совершается безъ руководителя, и не обезлечивается никакимъ особеннымъ знаменіемъ, кромѣ удобопрерѣкаемаго знаменія *младенца повита, лежаща во яслехъ*. Кто бы не подумалъ, что свѣтлый путь волхвовъ долженъ быть безопаснѣе, удобнѣе и кратчае? Напротивъ онъ былъ и продолжительнѣе, и труднѣе и опаснѣе, нежели темный путь пастырей. Вмѣсто Виѳлеема, мудрецы являются прежде въ Іерусалимѣ: здѣсь проповѣданныя ими вѣденія ни къ чему не служатъ, развѣ ко всеобщему смятенію; они впадаютъ въ недоумѣніе о продолженіи пути своего; наставленіе небеснаго знаменія становится не внятно для нихъ; и Божественное Отроча, предъ которымъ они желали повергнуться въ благоговѣніи, едва не

повергается ими въ руки нечестія. Пастыри преходятъ поприще мрака; и, достигнувъ Виѳлеема, достигаютъ того, что слава Господня, единожды осіявшая ихъ съ небесъ, теперь невидимо вселяется въ нихъ самихъ: *возвратишася пастырїе славяще и хваляще Бога.* (Лук. II. 20.).

Прославимъ прославившаго путь волхвовъ: не презримъ пути пастырей. Естьли свѣтлый путь вѣденія привлекаетъ нашй взоры: не забудемъ, что мы должны быть не путешествующими зрителями, но осмотрительными путешественниками. Между тѣмъ, какъ очи наши теряются въ созерцаніи величественныхъ видовъ, намъ представляющихся, легко статься можетъ, что мы не примѣтимъ подъ ногами нашими камней, сѣтей и пропастей, или остановимся на пути нашемъ тогда, какъ надлежало бы простираться въ предняя. И по тому яркія озаренія ума не всегда можно принимать за непреложныя знаменія приближенія ко Христу и за вѣрныя

указанія истиннаго пути возрожденія. Есть просвѣщенные духи подобные прозрачнымъ тѣламъ, которыя пріемлютъ и передаютъ свѣтъ, но сами его не чувствуютъ; и даже производятъ въ другихъ пламя, но сами остаются хладны и мертвы. Самая высокая мудрость человѣческая есть такое свѣтило, которое поколику само идетъ неопредѣленнымъ еще путемъ, пополику и не можетъ быть надежнымъ путеводителемъ; и которое чѣмъ славнѣе въ своемъ сіяніи, тѣмъ страшнѣе въ своемъ затмѣніи. Какъ можно и желать лучшаго? Истинное и живое видѣніе собственно не есть удѣлъ настоящей жизни нашей; самое блаженство ея состоитъ въ вѣрованіи: *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ;* (2 Кор. V. 7.) *блажени не видѣвшіи и вѣровавше.* (Іоан. XX. 29.) Снидемъ же, по слѣдамъ пастырей Виѳлеемскихъ, на сѣнно таинственный путь вѣры; и чѣмъ болѣе онъ сокровенъ и невидимъ, тѣмъ болѣе потщимся его замѣтить осязательнымъ знаменіемъ ему свойственнымъ.

Токмо тотъ можетъ оставить странствующимъ ясныя и несомнительныя знаменія на новомъ и не извѣстномъ для нихъ пути, кто его прошелъ, извѣдалъ,измѣрилъ. И кто можетъ совершеннѣе и вѣдать, и открыть, и назначеновать ходъ чистаго рожденія, *еже не отъ крове и плоти,* какъ не тотъ, который единъ не родился во грѣсѣхъ, но *напитѣмъ Святаго Духа и осѣненіемъ силы Вышняго,* и который единъ всѣмъ Его пріемлющимъ *даетъ область чадомъ Божіимъ быти?* Для сего-то, Слушатели, Онъ и родился на земли, чтобы явить здѣсь небесное рожденіе, родился видимо, дабы положить предъ очи рожденіе невидимое : и поелику раждаемый въ чистотѣ и святости не имѣлъ нужды восходить къ иному лучшему рожденію; то самое рожденіе свое по плоти содѣлалъ токмо прозрачною *завѣсою,* сквозь которую мы можемъ прозирать на *новый и живый путь* (Евр. X. 20.) нашего духовнаго рожденія. Не вопрошайте убо, вземлющіе души ваши ко Господу, не вопрошайте болѣе

съ Давидомъ: *скажи ми Господи путь, въ онь же пойду:* сей недовѣдомый путь во услышаніе самой плоти нынѣ изглаголанъ воплощеннымъ Словомъ Божіимъ: *Азъ есмь путь* (Іоан. XIV. 6.) Мудрствующіе горняя! не полагайте въ сердцѣ нашемъ иныхъ возхожденій къ Богу, кромѣ степеней, по которымъ Сынъ Божій низходитъ къ человѣку: *Сїе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, некыцева быти равенъ Богу, но себе истощилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ* (Фил. II. 5—7.) Не проходите спѣшно мимо знаменія, съ такою неукрашенною простотою открывшагося въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ; сею самою простотою запечатлѣна тайна вашего собственнаго Виѳлеема: во внѣшнемъ знаменіи родившагося Спасителя заключено внутреннее знаменіе спасительнаго возрожденія.

И во первыхъ, *се вамъ знаменїе: обрящете младенца.* — Гордость Денницы,

воплотясь въ человѣка, возрастила его въ исполина, для котораго *узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ* содѣлались непроходимыми: Сынъ Божій, дабы обновить сей путь своею плотію, стѣсняетъ свое необъятное величіе въ скудный возрастъ младенчества, и полагаетъ его мѣрою, въ которую бы мы приходили, вступая на путь живота, и приближаясь ко вратамъ царствія. То, что нѣкогда сказалъ Онъ ученикамъ своимъ на ихъ вопросъ: *кто есть болій въ царствіи небеснѣмъ?* еще прежде проповѣдано было нѣмотствующимъ Его младенчествомъ: *Аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное.* (Матѳ. XVIII. 3.) И такъ кто хощетъ обрѣсти путь Іисуса: тотъ да взыщетъ Его младенчества. Младенецъ почиваетъ на рукахъ своей матери; мыслитъ ея умомъ; управляется ея волею; питается ея пищею; живетъ ея жизнію: естьли вы въ дѣтской простотѣ успокоиваетесь на рукахъ провидѣнія; естьли умъ вашъ забываетъ себя въ благо-

говѣйномъ смиреніи предъ судьбами Премудрости Божіей; естьли вы совершаете волю Божію такъ, какъ бы она была вашею волею; *Естьли вы возлюбили словесное и нелестное млеко,* (1 Пет. II. 2.) не токмо яко услажденіе, но и яко пищу, возращеніе и оживленіе духа; то благословите Бога, который утвердилъ въ васъ живое знаменіе Спасителева рожденія.

Во вторыхъ, *се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита.*— Знаменіе повитія пеленами намъ изъясняетъ одинъ изъ древнихъ учителей Христіанскихъ. (Tert. adverſus Marcion.) Въ повитіи пеленами, говоритъ онъ, Іисусъ предначинаетъ свое погребеніе. Въ самомъ дѣлѣ пелены младенца и плащаница умершаго вначалѣ изтканы однимъ художникомъ; колыбель и гробъ имѣютъ одного изобрѣтателя. Естьли бы грѣхъ не изобрѣлъ гроба и плащаницы: то не было бы также пеленъ и колыбели. Какъ немощи рожденія суть начатки смерти: такъ колыбель— предтеча гроба, и пелены— пер-

вый край постепенно развиваемой погребальной плащаницы. Почему Сынъ Божій, благоволивъ быть повитъ пеленами, предобразуетъ ими жизнь непрестаннаго умерщвленія. Кто бы вы ни были, желающіе ходить во слѣдъ Іисуса, вы также должны проходить сѣнь смертную на пути рожденія въ животъ вѣчный. Каждое орудіе соблазна должно быть *усѣчено,* (Матѳ. V. 30.) каждое движеніе собственности удержано и прекращено, каждое земное вожделѣніе связано и умерщвлено: *умертвите уды ваша, яже на земли.* (Кол. III. 5.) Вы должны, подобно повитому пеленами, сохранить свободу, отверзать очи ваши токмо для того, что бы пріобыкнуть спокойно взирать на узы вашего ветхаго человѣка, и такимъ образомъ умертвить самое зрѣніе; должны сохранить уста ваши токмо для того, что бы дышать воздыханіями молитвы. Такъ вѣрные послѣдователи Господа *носили мертвость его въ тѣлѣ своемъ,* (2 Кор. IV. 10.) *и умирали по вся дни* (1 Кор.

XV. 31.) но въ сей самой смерти почерпали новую жизнь; *яко умирающе, и се живи есмы.* (2 Кор. VI. 9.) Жизнь умерщвленія есть непререкаемое знаменіе пути Христова; и гробъ ветхаго есть истинная колыбель новаго человѣка.

Наконецъ, *се вамъ знаменіе, обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ.* Есть ли младенчество и пелены Богочеловѣка суть знаменія глубокаго смиренія Его и умерщвленія: то ясли его суть изображеніе непостижимаго истощанія. Уже Онъ умалилъ себя предъ Ангелами своимъ человѣчествомъ, своимъ младенчествомъ и пеленами воспріялъ на себя то, что есть уничиженнѣйшаго въ человѣкахъ: Онъ низходитъ еще; и слово неразлучно *сущее у Бога* вмѣняется съ безсловесными. О какъ предъ симъ знаменіемъ Божественнаго истощанія все превознесенное въ человѣкахъ, все славное въ мірѣ, не унижается и умаляется, но рушится, изчезаетъ, и скрывается въ естественномъ своемъ ничтожествѣ!

И блаженъ, кто благоговѣетъ предъ яслями Богочеловѣка также, какъ и предъ престоломъ Его Величествія; кто, повергаясь предъ ними, видитъ ихъ надъ собою въ такой же высотѣ, какъ небо! Пусть онъ теряетъ весь міръ, теряетъ себя самаго въ безпредѣльной глубинѣ своего ничтожества: сія безпредѣльность есть предѣлъ сообщенія съ безпредѣльнымъ Божествомъ. Пусть, по изреченію Псалмопѣвца, *изчезаетъ душа его:* она изчезаетъ *во спасеніе.* (Псал. CXVIII. 81.)

Вы видите, слушатели какимъ образомъ Виѳлеемское знаменіе родившагося Спаса дано не однимъ Виѳлеемскимъ пастырямъ, но и каждому изъ насъ, дабы управлять нашимъ духовнымъ путемъ ко Христу Спасителю. Вопросимъ еще единожды, прешли ли мы до Виѳлеема, и то, чего естественно ищетъ душа наша, обрѣли ли столь же неукоснительно, беспрепятственно, вѣрно, какъ сіи вѣрные въ простотѣ своей пастыри— *пріидоша поспѣшшеся, и обрѣтоша?* О Іисусе мла-

денчествующій! Какъ трудно намъ кажется сократиться въ сію скудную мѣру Твою! Мы любимъ не малитися съ Тобою, но расти въ себѣ самихъ: расти своемудріемъ, расти вожделѣніями, расти ложною славою. О животѣ, повитый въ погребеніе! Какъ часто мы безъ вниманія попираемъ, и дерзновенно раздираемъ пелены Твои! Мы желаемъ, лучше жить, дабы умереть, нежели умирать, дабы жить! О Мудросте и Слове Божій, поучающій насъ нынѣ изъ яслей Твоихъ! какъ мало мы внимаемъ великой проповѣди Твоего немощствованія; какъ будто знаменія Сына Божія на земли для насъ малы и низки; какъ будто мы ждемъ, что бы для насъ *явилось знаменіе Сына человѣческаго на небеси!* Оно *явится:* но тогда уже не время будетъ ни праздновать, ни поучаться: *тогда восплачутся вся колѣна земная.* (Матѳ. XXIV. 30.)

Поспѣшимъ, Хрістіане, проходить примрачный путь вѣры, дабы свѣтъ суднаго дня внезапно не ослѣ-

пилъ насъ. Срѣтимъ любовію Христа низходящаго съ небесъ, дабы онъ срѣтилъ насъ милосердіемъ, восходящихъ на небо. И естьли кто уже пришелъ къ нему съ пастырями, да возвращается тотъ всегда съ ними отъ славныхъ знаменій къ простотѣ вѣрованія, восписуя славу единому Богу. Естьли же кто съ волхвами притекъ въ сокровенный Виѳлеемъ отъ шумнаго Іерусалима: *да не возвратится тотъ ко Ироду,* похвалиться своимъ обрѣтеніемъ; да не содѣлается тайна Царя славы оружіемъ міродержителя тмы вѣка сего, который *ищетъ Отрочате, да погубитъ Е.* Аминь.

Говорено въ Троицкой Церкви, что въ домѣ Его Сіятельства Князя Александра Николаевича Голицына, 1812 года.

СЛОВО

Въ Великій Пятокъ.

Чего теперь ожидаете вы, Слушатели, отъ служителей слова? нѣтъ болѣе слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкамъ пути живота*, (Псал. XV. 11.) Слово сіе оставило небеса, и облеклося плотію: но человѣки не восхотѣли внимать Слову; растерзали плоть Его; и се, *взятъ отъ земли животъ Его!*— (Иса. LIII. 8.) Кто же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія? —

Поспѣшимъ исповѣдать тайну Слова, которая долженствуетъ обезоружить гонителей Его, и которая возвращаетъ Его душамъ готовымъ принять Оное. Слово Божіе не связуется

смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу, и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ѵпостасное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ своемъ спасительномъ вочеловѣченіи, умирая плотію, въ то же время *исполняетъ всяческая* (Ефес. IV. 10.) своимъ духомъ и силою. Посему-то, когда Іисусъ Христосъ изнемогаетъ и умолкаетъ на крестѣ: тогда и небо и земля даютъ Ему гласъ свой, и умершіе проповѣдуютъ воскресеніе Распятаго, и самое каменіе вопіетъ о Немъ. *И помрче солнце, и завѣса церковная раздрася, и земля потрясеся, и каменїе распадеся, и тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа.* (Лук. XXIII. 45. Мат. XXVII. 51. 52.)

Христіане! Воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и дѣйственнѣе глаголать къ намъ; сокрываетсп для того, что бы внутреннѣе *вселиться въ насъ:* (Іоан. I. 14.) умираетъ, чтобы даровать намъ свое

наслѣдіе. Будучи собраны Церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. IV. 12.) умершаго, слышите данное отъ него вамъ завѣщаніе: *Азъ завѣщаю вамъ, яко же завѣща мнѣ Отецъ мой, царство.* (Лук. XXII. 29.)

Но дабы неблаговременныя мечтанія о величіи сего наслѣдія не уклонили взоровъ нашихъ отъ преднаписаннаго предъ нами въ сіи великіе дни Распятаго Іисуса; примѣтимъ тщательнѣе, Христіане, что первые наслѣдники Его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Оно пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. Что сіе значитъ?— то что какъ Христу *подобаше пострадати,* дабы потомъ *внити въ славу,* (Лук. XXIV 26.) которую *имѣлъ Онъ у Отца,* такъ христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе,* (Дѣян. XIV. 22.) которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для

всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключь царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе великаго *слова крестнаго,* (1 Кор. I. 18.) толь необьятнаго уму, толь удобопріятнаго вѣрѣ, толь сильнаго Богомъ. Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова Животворящаго.

Прежде нежели вочеловѣчившійся Сынъ Божій воспріялъ и понесъ крестъ свой, сей крестъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ содѣланъ *изъ древа познанія добра и зла.* Первый человѣкъ думалъ испытать только плодъ его: но едва прикоснулся, какъ вся тяжесть запрещеннаго древа, со всѣми вѣтьвями его и отраслями, обрушилась на хребетъ нарушителя Господней заповѣди. Тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть, нищета, уничиженіе, вражда всей природы, словомъ: всѣ разрушительныя силы, какъ бы исторгшись изъ роковаго древа, ополчились на него: и низринулся бы сынъ гнѣва на вѣки во адъ, естьлибы Милосердіе, по предвѣчному совѣту, не про-

стерло къ нему руки своей, и неудержало его въ паденіи. Сынъ Божій пренесъ на себя бремя его подавляющее; усвоилъ себѣ крестъ его, и предоставилъ ему токмо придержаться сего креста, безъ сомнѣнія не для того, чтобы онъ вспомоществовалъ Всемогущему въ ношеніи бремени, но дабы самъ, и съ малымъ оставшимся ему крестомъ собственнымъ, носимъ былъ силою креста великаго, подобно какъ ладія влечется движеніемъ корабля. Тако крестъ гнѣва преображается въ крестъ любви; крестъ, заграждавшій рай, становится лѣствицею къ небесамъ; крестъ, рожденный отъ страшнаго *древа познанія добра и зла,* чрезъ орошеніе Божественною кровію, перераждается *въ древо жизни.* Сынъ Божій пріемлетъ естество наше, и *страданьми совершаетъ* въ себѣ *начальника спасенія* нашего; *искушается по всячески*мъ и *вспомоществуетъ искушаемы*мъ; шествуетъ со крестомъ, и *ведетъ въ славу* своихъ послѣдователей. (Евр. II. 10. 18. IV. 15.)

Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный Начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть? Кто изчислитъ разнообразное множество крестовъ, изъ которыхъ онъ, какъ изъ каплей море, составляется? — Не отъ Іерусалима токмо до Голгоѳы несенъ крестъ сей, съ помощію Симона Киринейскаго. Несенъ онъ и отъ Геѳсиманіи до Іерусалима, и до Геѳсиманіи отъ самаго Виѳлеема. Вся жизнь Іисуса была единый крестъ; и никто не прикасался къ бремени его, развѣ для отягченія онаго: *Единъ истоптахъ точило* ярости Божіей, *и отъ языкъ не бѣ мужа съ Мнѣ.* (Иса. LXIII. 3.)

Божество соединяется съ человѣчествомъ, вѣчное со временнымъ, всесовершенное съ ограниченнымъ, несозданное съ своимъ созданіемъ, самосущее съ ничтожнымъ: какой необозримый и непостижимый крестъ изъ сего уже слагается!

Богочеловѣкъ, котораго низшествіе на землю прославляютъ небеса,

является здѣсь въ уничиженнѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ; нѣтъ для Него ни дома, ни колыбели; кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.

Исчисляютъ Безначальному осмь дней новаго бытія: и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.

Господь храма, *приносится во храмъ поставити Его предъ Господемъ,* и пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами.* (Лук. II. 22. 24.)

Тогда, какъ онъ еще нѣмотствуетъ, уже изощряется на Него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго, и проходитъ сердце Его матери. (Лук. II. 34. 35.)

Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ царя Іудейскаго: но сія малая слава воздвигаетъ на Него злобу Іудейскаго царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія, и принуждаетъ удалить-

ся отъ народа Божія въ страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божія неиначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣковъ*. Источникъ и податель благодати *пріемлетъ благодать*. (Лук. II. 52.) Тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ, которыхъ удостоилъ нарещи своими родителями.

Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня вступленія своего въ торжественное служеніе спасенію рода человѣческаго!

Святый Божій грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками преклоняется подъ руку человѣка, и пріемлетъ крещеніе: во истину *крещеніе*, слушатели, то есть, погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста!

Испытующій сердца и утробы самъ поставляется *въ искушеніи*. Хлѣбъ небесный предается земной *алкѣ*.

Тотъ, предъ которымъ должно *преклонятися всяк е колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ к язя преисподнихъ требовать отъ себя *поклоненія*. (Матѳ. IV.)

Ходящай Бога и человѣк въ открываетъ себя человѣкамъ: но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ Богохульнымъ, (Матѳ. IX. 3) Его дѣла беззаконными, (Іоан. IX. 16.) Его чудеса Веельзевуловыми. (Матѳ. XII. 24.) Естьли Онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу; Его называютъ нарушителемъ субботы: естьли обращаетъ заблуждшихъ, и пріемлетъ кающихся; Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ*. (Матѳ. XI. 19.) Тамъ ищутъ уловить Его словомъ; (Матѳ. XXII 15.) здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть; Лук. IV. 29.) индѣ вземлютъ на Него каменіе; (Іоан. VIII. 59.) нигдѣ не даютъ Ему главы подклонити. (Матѳ. VIII. 20.) Онъ воскрешаетъ умершаго;—завистники совѣщаваются умертвить Его самаго. (Іоан.

XI. 43. 44. 46. 53.) Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ;— всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему *соблазномъ*, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе. (Матѳ. XVI. 23.)

Почіешь ли Ты, Божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ? Почіешь ли, есть ли не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ послѣдователей?— Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благоволенія Отчаго!— Но не

примѣчаете ли вы, Слушатели, какъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ, и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамо среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія?— Они бесѣдуютъ о Его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его.* (Лук. IX. 31.)

Долго носилъ Іисусъ крестъ свой, какъ бы не чувствуя его тяжести: наконецъ *преданъ былъ* ему *аки льву, да сокрушитъ вся кости Его.* (Иса. XXXVIII. 13.) Внидемъ за Нимъ съ Петромъ и сынми Зеведеовыми въ вертоградъ Геѳсиманскій; и проникнемъ бдящимъ окомъ во мракъ послѣдней нощи его на земли. Уже Онъ не сокрываетъ креста сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти.* (Матѳ. XXVI. 38.) И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцемъ не облегчаетъ Его, но токмо удерживаетъ подъ тяжестію страданія: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія : обаче не*

якоже азъ хощу, но якоже Ты. (Матѳ. XXVI. 39.) *Носящій всяческая глаголомъ силы своея* имѣетъ теперь нужду *въ укрѣпленіи отъ Ангела.* (Лук. XXII. 43.)

Можетъ быть смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ ли Агнецъ, *заколенный отъ сложенія міра,* (Апо. XIII. 8.) убѣгать своего жертвенника? Тотъ, *Его же Отецъ святи и посла въ міръ,* (Іоа. X 36.) Тотъ, который отъ вѣка пріялъ на себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о страданіи? Естьли Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость: то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе, и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися,* говоритъ Онъ, и *како удержуся дондеже скончаются?* (Лук. XII. 50.) И такъ естьли Онъ скор-

битъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію; естьли мы видимъ Его *быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи,* то Онъ *грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ;* (Иса. LIII. 3 4) чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней намъ уготованныхъ, которая потопила бы весь міръ, естьли бы Онъ единъ не возпріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена вопервыхъ преслушаніемъ Адама, потомъ растлѣніемъ *перваго міра,* (Быт. VI. 12. 2 Пет. II. 5.) гордостію и нечестіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностію Египта, измѣнами Іерусалима *избившаго Пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему,* злостію Синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ, и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазнами въ самомъ Христіанствѣ; раздѣленіями единаго стада Единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оску-

дѣніемъ вѣры и любви въ Царствѣ вѣры и любви, возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей:* — легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, закоснѣніе старости, забвеніе Промысла въ щастіи, ропотъ въ нещастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка надмѣннаго мечтою просвѣщенія:— всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу: и дивно ли, что она была смятенна, растерзана, *прискорбна даже до смерти?*

Наше слово изнемогаетъ, Слушатели, чтобы провождать еще великаго Страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Голгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго. Но совершаемыя нынѣ Церковію шайнодѣйствія уже преднаписали вамъ сей путь и сей послѣдній крестъ. Онъ столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него; и столь тяжекъ, что земля потряслась подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поносѣйшія, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребезаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ страданія; страдать для славы Божіей, и быть оставлену Богомъ:— какая неизмѣримая бездна страданій!

Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего?— Ей, Господи! Ты оставилъ Его вмалѣ, дабы на вѣки не оставить насъ, Тебе

оставившихъ. О нынѣ Онъ *воцаряется; облекается во лѣпоту, препоясуется силою, и утверждаетъ вселенную, да не подвижится.* (Псал. XCII. 1.) *Вознесенный отъ земли* крестомъ, Онъ простираетъ его на землю, и *вся привлекаетъ къ себѣ* на небо. (Іоан. XII. 32.)

Но, сколь ни велика и Божественна все привлекающая сила Іисуса Христа: Онъ не иначе можетъ *влещи насъ во слѣдъ Себе,* (Пс. I. 3.) какъ чрезъ вселуженіе креста Своего въ насъ, и сопряженіе съ Его крестомъ креста нашего. *Иже хощетъ по мнѣ ити,* глаголетъ Онъ, *да возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Мнѣ.* (Лук. IX. 23.) Ибо хотя завѣтною Своею кровію и крестомъ Своимъ совершилъ Онъ очищеніе отъ грѣховъ и отъ проклятія искупленіе всего міра, и отверзъ намъ входъ во свящая святыхъ: но поелику туда не входитъ ничто, кромѣ жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя въ руки сего великаго, *по чину Мелхиседекову,* Священника; поелику клятва есть плодъ грѣха, грѣхъ

же утверждается своимъ корнемъ въ свободной волѣ, то для усвоенія себѣ очищенія и искупленія, правды и благословенія Христова, мы должны свободно предать волю свою естественному въ насъ дѣйствованію Христову. Для сего то тѣ, которые истинно постигли заключенную въ *словѣ крестномъ силу Божію*, столь часто и примѣромъ и словомъ поучаютъ насъ *сораспинатися Христу, распинаться міру, распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себѣ самимъ, исполнять лишенїе скорбей Христовыхъ во плоти нашей.* (Рим. VI. 6. Гал. VI. 14. V. 24. Рим. XIV. 7. Кол. I. 24.)

Чѣмъ неослабнѣе и терпѣливѣе мы носимъ бремя креста нашего: тѣмъ обильнѣе подаются намъ дары Божіи пріобрѣтенные крестомъ Христовымъ: *якоже избыточествуютъ страданїя Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшенїе наше.* (2 Кор. I. 5.) Грѣшникъ, который отъ усильнаго ношенія креста своего преходитъ на конецъ къ распятію себя на немъ, съ совер-

шенною покорностію подвергаясь всѣмъ дѣйствіямъ очистительнаго правосудія предъ лицемъ распятаго Іисуса, вскорѣ услышитъ съ разбойникомъ радостный гласъ Его: *днесь со Мною будеши въ раи.* Страданіе въ присутствіи Христа и по образу Его есть преддверіе рая.

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова: такъ крестъ таинственный— печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жезлъ Отчій не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій,* (Псал. II. 9. XXII. 4.) очистительный огнь вѣры, сопутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе Ангелы водители и хранители Церкви,— Іосифы, Моисеи,

Даніилы, Павлы?— въ училище креста. Когда благословеннѣе вся Церковь возрастала, процвѣтала, и приносила плодъ во святыню?— Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ, и напаяема кровію мучениковъ. Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца, вопросили Іоанна въ видѣніи? *Сіи облеченніи въ ризы бѣлыя, кто суть, и откуду пріидоша?* и когда онъ не могъ узнать ихъ въ Божественной славѣ сей, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія.* (Апок. VII. 13. 14-)

Кто же суть тѣ, которые желаютъ *изпразднить крестъ Христовъ*, (1 Кор. I. 17.) и мнятъ *уразумѣть силу воскресенія Его* безъ *сообщенія страстей Его?* (Фил. III. 10.) Естьли единъ Христосъ есть и *животъ* и *путь* (Іоан. XIV. 6) къ животу: то какъ могутъ они достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путемъ* Его? Могутъ ли изнѣженные сіи члены быть въ союзѣ

нѣла, которое *сѣтуетъ* себѣ увѣнчанная терніемъ *Глава?* (Ефес. IV. 15. 16.) Можно ли членамъ быть въ покоѣ и безпечности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи; забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она обьята болѣзнями смертными; упиваться изъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ оцетъ; превозноситься, когда она преклоняется; не хотѣть ниже минуты поболѣть о собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, когда она за чуждыя страждетъ и умираетъ; жить міру и плоти, когда она предаетъ духъ свой Богу?—

О человѣкъ влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! виждь образъ твой въ человѣкѣ погружающемся въ водахъ и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста, и такимъ образомъ превозмогаетъ враждебныя волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися

отъ земли: она простирается въ крестъ, и возлетаетъ. Ищи и ты въ крестѣ средства изникнуть отъ міра, и вознестися къ Богу. *Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть.* Аминь.

Говорено въ Александро – Невской Лаврѣ, 1814 года.

СЛОВО

Въ Великій Пятокъ.

Тако возлюби Богъ міръ. Іоан. III. 16.

Нынѣ ли о любви, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые? Нынѣ ли, когда плодъ вражды созрѣлъ въ вертоградѣ Возлюбленнаго; когда и земля трепещетъ отъ ужаса; и сердца камней разрываются, и око неба помрачается негодованіемъ? Нынѣ ли о любви къ міру, когда и Сынъ Божій, страждущій въ мірѣ, оставленъ безъ утѣшенія, и молитвенный вопль Его: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ,*— безъ отвѣта Отеческаго?

Правда, Хрістіане! День вражды и ужаса день сей, день гнѣва и мщенія. Но естьли такъ: то что съ нами будетъ, когда и земля не тверда подъ нами, и небо надъ нами не спокойно? Куда убѣжать съ колеблющейся земли? Куда уклониться изъ подъ грозящаго

неба? Взирайте прилѣжнѣе на Голгоѳу: и тамъ, гдѣ видится средоточіе всѣхъ бѣдъ, вы откроете убѣжище. Тогда. какъ *трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ,* (Псал. XVII. 8.) не видите ли, какъ непоколебимо тамъ стоитъ неукорененное древо Креста? Тогда, какъ и мертвые не почиваютъ во гробахъ своихъ, не видите ли, какъ мирно почіетъ Распятый на крестѣ своемъ, сколько ни старались Его совлещи самою славою Спасителя: *иныя спасе, себе ли не можетъ спасти?* самымъ достоинствомъ Сына Божія: *аще Сынъ еси Божій: сниди со креста:* самымъ благомъ вѣры въ Него: *да сниде́тъ нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него?* И такъ утвердимъ въ сердцахъ нашихъ сію странную и страшную для міра, но радостную для вѣрующихъ истину: что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего тверже Креста, и безопаснѣе Распятаго. Ужасы отъ Голгоѳы для того и разсѣяны по всему міру, что бы мы, не видя нигдѣ безопасности,

бѣжали прямо на Голгоѳу, и повергались у ногъ, и скрывались въ язвах„ и погружались въ страданіяхъ Распятаго Спасителя. О Солнце! для чего бы тебѣ закрывать отъ Него лице свое въ полдень, когда великое дѣло тьмы еще при твоемъ свѣтѣ достигло уже своей полуночи, и когда *очи* Всевидящаго, *тма ти тмѣ свѣтлѣйши* свѣта твоего, и во тьмѣ столь же ясно видятъ позоръ Богоубійства?— Такъ! въ твоемъ негодованіи впечатлѣно было наше вразумленіе; ты поспѣшало совершить видимый день вражды и гнѣва, дабы препроводить насъ къ созерцаемому дню любви и милосердія, освѣщаемому незаходимымъ свѣтомъ Трисолнечнаго Божества.

Хрістіанинъ! пусть *тьма покрываетъ землю!* пусть *мракъ на языки! востань* отъ страха и недоумѣній! *свѣтися* вѣрою и надеждою! сквозь тьму *приходитъ свѣтъ твой.* (Иса. LX. 1, 2.) Пройди путемъ, который открываетъ тебѣ раздирающаяся завѣса таинствъ; внеди во внутреннее Святилище страданій

Іисусовыхъ, оставя за собою внѣшній дворъ, отданный языкамъ на попраніе. Что тамъ? — Ничего, кромѣ святыя и блаженныя любви Отца и Сына и Святаго Духа къ грѣшному и окаянному роду человѣческому.

Любовь Отца — распинающая.

Любовь Сына — распинаемая.

Любовь Духа—торжествующая силою крестною.

Тако возлюби Богъ міръ!

О сей-то любви, Хрістіане, да будетъ позволено мало нѣчто нѣмотствовать предъ вами: поелику изрещи ея даже и не возможно, такъ что само Слово Божіе, дабы совершенно изобразить ее, умолкло на крестѣ. Сіе же Слово и сія любовь да даруетъ намъ и нѣмотствовать и внимать нѣмотствованію, подобно какъ дѣти одной матери, ея сердцемъ и ея словами взаимно нѣ-

мотствуютъ и разумѣютъ нѣмотствованіе.

И такъ кто распинаетъ Сына Божія? Воины? Они суть почти столько же страдательныя орудія, какъ крестъ и гвоздіе. Пилатъ? Онъ, кажется, истощилъ всѣ усилія въ защищеніи Праведника, и торжественно изъявилъ свое несогласіе на пролитіе крови Его, *Пріемъ воду, умы руцѣ предъ народомъ, глаголя: неповиненъ есмь отъ крове Праведнаго сего.* Народъ? Какъ могъ онъ искать смерти Того, котораго старался воцарить? Первосвященники? Старѣйшины? Фарисеи? Они признаются, что не имѣютъ власти ни надъ чьею жизнію. *Намъ не достоитъ убити, никогоже.* Предатель? Онъ уже свидѣтельствовалъ во храмѣ, что *предалъ кровь неповинную.* Князь тьмы? Онъ не могъ коснуться и жизни Іова: нынѣ же самъ осуждается и изгоняется. Но кто лучше, какъ Распятый, можетъ знать распинателей? И что же глаголетъ Онъ?— *Не вѣдятъ, что творятъ.* Коснулся было истинной причины дѣла сего Каіафа, сказавъ, что

уне есть, да единъ человѣкъ умретъ за людя: однако и *сего о себѣ не рече, но Архїерей сый лѣту тому;* онъ прозвучалъ, какъ кимвалъ, въ который на томъ день надлежало благовѣстить для церкви, но и самъ же не уразумѣлъ своего благовѣстія. Такимъ образомъ то, чего не хотѣли, не могли, не знали, предъ цѣлымъ свѣтомъ совершилось тѣми самыми, которые не хотѣли, не могли, не знали.

Впрочемъ сіе не значитъ того, чтобъ и не было виновныхъ въ убіеніи Невиннаго. Нѣтъ! кто не могъ, если-бы только восхотѣлъ, уразумѣть то, что уразумѣлъ и проповѣдалъ отчаянный даже Іуда? Но *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли.* (1 Кор. II. 8.)

Намъ должно примѣтить здѣсь то, какую ничтожную паутину составляло все сплетеніе видимыхъ причинъ, произведшихъ великое Голгоѳское событіе. Какъ же сія паутина въ первыхъ нитяхъ своихъ не разторглась или отъ дохновенія гнѣва Божія, или

даже отъ вѣтра суеты человѣческой? Кто связалъ ею льва отъ Іуды? Какъ сдѣлалось то, чего не хотѣли, не могли, не знали, и что сполъ удобно было и уразумѣть и отвратить? Нѣтъ! не человѣки здѣсь ругаются Божію величеству: Божій Промыслъ посмѣвается буйству человѣческому, безъ нарушенія свободы заставляя его служить высочайшей Своей Премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа: Всеблагій Отецъ не щадитъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная уязвляетъ любовь небесную: небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертію любви убить вражду, и разпространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную. *Богъ возлюби міръ,* и *Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.*

Кажется, мы, и приникая въ тайну распятія, и усматривая въ страданіяхъ Сына Божія, волю Отца Его, болѣе ощущаемъ ужасъ Его правосудія, нежели сладость любви Его. Но сіе

долженствуетъ увѣрять насъ не въ отсутствіи самыя любви, а токмо въ недостаткѣ нашея готовности къ принятію ея внушеній. *Боялся, не совершися въ любви,* (1 Іоан. IV. 18.) говоритъ ученикъ любви. Очистимъ и разширимъ око наше любовію, и тамъ, гдѣ оно смѣжалось страхомъ Божія суда, насладимся зрѣніемъ любви Божіей. *Богъ любы есть,* (16.) говоритъ тотже созерцатель любви. Богъ есть любовь по существу и самое существо любви. Всѣ его свойства суть облаченія любви; всѣ дѣйствія — выраженія любви. Въ ней обитаетъ Его всемогущество всею полнотою своею; она есть Его истина, когда осуществуетъ возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждаетъ существующее или существовать имѣющее, по закону истины; она есть Его благость, когда премудро раздаетъ истинные дары свои; наконецъ, она есть Его правосудіе, когда степени и роды низпосылаемыхъ или удерживаемыхъ даровъ своихъ измѣряетъ премудростію и бла-

гостію, ради высочайшаго блага всѣхъ своихъ созданій. Приближьтесь и разсмотрите грозное лице правосудія Божія, и вы точно узнаете въ немъ кроткій взоръ любви Божіей. Человѣкъ своимъ грѣхомъ заградилъ отъ себя приснотекущій источникъ любви Божіей: и сія любовь вооружается правдою и судомъ, — для чего? — дабы разрушить сей оплотъ раздѣленія. Но какъ ничтожное существо грѣшника, подъ ударами очищающаго Правосудія, невозвратно сокрушилось бы, подобно сосуду скудельному: то непостижимый Душелюбецъ, посылаетъ единосущную Любовь свою, то есть, единороднаго Сына Своего, дабы Сей, *Носящій всяческая глаголомъ силы Своея,* (Евр. I. 3.) воспріятою на Себя плотію нашею, кромѣ грѣха, понесъ и тяжесть нашихъ немощей и тяжесть подвигшагося на насъ правосудія; и, Единъ изтощивъ стрѣлы гнѣва, изощренныя на все человѣчество, въ крестныхъ язвахъ своихъ открылъ бы незагради-мые источники милосердія и любви,

долженствующіе упоить всю, проклятую нѣкогда, землю благословеніями, жизнію и блаженствомъ. *Тако возлюби Богъ міръ!*

Но естьли Отецъ Небесный изъ любви къ міру предаетъ единороднаго Сына своего; то равно и Сынъ изъ любви къ міру предаетъ Себя самаго: и какъ любовь распинаетъ, такъ любовь же и разпинается. Ибо хотя не *можетъ Сынъ творити о себѣ ничесоже:* но ничего также не можетъ Онъ творить и вопреки себѣ. *Онъ не ищетъ своея воли:* (Іоан. V. 30.) но потому, что есть вѣчный наслѣдникъ и обладатель воли Отца своего. *Пребываетъ въ Его любви:* но въ ней и самъ воспріемлетъ въ свою любовь все Отцу любезное, какъ и глаголетъ: *возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ.* (Іоан. XV. 9. 10) И такимъ образомъ любовь Отца небеснаго, чрезъ Сына, простирается къ міру: любовь единосущнаго Сына Божія вмѣстѣ и восходитъ къ Отцу небесному и низходитъ къ міру. Здѣсь, имѣющій очи, да видитъ глубочайшее основаніе, и

первоначальный внутренній составъ креста, изъ любви Сына Божія ко всесвятому Отцу своему, и любви къ человѣчеству согрѣшившему, одна другую пресѣкающихъ и одна другой придержащихся, по видимому раздѣляющихъ единое, но во истину соединяющихъ раздѣленное. Любовь къ Богу ревнуетъ по Богѣ: любовь къ человѣку милуетъ человѣка. Любовь къ Богу требуетъ, что бы соблюденъ былъ законъ правды Божіей: любовь къ человѣку не оставляетъ и нарушителя закона погибать въ неправдѣ своей. Любовь къ Богу стремится поразить врага Божія: любовь къ человѣку хощетъ умереть вмѣсто его. Наконецъ любовь къ человѣку вочеловѣчиваетъ Божество, дабы посредствомъ любви къ Богу обожить человѣчество: и, между тѣмъ какъ любовь къ Богу *возноситъ отъ земли Сына человѣческаго,* (Іоан. XII. 32. 34.) а любовь къ человѣку разверзаетъ объятія Сына Божія къ земнороднымъ, сіи противоположныя стремленія любви соприкаса-

ются, соразтворяются, уравновѣшиваются и слагаютъ изъ себя то дивное средокрестіе, въ которомъ прощающая *милость* и судящая *истина срѣтаются, правда* Божества *и миръ* человѣчества *лобызаются;* чрезъ которое небесная *истина возсіяваетъ отъ земли, и правда* уже не грознымъ окомъ *приникаетъ съ небеси; Господь даетъ благость* землѣ, и *земля даетъ плодъ свой* небу. (Псал. LXXXIV. 11—13.)

Крестъ Іисусовъ, сложенный изъ вражды Іудеевъ и буйства язычниковъ, есть уже земный образъ и тѣнь сего небеснаго Креста любви. Безъ сего могъ ли бы оный не токмо удержать на себѣ даже до смерти, держащаго дланію жизнь всего живущаго, но даже и коснуться раменъ того, для избавленія котораго вящше двенадесяти легеоновъ Ангеловъ ожидали токмо мановенія. Вотще мрачное полчище подъемлетъ оружіе, дабы взять его въ плѣнъ, и готовитъ узы Ему: освѣщая путь свой огнемъ злобы, оно не видитъ, что онъ уже плѣненъ и свя-

занъ собственною своею *любовїю, яко смерть, крѣпкою.* (Пѣсн. VIII. 6.) Вопще вопіетъ беззаконное соборище: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети:* онъ умретъ не по иному, какъ по сему своему закону: *большїи сея любве никтоже имать, да кто душу положитъ за други своя.* (Іоан. XV. 13.) Вопще повторяютъ хулители: *аще Сынъ сей Божїй, сниди со креста:* Сынъ Божій тѣмъ-то самымъ и дастъ познать Себя, что не сидетъ со креста, доколѣ не изтощитъ всего Себя въ сугубомъ стремленіи любви, къ Отцу Своему, которому наконецъ предаетъ духъ Свой, и къ человѣкамъ, для которыхъ източаетъ воду очищенія и кровь жизни. *О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу свою положи.* (1 Іоан. III. 16.) Углубляйтесь, Хрістіане, въ сіе великое познаніе не однимъ словомъ и языкомъ или слухомъ празднымъ, но духомъ и истиною: и вы пріидете наконецъ въ то, естьли можно такъ сказать, содружество креста, что не

будете находить сладчайшаго удовольствія, какъ въ духѣ созерцанія взывать съ Богоноснымъ мужемъ: *Любовь моя распялася! (Игнат. Богонос.)*

Любовь Божія, непосредственно дѣйствующая въ крестѣ Іисусовомъ, безъ сомнѣнія долженствовала сообщить ему Божественную силу. И какъ быстро, какъ обильно, какъ неизмѣримо далеко течетъ изъ него сія побѣдоносная сила!

Аще зерно — такъ говорилъ Іисусъ Христосъ о Себѣ Самомъ — *аще зерно пшенично падъ на землю, не умретъ; то едино пребываетъ: аще же умретъ; многъ плодъ сотворитъ.* (Іоан. XII. 24.) О какъ скоро сіе зерно Божественнаго сѣмени, умирающее на крестѣ, даетъ окрестъ себя отрасли новыя жизни! Смотрите, какъ еще прежде кончины Іисуса, на древѣ проклятія, въ устахъ разбойника, процвѣтаетъ молитва: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!* и сей подлинно райскій цвѣтъ въ тотже день, преносится въ рай Божій. Смотрите, какъ, вмѣстѣ съ потрясенною зем-

лею и разсѣдшимися камнями, сокрушается каменное дотолѣ сердце язычника, и немедлѣнно износитъ зрѣлый плодъ устенъ исповѣдующихся Спасителю: *воистину Божій Сынъ бѣ сей.* Какимъ непреодолимымъ влеченіемъ, оставившіе и отрекшіеся Іисуса живаго, собираются окрестъ Его креста и гроба! Наипаче же явилась побѣда креста въ Іосифѣ Аримаѳейскомъ. Доколѣ онъ зналъ Іисуса какъ Пророка и Чудотворца, онъ не имѣлъ мужества открыть себя его ученикомъ: *потаенъ страха ради Іудейска.* (Іоан. XIX. 38.) Но когда узналъ, что Іисусъ умеръ смертію преступника; то Вознесенный отъ земли повлекъ его къ себѣ съ такою силою, что онъ не внялъ ни чести ни боязни человѣческой, и не поколебался обнаружить даже предъ правительствомъ свое участіе въ распятомъ: *дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова.* (Марк. XV. 43.) Не тою ли же силою и давно согнившія въ вертоградѣ смерти зерна показали необычайный плодъ,— *и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа?*

Чѣмъ далѣе простираться будетъ сила Креста: тѣмъ болѣе торжественны будутъ ея дѣйствія. Она сосредоточитъ въ единомъ Іисусѣ распятомъ всякую власть на небеси и на земли; дастъ ощутить силу благодатнаго владычества Его и сущимъ въ темницѣ духовомъ; вознесетъ его превыше всѣхъ небесъ; низведетъ Имъ отъ Утѣшителя, который не пришелъ бы, естьли бы Іисусъ не прошелъ путемъ Креста, и не содѣлалъ его путемъ истинно царскимъ. Тогда *любы Божія* безпрепятственно и преизобильно *изліется* въ жаждущій *сердца* вѣрующихъ *Духомъ Святымъ*, (Рим. V. 5.) и, не смотря ни на какія препятствія, поведетъ крестными подвигами искупленный міръ ко всеобщему торжеству освященія и прославленія. Пусть враги Креста Христова устроятъ новый крестъ для Его Церкви: они готовятъ ей тѣмъ новую побѣду и новую славу. Пусть мудрецы вѣка сего огласятъ *слово крестное юродствомъ:* оно будетъ юродствомъ только для *погибаю-*

шихъ. Пусть *Іудеи* — древніе или новые — *просятъ знаменія*, не примѣчая знаменій совершающихся предъ ихъ очами, и *Еллины ищутъ* собственной *премудрости* слова, тамъ, гдѣ должно дѣятельно вѣровать въ Премудрость Божію: истинная Церковь всегда будетъ *проповѣдовать Христа распята; Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе,* и Онъ всегда будетъ для *званныхъ* Богомъ, *Христосъ, Божія сила и Божія премудрость.* (1 Кор. I. 18–24.) Пусть наконецъ настанутъ и тѣ лютыя времена, когда человѣки *здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся;* (2 Тим. IV. 3. 4.) во слѣдъ за лжеученіемъ приведутъ Богоотступленіе, и самую любовь изсушатъ преумноженіемъ беззаконія: по мѣрѣ сихъ событій сила крестная, какъ при второмъ распятіи Господа, проникнетъ съ новымъ обиліемъ все человѣчество и всю природу, сотрясетъ всю землю, разрушитъ въ ней

то, что было твердо, низринетъ то, что возвышалось, затмитъ то, что блистало, не столько въ отмщеніе врагамъ Божіимъ, которые обыкновенно сами уготовляютъ себѣ гибель, сколько для того, что бы ускорить и довершить привлеченіе всего къ Вознесенному отъ земли: равнымъ образомъ и любовь, подобно предуготовленному елею мудрыхъ дѣвъ, непримѣтно для юродивыхъ, соблюдется дотолѣ, какъ явится вожделѣнный Женихъ, и она седмеричнымъ пламенемъ возпылаетъ въ день брака агнчаго; — и дотолѣ, какъ прейдутъ и небо и земля, и вѣра и надежда *и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ*, (1 Кор. XV. 28.) поелику во всѣхъ Богоносныхъ сердцахъ будетъ *любовь излiянная* въ нихъ *Духомъ Святымъ* чрезъ язвы крестныя.

Вотъ, Хрiстiане, и начало, и средина, и конецъ креста Хрiстова — все одна любовь Божія! Какъ въ чувственномъ семъ мірѣ, куда ни простремъ взоръ, къ Востоку или Западу, къ Югу,

или Сѣверу, всюду зрѣніе упадаетъ въ неизмѣримость неба: такъ въ духовной области таинъ, по всѣмъ измѣреніямъ креста Христова, созерцаніе теряется въ безпредѣльности любви Божіей. Прекратимъ дерзновенное о семъ нѣмотствованіе. Слово крестное чѣмъ болѣе изрекается, тѣмъ болѣе онемѣваетъ языкъ плоти, и око земнаго ума слѣпотствуетъ отъ избытка небеснаго свѣта крестнаго. Самъ вѣчный Художникъ креста, *Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, да дастъ вамъ по богатству славы своея, силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ; вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша: въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же* въ семъ непостижимомъ многокрестіи единую *преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе.* (Еф. IV. 14. 19.)

Впрочемъ, вспомнимъ, что естьли мы не по имени токмо Христіане, но или есмы, или хотя желаемъ быть истинными послѣдователями Іисуса

Христа: то имѣемъ и свой крестъ, по его заповѣди: *аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ.* (Мат. XVI. 24.) Поелику же нашъ крестъ долженъ быть подобіемъ Креста Христова: то не отрадно ли теперь помыслить, что и нашъ крестъ долженъ состоять изъ единыя любви? Такъ, Христіане, сей крестъ, отъ котораго міролюбцы бѣгутъ, какъ отъ мучителя и убійцы, и отъ котораго самые крестоносцы не рѣдко стонутъ, но большею частію потому, что благое и легкое бремя Христово, по невѣденію, малодушію, неопытности, увеличиваютъ собственными тяжестями, — сей страшный крестъ весь изъ любви — что можетъ быть утѣшительнѣе? — весь изъ любви состоять долженъ. Но да принесетъ нынѣ каждый изъ насъ малый крестъ свой, и приложитъ къ великому Кресту Христову, дабы видѣть, сообразенъ ли оный своему первообразному: ибо мы должны вѣдать, что всякій крестъ не подобный Кресту

Христову, не вознесетъ насъ отъ земли, но падетъ и съ нами, и истрыется подъ нами въ дрова огню геенскому. И такъ воззримъ еще разъ на Крестъ Господень. Се любовь Отца небеснаго распинаетъ за насъ единороднаго Сына Своего: какъ сообразуется сему наша любовь? Совершаемъ ли мы дѣло Авраама, (Быт. XXII.) вознощеніе на жертвенникъ любви Божіей всего намъ любезнаго, безъ колебанія, безъ остатка собственности, паче упованія? Се любовь Сына Божія сама предаетъ себя на распятіе не токмо Святѣйшей рукѣ Отца своего, но и рукамъ грѣшниковъ: научила ли любовь и насъ нестраниченной сей преданности судьбамъ Божіимъ, съ которою бы мы, какъ Исаакъ, всегда были готовы быть жертвою, для славы ли Божіей, для очищенія ли собственнаго, для блага ли ближнихъ? Се любовь Божія изливающаяся Духомъ Святымъ наполняетъ горняя и дольняя, объемлетъ время и вѣчность, дабы и ожестѣвшее и омертвѣвшее враждою про-

тивъ Бога разтворить въ живоносную и блаженную любовь: умѣетъ ли и наша любовь побѣждать злое благимъ, благословлять кленущихъ, молиться за распинающихъ, и не знать ни одного врага во всемъ мірѣ, хотя бы онъ не давалъ намъ ни одного друга? — Не умножимъ сихъ вопрошеній. Здѣсь должна продолжать бесѣду — совѣсть каждаго, которая и возвѣститъ намъ, нынѣ, или нѣкогда, непремѣнно, или горе ожидающее враговъ креста, или побѣду, миръ и славу его любителей, по суду закланнаго на крестѣ Агнца Божія, Ему же отъ всякаго созданія *благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ.* (Ап. V. 13.) Аминь.

Говорено въ Александро — Невской Лаврѣ, 1816 года.

СЛОВО

Въ день Пятдесятницы.

Исполнишася вси Духа Свята. Дѣян. II. 4.

Послѣ того, какъ погрузившійся въ твари, не могши сносить несозданнаго свѣта, человѣкъ *скрылся* (Быт. III. 8.) отъ Бога, и Богъ скрылся отъ человѣка, дабы не истребить преступника святымъ своимъ присутствіемъ, Единый Трiипостасный раздѣлился, естьли можно такъ сказать, въ постепенныхъ откровеніяхъ, да *Благодать Господа нашего Іисуса Хрїста, и любы Бога и Отца и общенїе Святаго Духа* (2 Кор. XIII. 13.) возставитъ и паки превознесетъ падшаго. Явился Отецъ въ обѣтованіяхъ любви и милосердія, и устрашеннаго всемогущимъ правосудіемъ грѣшника провождалъ къ ходатайству Сына: явился Сынъ подъ покровомъ человѣчества, и, въ себѣ самомъ побѣдивъ грѣхъ, и умертвивъ

смерть, отверзъ Благодати Святаго Духа дверь къ сынамъ гнѣва: явился наконецъ Духъ Святый въ знаменіи огненныхъ языковъ, и проникнулъ въ Апостолахъ естество человѣческое, дабы усвоить ему благоволеніе Отца и заслуги Сына, и содѣлать *да будемъ причастницы Божественнаго естества.* (2 Петр. I. 4.)

Въ тотъ самый день, въ который данъ нѣкогда на Синаѣ законъ *духа работы въ боязнь* смерти; въ тотъ самый день изшелъ нынѣ отъ Сіона *законъ Духа жизни, свободы, сыноположенія:* (Рим. VIII. 15. 2.) да рааумѣемъ, что *не постигнутое* плотскимъ Израилемъ *оправданіе закона исполняется* въ чадахъ вѣры *ходящихъ по Духу,* (Рим. IX. 31. VIII. 3.) и общество спасаемыхъ предъизмѣреннымъ шествіемъ приближается къ совершенію.

И такъ мы должны взирать на сошествіе Святаго Духа не токмо, какъ на чудо прославившее Апостольскую церковь, но и какъ на событіе существенно сопряженное съ дѣломъ

нашего спасенія. Настоящее торжество не есть простое воспоминаніе прошедшаго, но продолженіе Апостольскаго приготовленія къ пріятію онаго *Духа* непрестанно *дышущаго, идѣже хощетъ.* Апостолы, какъ повѣствуетъ книга ихъ дѣяній, послѣ постоянныхъ и единодушныхъ молитвъ, *исполнишася Духа Свята;* и не только Апостолы, но, по изъясненію святаго *Златоуста*, и пребывавшіе съ ними ученики, *именѣ народа вкупѣ яко сто и двадесять,* (Дѣян. I. 16.) *исполнишася вси.* И насъ нынѣ церковь, какъ въ Іерусалимской *горницѣ,* (Дѣян. I. 13.) во храмѣ семъ совокупляетъ, дабы призвать Утѣшителя Духа истины, да пріидетъ и вселится въ насъ.

Чтобы столь важное прошеніе не срѣтилось съ древнимъ упрекомъ: *невѣста, чего проситъ,* — вникнемъ, слушатели, предварительно, что такое *исполниться Духа Свята,* и колико даръ сей необходимъ *для всѣхъ* и каждаго.

Не осмѣлимся говорить здѣсь о Духѣ Святомъ, какъ о третіемъ лицѣ

покланяемыя Троицы, исходящемъ отъ Отца и почивающемъ въ Сынѣ; самъ только *Божій Духъ испытуетъ глубины Божія.* (1 Кор. II. 10. 11.) Духъ *посылаемый Сыномъ отъ Отца* (Іоан. XV. 26.) въ Спасительныхъ дарахъ, Духъ исполняющій человѣка, человѣкъ исполненный Духа: вотъ предметы, которые постигаетъ человѣкъ, но и то человѣкъ Духомъ же обитаемый; мы, едва ли *начатокъ Духа имуще,* (Рим. VIII. 23.) только издалека чрезъ зерцало слова Божія приникать можемъ въ явленія сего великаго таинства.

Что такое Духъ Святый въ первоначальныхъ дарахъ своихъ, сіе изъясняетъ Самъ Онъ Своими *огненными языками.* Онъ есть невещественный *огнь,* который дѣйствуетъ двумя силами: свѣтомъ и теплотою,— свѣтомъ вѣры, теплотою любви. Сей небесный свѣтъ, по выраженію Соломона, *предходитъ и просвѣщаетъ, дондеже исправится день.* (Прит. IV. 18.) Разгоняетъ мглу невѣденія и сомнѣній; открываетъ обманъ призраковъ, кото-

рые погрязшій въ чувственности разумъ принимаетъ не рѣдко за истины; даетъ человѣку видѣть себя самаго въ наготѣ развлѣнной природы, познать міръ въ отношеніи къ душѣ, и ощутить присутствіе Бога, яко источника свѣта; сообщаетъ *упованныхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ.* (Евр. XI. 1.) По той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ Солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце. Любовь Божественная изгоняетъ изъ него самолюбіе; попаляетъ въ немъ терніе плотскихъ пожеланій; очищаетъ, упраздняетъ его, и взаимно привлекаетъ въ душу новый свѣтъ. Сліяніе сихъ источныхъ даровъ Духовныхъ образуетъ *огненный языкъ* изрекающій *законъ Бога* Слова *въ сердцѣ* (Псал. XXXVI. 31.) человѣка, *сообразующій въ немъ Христа*, (Гал: IV. 19.) совершающій возрожденіе въ жизнь Духовную.

Способъ, каковымъ человѣкъ исполняется благодатныхъ даровъ, есть единое нераздѣльное дѣйствіе Св. Духа,

которое однако въ человѣкѣ начинается и прекращается, уменшается и возрастаетъ, длится и ускоряется, пріемлетъ различныя направленія и виды; всегда соотвѣтствуетъ готовности пріемлющаго, но никогда не зависитъ отъ его произвола; сопровождается ощутительными слѣдствіями, но убѣгаетъ отъ разсудка желающаго взойти къ его началу. Простираясь изъ внутренняго во внѣшнее, оно уподобляется влагѣ сходящей на руно Гедеоново, (Суд. VI. 38.) которая изъ воздуха открывается въ капляхъ воды, и наполняетъ окринъ; или вѣтру, примѣчаемому въ тѣхъ, движеніяхъ, которыя онъ производитъ, но не въ тѣхъ, которыя его составляютъ. *Духъ, идѣже хощетъ дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа.* (Іоан. III. 8.) Какія же суть примѣчательнѣйшія перемѣны, которыя могутъ означить путь Духа Божія въ душѣ человѣческой? — Бываютъ минуты, въ которыя и преданный міру и

плоти человѣкъ пробуждается отъ очарованія, въ каковомъ они держатъ его; видитъ ясно, что прошедшая жизнь его есть цѣпь заблужденій, слабостей, преступленій, измѣнъ Богу, что дѣла его естественно суть сѣмя будущихъ казней, и что самыя добродѣтели его не постоятъ предъ взоромъ вѣчнаго Судіи; осуждаетъ самъ себя; трепещетъ всемъ существомъ своимъ, и будучи отчаянъ въ самомъ себѣ, чрезъ сіе отчаяніе влечется къ упованію на Бога: — сіе расположеніе къ покаянію что есть иное, какъ не тотъ *Духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе*, (то есть, низлагающій гордость, и умягчающій жестокосердіе,) который посылаетъ предъ собою *мимоходящій Господь?* (3 Цар. XIX. 11.) Что, какъ не то *дыханіе бурно*, которое предвѣщаетъ сошествіе Святаго Духа? (Дѣян. II. 2.) Что, какъ не тотъ *страхъ Твой, Господи*, среди кого мы *во чревѣ пріемлемъ Духъ спасенія Твоего?* (Исаіи. XXVI. 18.) Блаженъ, кто съ покорностію даетъ влещи себя

сему стремленію Духа Божія! Оно поведетъ его *тѣснымъ путемъ* (Мат. VII. 14.) самоотверженія; заставитъ его самаго исторгать то, что прежде посѣялъ, и разрушать то, что созидалъ; научитъ его страдать, и *радоваться во страданіяхъ;* (Кол. I. 24.) *распять плоть со страстьми и похотьми,* (Гал. V. 24.) дабы совершенно предать духъ въ руцѣ Божіи. Мало по малу бурное дыханіе превратится въ тѣ кроткія, *неизглаголанныя воздыханія,* коими *самъ Духъ о насъ ходатайствуетъ;* (Рим. VIII. 26.) въ тотъ живый гласъ, коимъ *вопіетъ Онъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче:* (Гал. IV. 6.) и тогда то человѣкъ исполняетъ Христову заповѣдь о *непрестанной молитвѣ,* (Лук. XVIII. 1.) что, при однихъ собственныхъ силахъ, было бы для него не возможно, и по его склонности къ разсѣянію, и по невѣденію предметовъ и образа истинной молитвы: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* Съ упражненіемъ въ непрестанной молитвѣ неразлучно соединяется Духовное уединеніе, въ которомъ Христі-

анинъ, *вошедъ въ клѣть свою, и затворивъ двери,* (Матѳ. VI. 6.) пребываетъ, подобно какъ Апостолы въ *ожиданіи обѣтованія Отча.* (Дѣян. I. 4.) Онъ не вдается въ развлеченіе въ коемъ міролюбцы, связанные суетными благоприличіями, преслѣдуя утѣхи, преслѣдуемы заботами, рѣдко возвращаются къ себѣ: но *плѣняетъ разумъ въ послушаніе Христово;* (2 Кор. X. 5.) и всѣ свои желанія или воскрыляетъ горѣ, гдѣ *животъ* его *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ,* (Кол. III. 3.) или упокоиваетъ *внутрь* себя, гдѣ Благодать наконецъ должна открыть *царствіе Божіе.* (Лук. XVII. 21.) Исполняетъ обязанности своего состоянія, не привязываясь къ соединеннымъ съ ними выгодамъ; пользуется наружными благами, но не наслаждается; пріобрѣтаетъ такъ, какъ бы не имѣлъ нужды; теряетъ такъ, какъ бы отдавалъ излишнее. Естьли человѣкъ твердо рѣшится по возможности удерживать себя въ семъ состояніи самоотчужденія: то скоро его *пустыня жаждущая процвѣтетъ, яко кринъ;* (Иса.

XXXV. 1.) *зерно горушно, вверженное въ вертоградъ* души *его, возрастетъ въ древо велїе*, (Лук. XIII. 19.) сквозь *тлѣющїй* покровъ *ветхаго человѣка*, отчасу болѣе *совлекаемый*, будетъ просіявать *новый человѣкъ, созданный по Богу въ правдѣ и преподобїи истины;* (Кол. III. 9. Еф. IV. 24) и духъ святыни дышать будетъ во всѣхъ его способностяхъ и дѣйствіяхъ.

Такъ исполненный Духа Свята человѣкъ не потемненному предразсудками оку представляетъ такой образъ совершенства, предъ которымъ, какъ тѣнь изчезаетъ все, что міръ называетъ прекраснымъ и высокимъ. Его, слушатели, оцѣнилъ Апостолъ, когда о нѣкоторыхъ подвижникахъ вѣры сказалъ, что ихъ *не бѣ достоинъ весь мїръ*. (Евр. XI. 38.) Благодать превращаетъ въ безцѣнное сокровище все, къ чему ни коснется въ человѣкѣ ей преданномъ. Въ его умѣ сіяетъ духъ премудрости: не той, которою сыны вѣка сего преимуществуютъ, по словамъ Спасителя, *въ родѣ своемъ*, (Лук. XVI.

8.) то есть, которая научаетъ ихъ быть изобрѣтательными въ способахъ и ловкими въ случаяхъ къ снисканію временныхъ выгодъ, и умножать свое достоинство не столько въ себѣ, сколько во мнѣніи другихъ; но премудрости *духовно востязующей вся*, (1 Кор. II. 15.) дабы все обратить въ средства къ единому вѣчному благу души. Его волю движетъ духъ свободы: ибо *законъ Духа жизни о Христѣ Іисусѣ* его *свободитъ отъ закона грѣховнаго и смерти*, который даетъ своимъ рабамъ столько тяжкихъ владыкъ, сколько есть нуждъ и прихотей, страстей и привычекъ. Во глубинѣ сердца его почиваетъ духъ утѣшенія и *мира всякъ умъ превосходящаго*, (Фил. IV. 7.) который *Іисусъ Христосъ даетъ* ученикамъ своимъ, *не якоже міръ даетъ:* (Іоан. XIV. 27.) ибо миръ міра есть краткая дремота подъ шумомъ опасной бури, безопасность основанная на невѣденіи, такъ что радостныя восклицанія: *миръ и утвержденіе!* иногда прерываетъ *внезапу нападающее всегу-*

бительство; (Сол. V. 3.) напротивъ того міръ даруемый Христомъ утверждается на непоколебимой увѣренности въ примиреніи съ Богомъ, такъ что Христіанинъ въ самыхъ искушеніяхъ скорбяхъ, и опасностяхъ *не стужаетъ си,* но и *въ смерть предается* мирно, въ увѣреніи, что *еже нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ.* (2 Кор. IV. 8—17.) Въ немъ обитаетъ духъ величія, которое не есть ни слѣпая отважность, ни гордость покрытая пышностію, ни блескъ естественныхъ добродѣтелей нечистыхъ въ своемъ источникѣ; но истинная возвышенность мыслей, занятыхъ Богомъ, обширность видовъ ограничивающихся одною вѣчностію, благородство чувствованій рожденныхъ и воспитанныхъ словомъ Божіимъ. Духъ смиренія, которое среди богатства благости Божіей усматриваетъ въ себѣ одну бѣдность и недостоинство, дабы тѣмъ болѣе *величить Господа;* между тѣмъ, какъ не возрожденные Духомъ Божіимъ

въ самыхъ недостаткахъ своихъ стараются находить нѣчто великое, самымъ униженіемъ просятъ себѣ почтенія, пресмыкаются, что бы подавлять другихъ. Духъ силы, съ которымъ Хрістіанинъ не есть болѣе оный человѣкъ немощный, плѣнникъ собственныхъ чувствъ, со всѣхъ сторонъ открытый нападеніемъ врага, побѣжденный прежде сраженія, и, дабы усмирить одну страсть, покаряющійся другой: но добрый воинъ, *облеченный во вся оружія Божія*, (Еф. VI. 11.) *могущій вся о укрѣпляющемъ его Іисусѣ Христѣ*, (Фил. IV. 13.) *силою восхищающій царствіе Божіе*. (Матѳ. XI. 12.) Что сказать о тѣхъ чрезвычайныхъ *дарованіяхъ*, о тѣхъ *явленіяхъ Духа*, которыя избраннымъ Божіимъ даются *на пользу* (1 Кор. VII. 4. 7.) другихъ, въ созиданіе всея церкви? —

О несравненное щастіе-быть сосудомъ, жилищемъ, орудіемъ Духа Божія! о блаженство на земли небесное! о таинство, въ которомъ сокрывается все, чего ищетъ духъ человѣческій,

и о чемъ *вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ.* (Рим. VIII. 22.) Но, *Господи! кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?* (Иса. LIII. 1) *Плоть и кровь не являютъ* (Матѳ. XVI. 17.) сего таинства: міръ думаетъ, что и на небесахъ дышатъ духомъ міра; и, сколь многократно слыша глаголющихъ языкомъ Духа твоего, доселѣ, такъ же какъ прежде, ругается: *виномъ исполнени суть.*

Такъ. Есть и между Христіанами люди, которымъ дары Святаго Духа кажутся столь странными, что естьли не смѣютъ совсѣмъ отвергнуть ихъ, по крайней мѣрѣ относятъ къ другимъ лицамъ и временамъ; а сами не помышляя о возрожденіи, довольствуются или праздною надеждою на заслуги Ходатая, или даже собственною честностію.

Не будемъ обманываться привлекательнымъ видомъ, который имѣетъ обыкновенная мірская честность. Не быть врагомъ вѣры, не дѣлать вопію щихъ несправедливостей, оказывать

иногда благодѣянія, убѣгать вредныхъ излишествъ, кратко, исполнять только необходимыя и наружныя обязанности человѣка и члена общества, значитъ только *повапливать* свой *гробъ*, (Матѳ. XXIII. 27.) который между тѣмъ остается *внутрь—уду полнъ костей мертвыхъ*; значитъ срывать *листвіе древа животнаго* данное во *исцѣлѣніе языкомъ*, но не вкушать *плодовъ* (Апок. XXII. 2.) его, долженствующихъ питать Христіанина; значитъ имѣть *правду книжниковъ и Фарисеевъ*, которая не вводитъ *въ царствіе небесное*. (Матѳ V. 20.) А проникнуть въ изгибы своего сердца, отколѣ *исходятъ помышленія злая*, (Матѳ. XV. 19.) и тамъ водворить чистоту и святость, а *соблюсти весь законъ*, и не согрѣшить ни *во единомъ*, дабы *всѣмъ* не быть *повинну*: — (Іак. II. 10.) какой своему токмо разуму и силамъ оставленный человѣкъ похвалится, что исполнитъ сіе? Единъ *Богъ зиждетъ* въ человѣкѣ *сердце чисто и духъ правъ обновляетъ во утробѣ* его. (Псал. L. 12. Должно *родиться свы-*

ше, чтобы *видѣть царствіе Божіе.* (Іоан. III. 3.)

Съ другой стороны, когда *неистлѣнное сѣмя* (1 Петр. I. 23.) сего вышняго рожденія низведено на землю смертію Богочеловѣка: мы не можемъ и оспальное предоставить, безконечной впрочемъ, силѣ заслугъ Его. Какъ? развѣ Богъ предалъ Сына Своего въ жертву не только своему Правосудію, но и нашей неблагодарности? Развѣ мы для того познали дѣйствительность крестной жертвы, чтобы тѣмъ съ большею безпечностію оставаться въ бездѣйствіи? Такъ мыслить не есть возвышать цѣну заслугъ Христовыхъ, но паче унижать, попирать ихъ, и почивать на нихъ съ такою же пагубною безопасностію, какъ нѣкогда Іудеи *почивали на законѣ.* Естьли мы во Христа крестились водою; то, дабы не измѣнить сему исповѣданію, надобно предать себя Ему, *да креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ.* (Матѳ. III. 11.)

Наконецъ, когда Божественный даръ Духа кажется намъ рѣдкимъ

явленіемъ; не заключимъ изъ сего, что онъ не для всѣхъ. Онъ для всѣхъ, какъ скоро всѣ для него. Естьли не примѣчаютъ болѣе слѣдовъ Его: то или имѣютъ очи, и не видятъ; или въ самомъ дѣлѣ вопросъ: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій, обрящетъ ли вѣру на земли?* (Лук. XVIII. 8.) приближается къ разрѣшенію, и самый міръ находится при послѣднемъ издыханіи. Вселенная знаетъ, что случилось съ нею тогда, когда рекъ раздраженный Богъ: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть.* (Быт. VI. 3.) Тогда не только беззаконный родъ человѣческій, но и тварь *повинувшаяся суетѣ неволею*, потребились мстительными волнами. Еще подобное прещеніе,— и наступитъ огненный потопъ суда послѣдняго!

Но доколѣ Богъ сохраняетъ бытіе наше, Хрістіане, и благоденствіе церкви своей: дотолѣ мы не можемъ сомнѣваться, что Духъ Божій въ ней *пребываетъ*. Также, какъ при созданіи міра Онъ *ношашеся верху воды*, носится

Онъ и нынѣ, при продолжающемся воссозданіи человѣка, надъ бездною разстроеннаго естества нашего, и животворящимъ осѣненіемъ оплодотворяетъ его къ благодатному возрожденію. Предадимъ себя Его всесильному дѣйствію; преведемъ къ нему наши мысли и желанія отъ смѣшенія плоти и міра; воззовемъ изъ глубины отпаденія нашего, да снидетъ на насъ, и своею благодатію, ходатайствомъ Искупителя намъ пріобрѣтенною, очиститъ, просвѣтитъ, обновитъ, освятитъ и спасетъ, Благій, души наша. Аминь.—

Говорено въ Александро — Невской Лаврѣ, 1811 года.

СЛОВО

Въ день Сошествїя Святаго Духа.

Исполняйтеся Духомъ. Ефес. V. 18.

Душа всякаго праздника есть присутствіе того, кому празднуютъ. И для празднующихъ день Святаго Духа что можетъ быть вожделѣннѣе, какъ естьли бы сей небесный Утѣшитель благодатнымъ наитіемъ посѣтилъ свое празднество? Естьли бы Онъ, хотя уже не огненными языками осіялъ главы наши, по крайней мѣрѣ тайною искрою огня своего коснулся нашихъ сердецъ, и возпламенилъ ихъ ощущеніемъ присутствія Божїя; подобно какъ нѣкогда и *косныя, еже вѣровати, сердца* двухъ учениковъ возжигалъ Онъ такъ, что сіи самыя сердца могли указать имъ по крайней мѣрѣ слѣдъ присутствія Господня: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути?* (Лук. XXIV. 32.)

Благо сіе такъ велико, что, не знаю, можно ли его и просить отъ *Сокровища благихъ* безъ внутренняго содроганія и нѣкоего удивленія собственному дерзновенію; хотя впрочемъ Церковь, и каждый день, и въ началѣ каждаго молитвословія, приглашаетъ насъ молить Святаго Духа, не токмо да *пріидетъ*, но и да *вселится въ насъ*.

Но чего единое желаніе толико съ нашей стороны трудно, Слушатели: то самое, какъ просто, и такъ щедро, предлагаетъ намъ нынѣ Духъ Святый устами Апостола; и не только предлагаетъ, но заповѣдуетъ, внушаетъ, поставляетъ закономъ: *исполняйтеся Духомъ!*

Коль блаженную, Божественный Павле, но вмѣстѣ коль чудную и непостижимую ты даешь намъ Заповѣдь! *Исполняйтеся Духомъ:* развѣ въ нашей состоитъ волѣ исполняться Духомъ? Естьли сіе сокровище столь близко и столь приступно: то по чему оно столь рѣдко и не извѣстно?

Хрістіане! конечно между Ефес-

скими сочениками нашими, которымъ Учитель языковъ первоначально далъ наставленіе нами разсматриваемое, не было человѣка, который бы его не разумѣлъ въ семъ случаѣ, и могъ бы противоположить ему наши недоумѣнія. Иначе Богодухновенный наставникъ, безъ сомнѣнія, предъупредилъ бы совопрошенія вразумленіемъ. Такъ знали въ то время *жаждущіе* указанный нѣкогда Пророкомъ путь да *идутъ на воду, и елицы не имутъ сребра, да шедше купятъ и ядятъ, да шедше купятъ безъ сребра и цѣны вино и млеко.* Нынѣ, по видимому, и *сребро иждивается не въ хлѣбы, и трудъ нашъ не въ сытость.* (Иса. LV. 1. 2.) Намъ кажется, будто Господь слишкомъ дорого цѣнитъ свои блага; и будто не наши мышцы ослабѣли для принятія, но Его рука сократилась для подаянія даровъ духовныхъ.

Нѣтъ! Господь независтно *изливаетъ отъ Духа своего на всяку плоть.* (Іои. II. 28.) Если мы не *исполняемся Духомъ;* то не даровъ Его недостаетъ для насъ, а насъ не достаетъ для да-

ровъ Его. Да утѣшатся нищіе Духомъ! да воздвигнутся немоществующіе плотію! да оправдится Господь во словесѣхъ своихъ! —

Было время, когда и первозданные храмы Святаго Духа не ощущали живущаго въ нихъ. Апостолы уже обладали даромъ чудесъ: а еще не понимали начала, и не примѣчали направленія силы, въ нихъ дѣйствующей. Духъ любви являлся въ нихъ духомъ гнѣва; и призванные въ служеніе спасенія готовы были низвести съ небесе огнь потребленія. Сама Истина обличила ихъ въ столь странномъ невѣденіи самихъ себя: *не вѣсте, коего духа есте вы.* (Лук. IX. 55.)

Послѣ, когда тотъ же Духъ, который въ началѣ дѣйствовалъ въ Апостолахъ сокровенною силою, посѣтивъ ихъ торжественнымъ сошествіемъ своимъ, исполнилъ вѣденіемъ и премудростію, они узнали Его столь ясно, и столь близко, что рѣшительно различали Его, какъ отъ собственнаго такъ и общаго нѣкоего духа, дѣйствующаго

въ естественныхъ, не возрожденныхъ Духомъ Божіимъ, человѣкахъ, и, можетъ быть, въ нихъ самихъ нѣкогда дѣйствовавшаго. *Мы же*, говоритъ одинъ изъ нихъ, *не духа мїра сего прїяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ.* (1 Кор. II. 12)

Замѣтимъ, Слушатели, что Апостолъ не говоритъ: *дадеся намъ духъ*, но: *мы прїяхомъ духа*. Какъ бы такъ сказалъ: „извѣстно, что Богъ *даетъ* „своего Духа, каждому, кто разполо„женъ *принять* Его. Только люди по „большой части порабощаются и омра„чаются *духомъ мїра*. *Мы же* отвергли „владычество сего мрачнаго духа, но „приняли духомъ нашимъ свѣтонос„ныя вліянія *Духа отъ Бога* исходя„щаго; и такимъ образомъ открылось „въ насъ дѣятельное познаніе и ощу„щеніе даровъ отъ Бога намъ преду„ставленныхъ. *Мы же не духа мїра „сего прїяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, „да вѣмы, яже отъ Бога дарованная „намъ.* „

И такъ повѣрьте не намъ, которыхъ, конечно въ наказаніе за недостойное служеніе слова, Господь не поставляетъ болѣе водителями вѣры вашея и питателями любви, но предаетъ токмо на позоръ и судъ предъ вами, такъ, что на семъ священномъ мѣстѣ уже не столько слово Божіе, живое и дѣйственное, судитъ помышленіямъ и мыслямъ сердечнымъ слышащихъ, сколько хладное вниманіе слышащихъ судитъ и осуждаетъ мертвыя слова человѣческія;— повѣрьте избраннымъ орудіямъ, посланникамъ и благовѣстникамъ Духа Божія, что, не смотря на нѣкое самостоятельное бытіе и свободу человѣка, онъ не только можетъ находиться, но и находится обыкновенно подъ правленіемъ одного изъ двухъ началъ, или *духа міра сего*, или *Духа, иже отъ Бога*, смотря по тому, котораго изъ нихъ дѣйствіе на себя свободно *пріемлетъ*. Естьли вы сего, по видимому, на себѣ не испытываете: сіе токмо то значитъ, что *не вѣсте, коего духа есте вы*.

Дабы, по возможности, приближить къ общему разумѣнію сіи тайныя отношенія духа человѣческаго, къ Духу Божію, да будетъ позволено употребить притчу и гаданіе, въ которыя сама Божественная истина облекалась не рѣдко, дабы явиться взорамъ человѣковъ, болѣе или менѣе чувственныхъ. — Младенецъ во чревѣ имѣетъ собственную душу и жизнь; но жизнь его погружена въ жизни матерней, ею проникнута, ею питаема, такъ, что, въ сравненіи съ полною жизнію человѣка, едва можетъ почитаться жизнію: вотъ образъ того состоянія, въ которомъ естественный человѣкъ находится въ мірѣ! Духъ его имѣетъ собственную жизнь и свободу, но тѣмъ не менѣе, будучи во плоти, объятъ, и нечувствительно правимъ силою міра: онъ мыслитъ, но по стихіямъ міра; желаетъ, но такъ, какъ побуждаетъ всеобладающая въ мірѣ похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская; дѣйствуетъ, но въ тѣсномъ и низкомъ кругѣ чувственнаго; жи-

вѣтъ, но по духу міра , *въ отчужденіи отъ жизни Божія.* (Ефес. IV. 18.) Впрочемъ заключеніе младенца во чревѣ не есть рѣшительное намѣреніе природы , но токмо средство и путь, которымъ онъ ведется къ полному бытію; и онъ долженъ изыти на свѣтъ, узрѣть красоту міра , вкусить отъ благъ его, познать его Творца: таково и высшее назначеніе человѣческаго духа, окованнаго плотію и заключеннаго въ мірѣ. *Подобаетъ вамъ родитися свыше :* (Іоан. III. 7.) *подобаетъ* , ибо сіе , по намѣренію Божію, не случайный токмо жребій нѣкоторыхъ , но утвержденный законъ и предопредѣленіе всего человѣчества, къ которому вся естественная жизнь служитъ токмо приготовленіемъ и переходомъ. Узникъ міра долженъ быть *изведенъ изъ темницы* своей — *исповѣдатися имени Господню,* (Псал. CXLI. 8.) *просвѣтиться* свѣтомъ Христовымъ, *вкусить дара небеснаго и силы грядущаго вѣка* (Евр. VI. 4. 5.) въ теченіи еще настоящаго вѣка, *пріять* въ самомъ мірѣ *Духа,*

иже отъ Бога, начать на земли дышать небеснымъ воздухомъ. И, какъ раждающійся младенецъ, отрѣшаясь отъ жизни матерней, не имѣетъ труда искать новой жизни своей, но въ себѣ самомъ носитъ источникъ дѣятельности непрестанно развивающейся и усовершающейся, вкругъ же себя всюду находитъ воздухъ нужный для своего дыханія: такъ влекомый благодатію отъ міра, и призываемый къ вышнему рожденію, человѣкъ ближе находится къ области новой жизни, нежели думаетъ; ибо мы только можемъ быть далеки отъ Духа Божія, а Духъ Божій не можетъ быть далекъ отъ насъ. Сей Духъ, по словамъ премудраго, *сквозѣ вся проходитъ духи,* (Прем. VII. 23.) будучи неприкосновенъ во святыни своей, и вездѣприсущь своею благостію: онъ изливается на всякую силу и способность, предающуюся его дѣйствованію; и въ самомъ сердцѣ ветхаго человѣка отверзаетъ источникъ новой жизни. *Вѣруяй въ мя,* рекъ Податель духа, *рѣки отъ чрева его из-*

текутъ воды живы. *Сіе же,* присовокупляетъ возлюбленный ученикъ, изъясняя слова небеснаго Учителя, *сіе же рече о Дусѣ, Его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его.* (Іоан. VII. 38. 39.) Наконецъ, вотъ важная разность между рожденіемъ естественнымъ и духовнымъ; первое достигается и совершается необходимымъ шествіемъ природы, а послѣднее свободнымъ стремленіемъ къ Богу вѣры во Христа. *Вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его изтекутъ воды живы.* И для чего цѣлыя *рѣки* отъ единаго *чрева,* когда единыя капли отъ исполненія благодати довольно, чтобы оживотворить сонмы духовъ? — Для того такъ рекло Писаніе, что бы явить презѣльное богатство благости, по которой Духъ Святый не токмо наполняетъ, но и преисполняетъ мѣру нашей готовности къ принятію Его, и, такъ сказать, болѣе намъ дарствуетъ, нежели мы пріемлемъ.

Намъ ли убо, чада вѣры, не познавать присутствія посреди насъ

Духа святаго, и вопрошать о Его владычествѣ: гдѣ оно? А еще до торжественнаго сошествія Его на Царство вѣры, чада закона ощущали вездѣсущую и вседѣйствующую силу Его столь живо, что нигдѣ не могли скрыться и почить отъ благоговѣйнаго ужаса! *Камо пойду отъ Духа Твоего?* (Псал. CXXXVIII. 7.) восклицалъ Давидъ. Намъ ли недоумѣвать, какъ самодѣятельный духъ человѣческій можетъ стоять подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ Духа всемогущаго? А еще во времена Іова разумѣли, что *духъ есть во человѣцѣхъ, дыханіе же Вседержителево есть научающее!* (Іов. XXXII. 8.) Нужно ли припоминать и собственное наше исповѣданіе, столь часто по гласу Церкви возобновляемое, которымъ, вводя себя въ молитвенное приближеніе къ Богу, возвѣщаемъ вездѣсущую и всеисполняющую силу Духа Его? — *Вездѣсый и вся исполняяй!*

Вся исполняяй! но почто же не всѣ Имъ *исполняемся?* — Видно, что самихъ себя должно вопрошать о семъ.

Можно ли намъ *исполняться духомъ*, естьли плоть, непрестанно враждующая на духа, не находитъ въ насъ никакой преграды своему владычеству? естьли въ ея пресыщеніи, упоеніи, наслажденіи мы угашаемъ даже свойственный духу нашему гладъ слышанія слова Божія и жажду правды? естьли мы токмо и живемъ въ сію плоть, въ которой, какъ по собственному опыту насъ увѣряетъ человѣкъ Божій, совсѣмъ *не живетъ доброе?* (Рим. VII. 18.) Въ такомъ случаѣ мы сами течемъ подъ тяжкій судъ Божій, изреченный на первый міръ: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть.* (Быт. VI. 3.) *Еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный.* (Гал. VI. 7. 8.)

Можно ли намъ *исполняться Духомъ Божіимъ*, естьли мы сами одушевляемъ себя токмо духомъ сего міра?

Естьли только его стихійною мудростію исполняемъ нашъ умъ; только его прелестями оживляемъ наше воображеніе; только его страстями возбуждаемъ наше сердце; только его законами правимъ нашу волю; только ему стараемся угодить нашимъ дѣйствованіемъ? естьли лучшія наши чувствованія и самыя добродѣтели заражены тлетворнымъ дыханіемъ духа міра: любовь пристрастіемъ, снисходительность ласкательствомъ, благородство гордостію, трудолюбіе корыстолюбіемъ, благотвореніе тщеславіемъ, достоинство презрѣніемъ другихъ, подвиги честолюбіемъ? — Токмо тѣ могутъ пріяти *Духа иже отъ Бога*, которые *не пріяли духа міра сего*, или изгнали его, *не любя міра, ни яже въ мірѣ*. (1 Іоан. II. 15.)

Можно ли намъ *исполниться Духомъ святымъ*, естьли мы еще преисполнены сами собою такъ, что нѣтъ въ насъ ниже сколько упраздненнаго и очищеннаго мѣста, кудабы хотя капля все-

напаяющія воды, по всей долготѣ и широтѣ временъ и мѣстъ *текущія въ животъ вѣчный*, (Іоан. IV. 14.) могла уканути, и не превратиться въ бреніе нашимъ самолюбіемъ и грѣховными осшанками?— Наша нечистота есть оплотъ, которымъ заграждаемъ мы отъ себя токи *Духа* Господня, подобно устремленіямъ весеннихъ водъ, *посланнаго* всюду *созидать* новую тварь и *обновлять лице земли:* (Псал. CIII. 30.) но то не есть еще и гнѣвъ, а паче милосердіе Божіе, что сіи токи не проторгаются въ души недостойныя; ибо святая и освящающая вода жизни, упадши на нечистое, воспылала бы огнемъ все поядающимъ.

И по сему, да не сѣтуютъ на Духа Господня и тѣ, которые, хотя всѣми силами отвергаются плоти, міра и самихъ себя, и съ духовною *жаждою* приходятъ ко Христу, однако *не піютъ* еще отъ источника благословеній, не ощущаютъ въ себѣ утѣшительнаго присутствія благодати освящающей и обновляющей, или, ощу-

шивъ мгновенно, теряютъ оное. Въ Евангеліи написано, что нѣкогда, между тѣмъ, какъ самъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ *о дусѣ, его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его, не у бѣ Духъ святый* пріемлемый, *яко Іисусъ не у бѣ прославленъ.* Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ ученикамъ своимъ, что, и послѣ неизмѣннаго Ему послѣдованія, надобно прежде искушеннымъ быть лишеніемъ видимаго присутствія Его, и потомъ уже взыти къ таинственному общенію Духа Святаго: *уне есть вамъ да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ.* (Іоан. XVI. 7.) Даже по воскресеніи Его, когда Ему *дадеся всяка власть на небеси и на земли,* наипаче же власть преподавать святаго Духа, потребны были Апостоламъ пятьдесятъ дней *терпѣнія, единодушныхъ молитвъ и моленій,* (Дѣян. I. 14.) дабы они могли, упразднясь отъ всего, единаго наконецъ *исполнитися Духа свята,* и начать жить въ семъ исполненіи. Токмо

упразднясь отъ всего, удостоились они *праздновать* великій праздникъ Божій. Можетъ быть, и для васъ, ревнующіе о Апостольскомъ послѣдованіи Христу, но не ощущающіе на себѣ *помазанія отъ Святаго*, — можетъ быть, и для васъ по тому *не у есть Духъ святый, яко Іисусъ не у прославленъ* въ васъ: можетъ быть, вы пріяли Его еще токмо яко *Пророка*, носящаго слово Божіе во устахъ своихъ; но еще не посвятили себя Ему, яко *Священнику*, да въ общеніи всемірныя жертвы своея всецѣло вознесетъ и васъ въ благопріятное приношеніе Отцу Своему; еще не превознесли Его яко *Царя*, да никакое желаніе и мысль не воздвигнется безъ Его мановенія. Можетъ быть, *уне есть* и *вамъ*-естьли *разумѣете* и взыскуете *Христа* болѣе *по плоти* (2 Кор. V. 16.) нежели по духу, — да *отбимется* на время отъ душъ вашихъ вожделѣнный *Женихъ*, и лишеніе духовныхъ утѣшеній очиститъ вашу вѣру, возвыситъ любовь, утвердитъ терпѣніе, изощритъ молитву, изгонитъ опасное само-

услажденіе, приготовитъ сугубое блаженство.

Но тѣ, въ которыхъ естьли не ощущается, по крайней мѣрѣ уже начинается сокровенною рукою *помазаніе, не требуютъ, да кто учитъ ихъ: яко то самое помазаніе учитъ ихъ о всемъ.* (1 Іоан. II. 27.) Что мы сотворимъ живущіе токмо плоти и крови, которыя *царствія Божія наслѣди не могутъ?* Что будемъ мы, по духу мертвые, хладные и сухіе, подобно разсѣяннымъ среди поля *костямъ* въ Іезекіилевомъ видѣніи? *Оживутъ ли кости сіи?* (Іез. XXXVII. 3) вопрошалъ Богъ Пророка, желая низпослать на нихъ животворящаго Духа Своего. *Не хотяй смерти грѣшниковъ, но еже обратитися и живымъ быти имъ,* безъ сомнѣнія, и на сіи духовные остовы съ толикимъ же взираетъ милосердіемъ и нетерпѣливымъ, естьли можно такъ сказать, желаніемъ ихъ оживленія Духомъ Святымъ. *Оживутъ ли кости сіи?— Господи Боже, Ты вѣси сіи.*— И нынѣ рцы Самъ, еже рекъ еси древле Пророкомъ Тво-

имъ, яко нѣсть въ насъ, иже проречетъ, — Самъ рцы костемъ симъ: *се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, — и дамъ Духъ Мой въ васъ, и оживете и увѣсте, яко Азъ есмь Господь.* Аминь.

Говорено въ Троицкой домой Церкви, 1814 года.

СЛОВО

Въ недѣлю третїю по Пятдесятницѣ.

И о одежди что печетеся? смотрите крінъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. (Матѳ. VI. 28. 29.)

Можно предугадывать, что говорено будетъ противъ излишнихъ попеченій объ одеждѣ и уборахъ; и, можетъ быть, при сей догадкѣ, нѣкоторые уже помышляютъ, что сей предметъ слишкомъ малъ для того, что бы занять вниманіе Хрістіанскаго собранія, въ часъ назначенный для спасительнаго ученія. Но излишества и въ малыхъ вещахъ не суть малости. Излишество въ пищѣ и питіи въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней; а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться

въ медленное самоубійство. Такъ и вредъ суетныхъ попеченій объ одеждѣ простирается отъ тѣла до души: это уже не малость! Есть люди, у которыхъ сіи попеченія составляютъ не малую долю ежедневныхъ упражненій, и похищаютъ великую часть времени, которое все безъ остатка нужно для пріобрѣтенія вѣчности: это ни какъ не малость! Кому, не смотря на сіе, поученіе объ одеждѣ и уборахъ кажется малостію: тотъ пусть помыслитъ, могъ ли величайшій подъ солнцемъ учитель учить малостямъ? Не слушайте, есть ли не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ: но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему Небесный Учитель насъ поучаетъ.

О одежди что печетеся? смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.

Что такое одежда? въ порядкѣ естественномъ — средство для защи-

щенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственномъ— защита стыдливости; въ порядкѣ Гражданскомъ — искуственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій и степеней въ нихъ постановленныхъ. Хотя изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство: впрочемъ не остановимся на сихъ понятіяхъ, которыя болѣе показываютъ правильное употребленіе одежды человѣками и обществами, нежели ея происхожденіе и первоначальное назначеніе отъ Творца человѣковъ и обществъ человѣческихъ. Съ сего священнаго мѣста можно и должно видѣть далѣе, нежели обыкновенно видитъ міръ, и его стихійная мудрость.

Возведите мысли ваши къ первымъ днямъ вселенныя, въ которые человѣческій родъ заключался въ одной четѣ,

только вышедшей изъ рукъ Создателя въ совершенной чистотѣ и святости: вы не найдете тамъ ни какого слѣда одежды. *Бѣста*, говоритъ книга Бытія, *оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася.* (Быт. II. 25.) Можно даже сказать безъ противорѣчія свидѣтельству Слова Божія, что они не были и наги, потому что не имѣли и не ощущали того недостатка, который мы называемъ наготою: подобно какъ тотъ не есть еще гладенъ, кто не принимаетъ пищи, но и не чувствуетъ въ ней нужды. Но вкусили прельщенные лукавымъ зміемъ отъ запрещеннаго плода, — и, *разумѣша, яко нази бѣша.* (Быт. III. 7.) Вотъ начало наготы! Ядъ грѣха принятый въ душу и сердце быстро разлился по всему существу ихъ; страсти возбудились, и произвели безпорядочныя движенія въ тѣлѣ; и, похоть ли, которая *зачевши раждаетъ грѣхъ*, (Іак. I. 15.) сама тотчасъ родилась отъ перваго грѣха, или несчастные родоначальники устыдились будущаго пле-

мени, которое носили въ чреслахъ своихъ, и котораго сдѣлались теперь убійцами; — только они прежде всего поспѣшили закрыть сіи чресла. *И сшиста листіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія.* (Быт. III. 7.) Вотъ произхожденіе одежды!

И такъ что есть одежда наша? — Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной раны, и при томъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ въ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ наложенный раскаяніемъ по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внут-

ренностію. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостію наперерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одеждъ?—Едва ли что нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора, покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, — сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ, — сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы?— Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ естьли бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или естьли бы рабъ принужденный носить оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искуствомъ? —

Правда Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣй-

шаго. И *сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ.* (Быт. III. 21.) Но чрезъ сіе самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшеніи тѣла. Естьли вещество по наставленію Самаго Бога употребленное для составленія одѣянія было кожа: то для чего нѣкоторые или нещастными или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ не пріятно, естьли не на насъ прядетъ шелковой червь; не для насъ земля раждаетъ злато, и море перла? къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для васъ готовитъ самъ Богъ? ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что по качеству сея страны потребно для тѣла нашего; и для снисканія того,

что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыслъ. Для чего же еще мы не рѣдко желаемъ что бы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего иногда мы не довольны своими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите — такъ премудрость Божія постыждаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія — посмотрите на полевые цвѣты, какъ они растутъ; не прядутъ и не трудятся: а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи; какъ будто провидѣніе меньше занимается вами, нежели былiемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ; и будто оно забыло близъ васъ произвести для васъ потребное!

И какой же предметъ столь нетерпѣливыхъ заботъ? Нѣжная ткань, драгоцѣнные камни, чистое золото —

пусть приложатъ къ сему изчисленію что еще угодно — какъ все сіе мало и недостойно озаботить того, кто хотя мало размышляетъ! Не знаю, что можетъ давать золоту на вѣсахъ разумнаго человѣка такую же тяжесть, какъ и на вѣсахъ торжника, естьли это не есть тяжесть бѣдъ, которыми обременяетъ оно родъ человѣческій. То, что называютъ лучшею водою въ камняхъ, не суть ли слезы нещастныхъ жертвъ, которыя въ живѣ, сто кратъ глубже мертвыхъ, погребаются во мрачномъ чревѣ горъ для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ? Лучшія произведенія искусныхъ рукъ могутъ ли составить чью нибудь славу, кромѣ своего художника? И далеко ли простирается сія слава? Художникъ міра положилъ предѣлъ для тщеславія смертнаго искусства въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ природы. Посмотрите еще разъ на полевые цвѣты: Соломонъ во всей славѣ своей, не облачался такъ, какъ послѣдній изъ нихъ, говоритъ Истина

Естьли вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ оныхъ тонкій духовный медъ; естьли зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь: изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства,— воззрите, члены тѣла Христова, на главу свою,— и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя вами украшенія.—Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ: а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ, и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава

багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію, а члены лукавымъ искуствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости; и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живый образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія: а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но— *да не, возглаголютъ уста моя, дѣлъ человѣческихъ!* (Псал. XVI. 4.) Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ, однакожъ послѣдовать неблагопристойностію не почитается.

Чтожъ?— спросятъ, вѣроятно, люди, болѣе желающіе избавиться отъ обличенія, нежели исправить обличаемое,— неужели всѣ должны отвергнуть

всякое благолѣпіе, и облечься въ рубища? — Нѣтъ, совопросники, *мудрые еже творити злая, благо же творити не познавшіе!* (Іер. IV. 22.) Никто сего не требуетъ. Божественный Учитель нашъ обличаетъ, а по тому и насъ обязываетъ обличать, только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одежди что печетеся?* Впрочемъ извѣстно, что и самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный нешвенный Хитонъ, который пожалѣли раздрать и раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія, и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому только что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего

рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ — невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе странная и нелѣпая, что безъ сомнѣнія многіе виновные въ ней признаютъ ее, и однакожъ не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностію: бѣдственно то, что ею пораждаются и питаются беззаконія. Спросите, на примѣръ, нѣкоторыхъ пришедшихъ въ сіе Священное мѣсто не прежде начала, но уже въ продолженіи общественныхъ молитвъ и Священнодѣйствія, спросите и сами себя, вы съ которыми сіе случилось: какъ похищено сіе время у Бога и у души? — Окажется, что у нѣкоторыхъ оно посвящено было тѣлу, изъ котораго творили тогда кумиръ. Не видите ли, какъ явно мнимыя малости ваши обращаются въ оскорбленіе Великаго Бога? — Или, посмотрите, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго

мѣлкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за не нужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто не видитъ изъ сихъ не многихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ обѣимъ скрижалямъ закона Божія? —

Хрістіане! какъ наслѣдники, и будущіе возобновители рая, не облѣняйтесь изторгать изъ сердецъ вашихъ и малое быліе нечистыхъ страстей, дабы не умножились плевелы, и не возросло терніе, и не было подавлено сѣмя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели представить Всевидцу малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти. Ахъ! хотя бы подъ рубищемъ, только бы сохранить то царственное облаченіе, о которомъ написано: *Елицы во Хрїста крестистеся, во Хрїста облекостеся.* (Гал. III. 27.) Аминь.

СЛОВО

Въ недѣлю четвертую по Пятдесятницѣ.

Оброцы грѣха, смерть: дарованїе же Божїе, животъ вѣчный, о Хрїстѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Рим. VI. 23.

Нѣкогда имя *грѣха* было для Хрістіанъ такъ ужасно, какъ проклятія и казни. Апостолъ Іаковъ, желая однимъ ударомъ сокрушить гордость хваляцагося вѣденіемъ истины, но живущаго по плоти человѣка, сказалъ только, что ему грѣхъ! *Вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть.* (Іак. IV. 17.) Нынѣ многіе содрогаются при имени безчестія, урона, смерти: мысль о грѣхѣ, подобно привидѣнію, не тревожитъ болѣе просвѣщеннаго вѣка. Такъ ли совершается въ насъ предсказанное пророками о царствѣ Мессіи: *яко да обетшаетъ согрѣшеніе?* (Дан. IX. 24.) Ахъ! согрѣ-

шеніе обетшаваетъ въ насъ не такъ, какъ старая одежда, которую повергаютъ къ ногамъ, когда облекаются въ новую; но такъ, какъ застарѣлая болѣзнь, въ которой чувствованіе боли притупляется временемъ, и которую перестаютъ наконецъ отличать отъ здравія.

Столь опасная привычка подкрѣпляется столь же бѣдственною недальновидностію, съ каковою мы смотримъ только на прелестную личину, подъ коею грѣхъ намъ является; но не проникаемъ въ истинное свойство его, и не соединяемъ съ нимъ его послѣдствій. Что такое наши недостатки, бѣдствія, смерть? — несовершенства природы, дѣйствія случаевъ, удары судьбы! — Такъ то самолюбіе удобнѣе позволяетъ намъ хулить Бога, нежели находить источникъ зла въ себѣ самихъ.

Правда Божія, слушатели, не имѣетъ нужды въ нашемъ оправданіи: но неправда наша должна быть обнажаема для нашего же отъ Бога оправ-

данія. На сей конецъ, сообразно настоящему чтенію изъ Апостола, откроемъ по возможности, необходимый союзъ грѣха со смертію, *оброцы грѣха смерть;* и пагубному обольщенію грѣховнаго состоянія противоположимъ преимущества состоянія благодатнаго: *дарованіе Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Богъ, какъ говоритъ Премудрый *смерти не сотвори.* (Прем. I. 13.) Отъ источника жизни могло ли что произтечь кромѣ жизни? Давъ бытіе ничтожеству, онъ далъ бытію законъ, по которому бы оно дѣйствовало ко благу: дѣйствованіе по сему закону есть *жизнь.* Благороднѣйшія твари получили свободу, которая есть способность исполнять законъ по сознанію его совершенства, изъ любви къ Законодателю; и которая по сему не исключаетъ возможности отступить отъ онаго: а таковое произвольное отступленіе отъ закона есть *грѣхъ.* Но поелику тварь, выходя изъ предѣловъ премудростію и благостію Творца

ей поставленныхъ, не можетъ взойти къ вышшему совершенству, котораго, будучи сама въ себѣ ничтожество, не только дать, но ниже возвратить себѣ не можетъ : то ея уклоненіе отъ закона по необходимости есть паденіе въ низшій кругъ дѣйствованія, разстройство, разрушеніе, *смрть*. Вотъ путь, по которому *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть*. Онъ входитъ, какъ тать ; и потомъ неистовствуетъ, какъ разбойникъ : обнажаетъ, порабощаетъ, убиваетъ. Человѣкъ, по троякому отношенію своего дѣйствованія къ самому себѣ, ближнему и Богу, можетъ наслаждаться троякою жизнію : естественною, какъ существо видимаго міра, гражданскою, какъ членъ общества, и духовною, какъ умаленный малымъ чимъ отъ ангелъ: преобладающій грѣхъ и на жизнь естественную, и на цѣлыя общества, и на безсмертный духъ человѣческій налагаетъ дань смерти. *Образцы грѣха, смерти.*

Въ первобытной невинности человѣкъ былъ безсмертенъ по тѣлу, равно какъ и по душѣ. Покоренныя ему твари подвержены были естественнымъ измѣненіямъ; однако такъ, что ни владыка ихъ, ни онѣ сами отъ того не страдали. Едва грѣхъ овладѣлъ симъ владыкою; какъ и въ его владѣніяхъ, и въ немъ самомъ, по непостижимому дѣйствію правосудія Божія, возсталъ мятежъ: и скоро бы, можетъ быть, опустошило всю землю, единое беззаконіе, когда бы милосердый Богъ не положилъ между имъ и его пагубными послѣдствіями нѣкотораго разстоянія, дабы оставить мѣсто покаянію и благодати. Между тѣмъ дивный Промыслъ заповѣдалъ смерти въ различныхъ видахъ преслѣдовать и поражать грѣхъ въ такой соразмѣрности съ его шествіемъ и силою, чтобы его же порожденіе было препятствіемъ его могуществу, и чтобы ослѣпленный впрочемъ грѣшникъ безъ труда узнавалъ въ немъ своего врага и убійцу. Дабы показать

вамъ дѣйствіе сего Божія суда, я не укажу на первый міръ вдругъ погребенный въ волнахъ за умноженіе неправды; или на древніе грады, которые воплемъ своего разврата низвели на себя небесный огнь; или на гробы похотѣнія, которые въ безплодной пустынѣ создала себѣ роскошь Евреевъ, и проч. Кто имѣетъ очи: тотъ, не обходя вѣковъ и странъ, всегда и вездѣ видитъ мечь Божій на преступленіе, сокрытый въ самой природѣ и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ человѣческихъ. Не видите ли вы, какъ смерть, по выраженію пророка, *возходитъ сквозѣ окна ваша,*— (Іер. IX. 21.) проникаетъ во всѣ чувства и силы, поколику открываемъ ихъ для грѣха? какъ чаша земныхъ удовольствій изливаетъ, если не всегда скоропостижный, то безъ сомнѣнія медленный ядъ въ уста неумѣренности; корысть не столько наполняетъ сокровищницы златомъ, сколько душу мученіемъ; обида вызываетъ противъ себя ежели не правосудіе, то другую обиду; коварство

упадаетъ въ яму, которую изрыло ближнему, и *мужіе кровей и лъсти не преполовляютъ дней своихъ?* (Псал. LIV. 24.) Какъ самое тонкое злоупотребленіе способностей естественныхъ изощряетъ на себя столь же тонкое оружіе: гордость убиваетъ разсудокъ; мудрость *неискусившая имѣти Бога въ разумѣ предается въ неискусенъ умъ творити неподобная*; (Рим. I. 28.) и въ самый корень грѣха, — самолюбіе, отъ времени до времени ударяетъ громъ злополучія? И когда Богъ *не хотящій смерти грѣшника* говоритъ о Себѣ, что онъ *наводитъ грѣхи отцевъ на чада и на чада чадъ, до третіяго и четвертаго рода:* (Исх. XXXIV. 7.) не то ли сіе значитъ что самый грѣхъ неограниченно возобладавшій человѣкомъ внѣдривается въ существо его; распространяетъ власть свою вмѣстѣ съ жизнію, которую онъ даетъ другимъ, и, естьли не свергнутъ сего наслѣдственнаго ига, собираетъ свои *оброки* съ сыновъ, внуковъ и правнуковъ?

Но ежели симъ или другимъ образомъ грѣховная болѣзнь одного можетъ здѣлаться заразою многихъ: то удивительноли, что и послѣдующая за нею смерть также постигать можетъ племена и народы, какъ и человѣковъ? Жизнь общественная получила начало тогда, какъ Богъ рекъ первой человѣческой четѣ: *наполните землю, и господствуйте ею:* здѣсь нѣтъ ни раздѣленія, ни разрушенія. Отъ чего же смертны, а иногда и чрезмѣрно кратко — жизненны сіи тѣла гражданственныя, естьли не отъ того же, какъ и естественныя? Оскудѣніе любви къ отечеству и взаимной искренности между членами общества сопровождается слабостію и безпорядкомъ въ его дѣйствіяхъ; роскошь, поглощая его истинное довольство, измучиваетъ его вымышленными нуждами; стремленіе къ преобладанію и неправосудіе возбуждаютъ противъ него внѣшнихъ и домашнихъ непріятелей; въ вѣрѣ и благочестіи оно хранитъ или теряетъ основаніе своихъ законовъ, побужденіе дѣятельности,

страхъ злодѣйства, награду подвиговъ, залогъ безопасности, словомъ, жизнь и душу. Естьли ты, правовѣрное Отечество, не старѣясь переживаешь твоихъ сосѣдовъ и враговъ: то благослови правду и вѣру, которыя Господь Саваоѳъ оставилъ тебѣ, какъ сѣмя долгоживотное! Безъ нихъ никакой народъ не можетъ ожидать себѣ лучшей участи, нежели возлюбленный, но невѣрный Богу Израиль. *Вскую умираете доме Израилевъ?* вопіетъ къ нему Іезекіиль. (XVIII. 31.) Вотще, совратясь отъ пути правды, мечтаешь ты, что *не управится путь Господень;* напрасно думаешь ускользнуть отъ Его правосудія; ты самъ себя умерщвляешь твоимъ нечестіемъ. *Вскую умираете доме Израилевъ?*—Естьли и бываютъ случаи, когда *путь нечестивыхъ спѣется*, и рука ихъ господствуетъ: то сіе есть или послѣдняя мзда, которую воспріемлютъ они за нѣкій останокъ добродѣтелей, или послѣднее напряженіе, которое лишитъ ихъ останка крѣпости. Развратное общество въ силѣ,

подобно человѣку въ горячкѣ: его сильныя и быстрыя дѣйствія суть дѣйствіе болѣзни, а часто и предвѣстіе смерти. Державный пророкъ видѣлъ и описалъ судьбу торжествующаго нечестія: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія.* — Но долголи продолжалось сіе явленіе? — *Мимоидохъ, и се не бѣ.* (Пс. XXXVI. 35)

Впрочемъ всѣ казни преслѣдующія беззаконіе въ естественной и общественной жизни суть токмо припоминательный образъ и, такъ сказать, слѣдъ истинной смерти совершенно неразлучной отъ грѣха. *Въ онь же аще день снѣсте отъ древа, смертію умрете.* (Быт. II. 17.) Вамъ извѣстно, что Адамъ девять вѣковъ жилъ на земли по снѣденіи отъ древа запрещеннаго: или не сбылось сіе слово, коего ни единая черта не можетъ прейти, хотя бы небо и земля поколебались? нѣтъ! Адамъ точно *умеръ* въ день грѣхопаденія: умеръ въ своемъ умѣ, который, бывъ причастенъ Божественнаго свѣта, облекся во мракъ чувственности;

умерѣ вѣ своей волѣ, которая утратила силу стремиться ко благу духовному; умерѣ вѣ своемѣ сердцѣ, которое упало сѣ высоты небесной любви и блаженства, и раздробилось по числу земныхѣ прелестей; умерѣ вѣ своей дѣятельности, которая сѣ сего времени могла производить только *мертвыя дѣла.* (Евр. IX. 14.) Что убо и мы, рожденные во грѣхахѣ, и слишкомѣ богатящіеся симѣ наслѣдіемѣ Адамовымѣ,— что мы вѣ *тѣлѣ смерти сея*, (Рим. VII. 24.) какѣ не живые мертвецы во гробахѣ своихѣ? Смерть тѣмѣ болѣе убійственная, чѣмѣ менѣе ощущаемая; и ужаснѣйшая всѣхѣ смертей, которыя мы видимѣ и знаемѣ! ибо тѣ убиваютѣ временное, а сія вѣчное: тѣ сами смертны, а сія можетѣ быть безсмертною. Гробѣ, по словамѣ одного Хрістіанскаго учителя, (Тертул.) есть убѣжище отѣ смерти: но это не для умирающаго во грѣхѣ; ибо его и за гробомѣ ожидаетѣ *смерть вторая* (Апокал. XXI. 8.) или раскрытіе первой смерти во всѣхѣ ея ужасахѣ.

Познаемъ, слушатели, чего мы должны страшиться. Есть ли страшенъ мечь; но еще страшнѣе убійца: есть ли ужасна смерть, которая поражаетъ не столько человѣка, сколько грѣхъ; но колико ужаснѣе грѣхъ, который раждаетъ смерть! Но поелику страхъ есть безполезный мучитель, доколѣ онъ не есть пѣстунъ любви: не умедлимъ обольщаемому грѣхомъ сердцу нашему дать достойнѣйшій его прилѣпленія предметъ, и къ нему единому по возможности соберемъ всѣ расточенныя силы наши, какъ печальные обломки кораблекрушенія къ безопасному брегу. — Какой животный свѣтъ посылаетъ небо въ нашъ внутренній адъ! и какъ скоро убѣгаетъ отъ него сѣнь смертная! Богъ правды и мздовоздаянія для праведника, становится Богомъ милосердія и благодати для грѣшника! *Дарованіе Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Нашедши насъ мертвыми, Благодать не требуетъ, чтобы мы заслужили

жизнь: ибо сіе не возможно. Она обрѣтается не ищущимъ; является не вопрошающимъ; дарствуетъ, а не воздаетъ. *Дарованіе Божіе.*

Примѣтимъ же грѣховную слѣпоту нашу. Чего мы не дѣлаемъ для удовлетворенія суетнымъ желаніямъ и страстямъ законопреступнымъ! Богатству жертвуемъ спокойствіемъ, чести богатствомъ, и опять спокойству честію; бросаемся въ опасности, дабы извлечь изъ нихъ славу, или повергнуть въ нихъ соперника; проводимъ вѣкъ въ непрестанныхъ заботахъ, дабы достигнуть лучшаго состоянія, которое всегда удаляется отъ насъ; и, видя свое здравіе ослабѣвающимъ, продолжаемъ убивать себя чрезмѣрными усиліями, чтобы дожить желаемаго. А свергнуть тяжкое бремя грѣха и взять легкое иго Іисуса, изхитить слабое сердце отъ міра и положить его въ силу Божію совершающуюся въ немощахъ, упразднить-ся и дать Богу творить въ насъ свое дѣло,— это трудно; это превышаетъ

наши силы! — Увы! мы бываемъ дѣятельнѣе и сильнѣе для нашей погибели, нежели сколько нужно бы для нашего спасенія.

Благодать возобновляетъ и возвращаетъ человѣку все, что грѣхъ ни разрушаетъ. Она паки почерпаетъ ему духовную жизнь изъ Бога, ея источника; вводитъ его въ сочлененіе безсмертнаго тѣла церкви; и, когда земная наша храмина тѣла разорится, уготовляетъ храмину нерукотворенную на небесахъ. *Животъ вѣчный.*

Напротивъ за какую награду мы работаемъ грѣху? — Поставимъ себя между имъ и смертію: и, озрѣвшись сюду и сюду, мы невольно повторимъ вопль Сына Саулова: *вкусихъ мало меду, и се азъ умираю.* Я вкусилъ нѣсколько капель удовольствія, и вижу предъ собою море золъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ наслажденія, предстоитъ вѣчность мученій. Я не насытилъ и плоти; а погубилъ душу. *Вкусихъ мало меду, и се азъ умираю.* (1 Цар. XIV. 43.)

Наконецъ , Благодать представляетъ намъ всемогущаго Подателя и вѣрнѣйшаго Споручителя своихъ даровъ, Іисуса Христа Богочеловѣка. Онъ есть Богъ; ибо наше возсозданіе можетъ совершиться силою единаго Создателя; но вкупѣ и человѣкъ, дабы мы безопасно и дерзновенно приближались къ Нему. Онъ содѣлался по насъ *грѣхомъ и клятвою,* (2 Кор. V. 21. Гал. III. 13.) чтобъ искупить насъ отъ грѣха и клятвы, и, стяжавъ насъ кровію своею, ожидаетъ, чтобы мы все пріяли чрезъ Него въ Немъ. *О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

На чемъ напротивъ утверждаемъ мы наши надежды, когда покаряемся грѣху?— Лукавый врагъ, каждый разъ, когда подаетъ намъ запрещенный плодъ, обѣщаетъ слишкомъ много: *будете яко бози;* но, исполнивъ его волю, мы обыкновенно или ничего не получаемъ, или получаемъ несравненно менѣе, нежели надѣялись. И почто же еще опираемся на сей тростяный жезлъ, который толикократно уже

сокрушался подъ нашею рукою, и пробождалъ ее ; а не поспѣшаемъ ко врачу исцѣляющему язвы душъ и тѣлесъ? Почто держимся земли, которая коловращаетъ насъ вмѣстѣ съ собою ; и не имѣмся всѣми силами за крестъ Ходатая, который есть лѣствица къ небесамъ ? Почто, когда такъ быстро *преходитъ образъ міра сего,* (1 Кор. VII. 31.) *внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская,* (Псал. XLV. 3.) мы, отъ угрожающихъ и намъ ударовъ, не сокрываемся въ язвы нашего Спасителя ?

О Боже не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему ! возми грѣхъ нашъ, да не возметъ онъ съ насъ оброка смерти вѣчныя ; и подаждь намъ Твое дарованіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь.

Говорено въ Александро — Невской Лаврѣ, 1811 года.

СЛОВО

На Преображенїе Господне.

Взыде на гору помолитися. И бысть егда молящеся, видѣнїе лица Его ино; и одѣяніе Его бѣло блистаяся. И се мужа два сѣ Нимъ глаголюща, яже бѣста Моисей и Илїя. Лук. IX. 28. 29. 30.

Высокое зрѣлище на горѣ Ѳаворской. Зрѣлище подлинно достойное того, что бы и видѣть оное съ восхищеніемъ, какъ видѣли Апостолы, и воспоминать съ торжествомъ, какъ мы нынѣ воспоминаемъ. Не напрасно и тѣ, которые были свидѣтелями великихъ явленій на Синаѣ и Хоривѣ, не напрасно Моисей и Илія являются на Ѳаворѣ. Они увидятъ здѣсь болѣе, нежели тамъ. На Синаѣ и Хоривѣ сила и слава Божія открылась человѣкамъ сквозь силы видимаго естества: на Ѳаворѣ не только Божество является человѣкамъ, но и человѣчество является въ Божественной славѣ. Моисей

трепеталъ на Синаѣ; (Евр. XII. 21.) Илія жаловался на Хоривѣ: (3 Цар. XIX. 14.) въ Апостолахъ на Ѳаворѣ сквозь ужасъ сіяетъ радость: *добро есть намъ здѣ быти.*

Христіане! вѣроятно, сердце ваше готово сказать о зрителяхъ Ѳаворской славы: воистину добро есть имъ тамо быти! щастливы они, что могли тамъ быть! Чтожъ, естьли скажемъ вамъ, что путь къ созерцанію Ѳаворской славы не поглощенъ бездною, не прегражденъ стѣною, не заросъ терніемъ, не забытъ, не потерянъ, но еще и нынѣ указуется знающими желающимъ. (Не трудно понять, что сіе говорится о пути духовномъ; ибо тѣлеснымъ шествіемъ конечно не льзя взойти къ видѣніямъ духовнымъ и откровеніямъ Божественнымъ.) Въ самомъ дѣлѣ, для чего Евангелистъ, приступая къ изображенію славнаго Преображенія Господня, прежде всего свое и наше вниманіе обращаетъ на молитву: *взыде на гору помолитися?* Для чего еще, какъ будто

не полагаясь на проницаніе нѣкоторыхъ читателей и слушателей Евангелія, и опасаясь, что не довольно поймутъ важность замѣченнаго обстоятельства, онъ тутъ же повторяетъ, что Преображеніе Господне случилось во время молитвы: *бысть егда молящися?* Для чего иначе, естьли не для того, чтобы указать намъ въ молитвѣ путь къ свѣту Ѳаворскому, ключь тайнъ духовныхъ, силу откровеній Божественныхъ?

Естьли Богомудрый Евангелистъ нашелъ столь нужнымъ съ изображеніемъ славы Ѳаворской соединить мысль о молитвѣ: то конечно не излишне будетъ и намъ, Христіане, съ воспоминаніемъ славнаго Преображенія Господня соединить хотя нѣкое малое размышленіе *о силѣ и дѣйствіи молитвы.*

Хотя должно уповать, что въ семъ домѣ молитвы нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ болѣе или менѣе познанія о силѣ и дѣйствіи молитвы: однако, для основательнаго знанія, да

будетъ позволено войти о семъ предметѣ въ изслѣдованіе, какъ бы о неизвѣстномъ. И такъ — имѣетъ ли какая нибудь молитва, какое нибудь дѣйствіе? — Сей вопросъ не долго можетъ оставаться неразрѣшеннымъ. Онъ разрѣшается общимъ смысломъ человѣческаго рода: ибо всѣ, отъ просвѣщеннаго чистымъ свѣтомъ вѣры Христіанина, до язычника омраченнаго грубымъ суевѣріемъ, всѣ люди признаютъ обязанность молиться, а большая и лучшая часть людей и самымъ дѣломъ исполняютъ сію обязанность, хотя не одинаковымъ образомъ, и не съ одинаковымъ успѣхомъ; но для чего бы и установлять и совершать молитву, естьли бы не признавали въ ней никакой силы, и неожидали отъ нея никакого дѣйствія? Естьли кто спроситъ, какъ могутъ и язычники быть свидѣтелями о силѣ молитвы, когда они, не имѣя истиннаго Богопочтенія, не имѣютъ потому и истинной молитвы: того мы опять спросимъ, какъ же у нихъ и есть какая

нибудь молитва? Какъ ни старайся изъяснить, какое бы то ни было, несовершенное, явленіе молитвы: въ основаніе произхожденія его всегда должно будетъ положить силу молитвы. Молятся и язычники, конечно или потому, что оставляемый тварію, но не оставляющій ея Богъ и въ ихъ омраченныхъ сердцахъ оставляетъ нѣкоторыя искры своего свѣта, который *просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ*, и котораго *тьма необъемлетъ* (Іоан. I. 9. 5.) который и во плоти возбуждаетъ нѣкое чувство потребности духовной, даетъ нѣкое предчувствіе о возможности ея удовлетворенія, и такимъ образомъ побуждаетъ взывать къ невѣдомому Богу о невѣдомой помощи;— или потому, что изъ самаго блата чувственности, въ которомъ погрязло язычество, иногда возникали нѣкоторыя окриленныя души, которыя при сознаніи низости и нечистоты сего состоянія, искреннимъ желаніемъ и усиліемъ познать силы духовнаго міра достигали нѣко-

тораго причастія ихъ, и потомъ научали другихъ достигать тогоже искреннимъ и крѣпкимъ желаніемъ, то есть, молитвою; — или наконецъ потому, что еще съ тѣхъ временъ, когда во всемъ родѣ человѣческомъ было истинное Богопознаніе, и слѣдственно во всемъ родѣ человѣческомъ извѣстна была сила и дѣйствительность истинной молитвы, не смотря на послѣдовавшее поврежденіе Богопочитанія, осталось неизгладимое всеобщее увѣреніе, какъ о необходимости самаго Богопочитанія, такъ и о пользѣ молитвы, то есть, о ея силѣ и дѣйствительности.

Къ нещастію есть Философія, (того рода, который Апостолъ Павелъ называетъ Философіею *по стихіямъ міра, и тщетною лестію,*) (Кол. II. 3.) которая пренебрегая всеобщее свидѣтельство человѣческаго рода, думаетъ надежнѣйшее свидѣтельство истины дать сама себѣ. Она учитъ, что какъ весь міръ связанъ узами причинъ и послѣдствій, въ которыхъ

и свободныя существа болѣе или менѣе запутаны: то, когда человѣкъ молится,— напримѣръ, о изобиліи плодовъ земныхъ, а сіе изобиліе зависитъ отъ благорастворенія воздуха, благораствореніе воздуха отъ дѣйствія и воздѣйствія солнца земли и воды, дѣйствіе же ихъ отъ законовъ міра однажды Творцемъ его постановленныхъ, и всегда постоянно и необходимо дѣйствующихъ; — онъ молится или безполезно, или развѣ только для своего смиренія и покорности предъ властію и величествомъ Творца. Замѣтимъ, что и сей родъ мудрованія не можетъ отнять у молитвы хотя того дѣйствія, что она образуетъ въ человѣкѣ качество смиренія предъ Богомъ: а это уже не маловажное и спасительное дѣйствіе. Но сего не довольно. Спросите, естьли встрѣтите, учениковъ сего мудрованія, что лучше, искусная машина, или существо живое, разумное, свободное, и благоустроенное общество таковыхъ существъ? что возвышеннѣе, художникъ, кото-

рый устроилъ машину, и наблюдаетъ за ея движеніями, или отецъ, который родилъ дѣтей, и воспитаніемъ образуетъ ихъ въ свое подобіе, и Царь, который основалъ царство свободныхъ, и управляетъ ими такъ, какъ они хотятъ быть управляемы, только безъ нарушенія Его премудрыхъ и благихъ намѣреній? Выборъ здѣсь не труденъ, и отвѣта ожидать не нужно. Спросите же ихъ еще: для чего въ твореніи Всесовершеннаго Творца лучше хотятъ они видѣть совершенное произведеніе художества, нежели благоустроенное царство премудраго Царя и великій домъ Отца Всеблагаго? Почему охотнѣе представляютъ себѣ Бога Художникомъ міра, нежели Царемъ неба и земли и Отцемъ духовъ? отвѣта на сіе предоставимъ имъ искать въ своей совѣсти: а для нашего настоящаго разсужденія довольно, что есть ли Богъ есть не только Создатель нашъ, но и Царь и Отецъ, то нѣтъ сомнѣнія, что дѣти не вотще будутъ призывать Отца, и Царь

не заградитъ слуха отъ сыновъ Царствія. И удивительно ли, естьли чадолюбивый Отецъ въ удовлетвореніе добраго, или по крайней мѣрѣ невиннаго желанія сына, остановитъ или перемѣнитъ движеніе машины, которую онъ устроилъ? Такъ не удивительно, естьли Всеблагій Отецъ Небесный, по молитвѣ земнородныхъ чадъ своихъ, даетъ новое, необыкновенное направленіе природѣ, управляемой закономъ необходимости. Симъ уподобленіемъ изъясняетъ дѣйствіе молитвы сама Истина и само Слово: *аще вы лукави суще, умѣете даянія благая даяти чадомъ вашимъ, колькми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него.* (Матѳ. VII. 11.)

Нѣкоторые Хрістіане, знающіе и творящіе дѣло молитвы болѣе наружно по обряду, нежели внутренно по духу, не сомнѣваясь въ неопредѣленной мысли, что молитва можетъ быть сильна и дѣйствительна, недоумѣваютъ, или совсѣмъ ошибаются въ приложеніи сея мысли къ самимъ себѣ и

своей молитвѣ. Молясь многократно, и не видя никакихъ ощутительныхъ послѣдствій своея молитвы ни въ себѣ, ни окрестъ себя, вмѣсто того, чтобы усомниться въ истинѣ и достоинствѣ своихъ молитвъ, они получаютъ духомъ лѣности и самопрельщенія вдыхаемую мысль, что молитва сильная и дѣйствительная есть, можетъ быть, особенный даръ благодати, предоставленный только для нѣкоторыхъ избранныхъ Божіихъ, и для нѣкоторыхъ только чрезвычайныхъ случаевъ. Для таковыхъ скажемъ не обинуясь, что нѣтъ человѣка, котораго молитва не могла бы содѣлаться сильною, естьли онъ того твердо и чистосердечно, съ вѣрою и упованіемъ на Бога, возжелаетъ; и нѣтъ вещи, въ которой бы молитва не могла содѣлаться дѣйствительною, естьли только предметъ молитвы не противенъ премудрости и благости Божіей и благу молящагося. Много сказано: надѣемся однако, что необманемъ истинныхъ любителей молитвы.

Представьте себѣ человѣка, который силою молитвы затворяетъ и отверзаетъ небо для прекращенія и низведенія дождя; велитъ, чтобы горсть муки и не много елея достаточны были для пропитанія нѣсколькихъ человѣкъ, на нѣсколько мѣсяцовъ, и даже, можетъ быть, не на одинъ годъ, — и сіе исполняется; дуетъ на мертваго, — и онъ воскресаетъ; — низводитъ съ небесъ огнь, дабы онъ попалилъ жертву и жертвенникъ, погруженный въ воду.— Что можетъ показаться необыкновеннѣе сея силы молитвенныя? Но такъ кажется только для человѣка не знающаго силы духовной; а для знающаго сіе есть дѣло подобнаго намъ человѣка. Это не мое мнѣніе, но ученіе Апостольское. Апостолъ Іаковъ, поучая насъ *молиться другъ за друга*, въ убѣжденіе къ сему говоритъ, что *много можетъ молитва праведнаго*, и сіе общее для всѣхъ наставленіе, и убѣждающую мысль, подтверждаетъ именно примѣромъ необыкновеннаго человѣка, котораго мы

теперь изобразили, и котораго онъ называетъ подобнымъ намъ человѣкомъ: *Илїа человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ и молитвою помолися да не будетъ дождь; и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть: и паки помолися; и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой.* (Іоан. V. 16. 17. 18.) Для чего сказано здѣсь, что сей чудодѣйствующій Илія былъ *подобострастенъ намъ?*— Точно для того, что бы, почитая его необыкновеннымъ человѣкомъ, не облѣнились мы подражать ему, и достигать силы въ молитвѣ.

Естьли, не смотря на сіе, подражать въ молитвѣ Пророку — кажется вамъ жребіемъ превышающимъ вашу посредственность, и высотою недостязаемою; то представьте себя чѣмъ вамъ угодно меньшимъ пророка, представьте себя хотя меньше, нежели Христіанами, хотя только язычниками: и въ семъ случаѣ, я утверждаю, что молитва ваша можетъ быть сильна и дѣйствительна. Она можетъ — чего больше? — можетъ и изъ язычни-

ковъ содѣлать васъ истинными Христіанами; можетъ ввести васъ въ истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, хотя бы оно и неизвѣстно вамъ было; и, естьли не будетъ близко человѣка, который бы могъ руководствовать васъ къ тому, она отверзетъ небо, и низведетъ вамъ отъ Ангела, который наставитъ васъ. Но не мечтаю ли я увлекаемый желаніемъ возбудить васъ къ молитвѣ сильной и дѣйствительной? Нѣтъ, братія и смолитвенники, я все говорю о томъ, что дѣйствительно уже было, а потому и опять быть можетъ, и о чемъ свидѣтельствуютъ наши священныя книги. Извѣстный изъ книги Дѣяній Апостольскихъ (X.) Корнилій, сотникъ Римскаго войска, былъ язычникъ; не извѣстно, зналъ ли онъ *единаго Бога*, а то вѣрно, что не зналъ, *Его же послалъ есть* Богъ, *Іисуса Христа:* но онъ творилъ столько добра, сколько разумѣлъ, боялся и непрестанно призывалъ Бога, хотя и невѣдомаго: *благоговѣйнъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ*,

творяй милостыни многи людемъ, и моляйся Богу всегда. И что же сдѣлала постоянная молитва язычника? Она точно преклонила къ нему Небеса, и низвела въ помощь ему вышнія, даже Божественныя силы. Среди самой молитвы является ему Ангелъ. *Корнилїе* говоритъ онъ, *услышана бысть молитва твоя:* и потомъ научаетъ его призвать Апостола Петра. Когда же призванный Апостолъ проповѣдалъ ему Іисуса Христа: Духъ Святый, еще прежде совершенія крещенія, изліялся на Корнилія.

Изыскивайте, естьли хотите, изобрѣтайте въ мысляхъ вашихъ вещь, которая казалась бы недоступною силѣ молитвы: не отчаяваемся при свѣтѣ слова Божія показать вамъ, что она доступна и достижима, хотя бы даже казалась невозможною. Вообразите, на примѣръ, цѣлый народъ тяжкимъ преступленіемъ раздражившій Бога; присовокупите, что Богъ уже изъявляетъ праведную волю Свою погубить сей народъ, и что въ сіи

ужасныя минуты остается одинъ только человѣкъ на свѣтѣ, который можетъ принести молитву за сей почти уже поглощаемый адомъ народъ. Не кажется ли вамъ, что уже не возможно спасти народъ сей? Опытъ Моисея показалъ, что и сіе возможно. Народъ Израильскій, непосредственно послѣ славнаго Богоявленія и законоположенія Синайскаго, вдругъ впадаетъ въ идолопоклонство. Моисей предстоитъ Богу на горѣ. Выслушайте, и уразумѣйте, какія дивныя слова въ сіе время изглаголалъ Господь Моисею: *и нынѣ остави Мя, и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ.* (Исх. XXXII. 10.) О Господи Боже духовъ и всякія плоти! не ужели сей рабъ Твой, который только Твоею силою силенъ, можетъ воспрепятствовать исполненію воли Твоей? Оставь Меня, глаголетъ, Я хощу явить праведный гнѣвъ Мой, хощу погубить сей народъ; но ты меня удерживаешь. *Остави Мя, и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ.* Что же еще? Молитвенникъ и тогда не

оставляетъ Бога, но усугубляетъ молитву: и гнѣвъ непобѣдимаго Всемогущаго уступаетъ силѣ молитвы бреннаго человѣка! *И умилостивися Господь о злѣ, еже рече сотворити людемъ своимъ.* (14.) Измѣряйте здѣсь, естьли можете, чудесную силу молитвы, и найдите послѣ сего, чего бы не могла она совершить во спасеніе!

Дабы усмотрѣть еще, съ какою удобностію ключь молитвы отверзаетъ духовныя и Божественныя сокровища, воззримъ паки къ Ѳавору, къ которому и старались мы приближиться настоящими размышленіями. Всмотримся еще разъ прилѣжно въ изображеніе Преображенія Господня у Евангелиста: *взыде на гору помолитися. И бысть егда молящеся, видѣніе лица Его ино;* и проч. Естьли смѣемъ мы по симъ чертамъ угадывать сердечную тайну Божественнаго Іисуса: кажется, на пути къ Ѳавору въ прямомъ и непосредственномъ намѣреніи Его было не преображеніе, но просто молитва: *взыде на гору помолитися.* Кажется, и на-

самой горѣ, въ самыя минуты преображенія, собственною цѣлію дѣйствія Его была только молитва: *бысть егда молящеся.* Размышляющему не покажется невѣроятною и та догадка, что предметомъ сея молитвы Спасителевой долженствовало быть приготовленіе Себя и учениковъ къ приближающемуся Своему страданію и крестной смерти, о чемъ Онъ не задолго предъ симъ открылся ученикамъ, (Лук. IX. 22.) и о чемъ въ самое время Преображенія бесѣдовали съ Нимъ Моисей и Илія. (31.) Какъ же среди молитвы о страданіи открылась слава?— Какъ самородный, такъ сказать, цвѣтъ и плодъ обильной живою силою молитвы. Духъ молитвы, сливаясь съ Духомъ Божіимъ, исполнилъ свѣтомъ душу Іисусову; преизбытокъ сего свѣта, не удерживаясь въ душѣ, пролился на тѣло, и просіялъ въ лицѣ; не вмѣщаясь и здѣсь, осіялъ и преобразилъ самую одежду; разширяясь еще далѣе, объялъ души Апостоловъ, и отразился въ восклицаніи Петровомъ.

добро есть намъ здѣ быти; прошелъ въ область внутренняго міра, и привлекъ оттолѣ Моисея и Илію; достигъ самыхъ нѣдръ Отца Небеснаго, и подвигнулъ любовь Его къ торжественнему свидѣтельству о возлюбленномъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* О чудо молитвы, единымъ дѣйствіемъ объемлющей небо и землю и самое Божество!— Да не скажетъ кто, что сей примѣръ молитвы до насъ не относится, какъ дѣло Богочеловѣка. Онъ относится и до насъ, Хрістіане; ибо въ насъ тоже, хотя не въ томъ же степени, должно совершаться, что и во Христѣ. *Сіе да мудрствуется въ васъ,* учитъ Апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ.* (Фил II. 5.)

Бремя наконецъ спросить: отъ чего же столь многія молитвы остаются безъ дѣйствія, естьли всякая молитва можетъ быть столь сильна и дѣйствительна. Ибо для сего наипаче вопроса сказано все, что доселѣ сказано. Отличимъ здѣсь одинъ случай, когда молитва кажется не ис-

полненною, между тѣмъ какъ она исполняется неожиданнымъ и высшимъ образомъ. Такъ Павелъ *трикраты молѝ Господа,* да отступитъ отъ него *пакостникъ плоти:* но Богъ ему отвѣтствовалъ: *довлѣетъ ти благодать Моя; сила бо Моя въ немощи совершается* (2. Кор. XII. 8. 9.) Не прекращено искушеніе: но еще болѣе дивная дарована побѣда надъ продолжающимся искушеніемъ. Естьли изключить подобные сему случаи: то всѣ безуспѣшныя молитвы объясняются краткимъ изреченіемъ Апостольскимъ: *желаете, и не имате, зане не просите; просите и не пріемлете, зане зле просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете.* (Іак. IV. 3. 4.) Наши молитвы безплодны или потому, что это не суть прошенія прилѣжныя и неотступныя, которыя бы исходили изъ глубины души, и въ которыхъ бы вся душа изливалась, но только желанія слабыя, которыя мы изрекаемъ безъ возбужденія духа, и думаемъ, что онѣ сами собою должны исполниться; или потому, что прошенія наши не

чисты и злы, что мы просимъ вреднаго, а не полезнаго для души нашей, или просимъ не во славу Божію, но для удовлетворенія нащихъ хотѣній плотскихъ и самолюбивыхъ.

Молись, Христіанинъ, молитвою крѣпкою, отъ всея силы души твоея, молитвою прилѣжною и неотступною, молитвою благою и чистою; а естьли сего не обрѣтаешь въ себѣ, молись о самой молитвѣ: и ты молитвою сперва пріобрѣтешь молитву истинную и дѣйствительную, потомъ сія все побѣдитъ съ тобою, и все тебѣ пріобрящетъ: возведетъ тебя на Ѳаворъ, или въ тебѣ откроетъ Ѳаворъ; низведетъ небо въ душу твою, и душу твою вознесетъ на Небо. Аминь.

Говорено въ Тверскомъ Каѳедральномъ Преображенскомъ Соборѣ, 1820 года.

БЕСѢДА

Въ среду недѣли двадесятыя, о молитвѣ Господней.

Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю? Лук. VI. 46.

Строшный гнѣвъ Господа открывается намъ, Слушатели, въ настоящемъ Евангеліи! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ или забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. *Что Мя зовете, Господи, Господи?*

И такъ неуже ли Бога оскорблять можно и молитвою? — Можно, естьли устная молитва не сопутствуется сердечною, и сердечная не сопровождается творительною молитвою. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?*

Пророкъ, изображая отверженіе Іуды предателя, во вдохновенномъ свыше

негодованіи вопіетъ : *молитва его да будетъ въ грѣхъ !* (Псал. CVIII. 7.) Но молитва Іуды — естьли онъ молился— по видимому, долженствовала быть самая святая : поелику онъ, подобно какъ и мы, у самаго Сына Божія учился призывать *Отца, иже есть на небесѣхъ.* И такъ не должно ли спрашиться и другимъ, чтобы священѣйшую и Божественную молитву Господню не употребить столь недостойнымъ и осудительнымъ образомъ ? —

Размыслимъ *о способѣ правильно и спасительно употреблять молитву Господню.*

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ ! взываемъ мы, послѣдуя Единородному.

Я говорю : послѣдуя Единородному. Ибо ктобы дерзнулъ произнести сіе призываніе ; когда бы *Единородный* не содѣлался *Первороднымъ во многихъ братіяхъ*, (Рим. VIII. 29.) облекшися въ плоть нашу ; и естьли бы мы взаимно не облеклися въ Него крещеніемъ ? Дщери Евы производятъ на свѣтъ только рабовъ и сыновъ гнѣва : одна Церковь раждаетъ чадъ свободы и

благодати. Рожденіе въ рабство совершается безъ нашей воли: рожденіе въ свободу долженствуетъ быть свободное. Гдѣ слабый останокъ первоначальной свободы воздвигается отъ земли, разторгаетъ узы плоти, стремится ко благу духовному: тамъ начинается рожденіе небесное, сыноположеніе Духа, пріемлемое вѣрою.

Часто мы произносимъ имя *Отца небеснаго:* но размышлялиль мы когда о нашемъ правѣ такъ именовать Его? Занимаясь земными мыслями, земными желаніями, земными дѣйствіями, охотно покорствуя суетѣ вмѣстѣ съ тварію, которая покорена ей неволею, безпечно продолжая быть такъ же *плотію*, какъ и *родилисъ отъ плоти*, (Іоан. III. 6.) какую часть имѣемъ мы въ *Отцѣ небесномъ;* и какъ можемъ поставлять себя въ санъ Его сыновъ, вмѣстѣ съ Единороднымъ, *иже есть сіяніе славы и образъ ипостаси Его?* (Евр. I. 3) Именуя *Отца небеснаго* не для того, чтобы благодарственно исповѣдать наше благодатное усыновленіе,

но только для того, чтобы ульстить (естьли бы то возможно было) Его милосердіе, уже ли мы думаемъ нашими воплями обезоружить *правду Бога испытающаго сердца и утробы?* Нѣтъ,— отвѣщаваетъ Онъ на дерзновенныя взыванія чадъ міра и плоти,— Я не Отецъ вашъ, доколѣ вы не ищитесь внутренно содѣлашься Моими чадами: вы *отца есте* того, коего *сожделѣнія хощете творити;* (Іоан. VIII. 44.) Мнѣ остается быть для васъ токмо Господемъ рабовъ и Судіею повинныхъ.

Дадимъ, Хрістіане, Богу нашему быть для насъ тѣмъ, чѣмъ Его именуемъ. Отпоргнемъ себя отъ земли; взыщемъ отечества небеснаго: тогда безъ грѣха наименуемъ Отцемъ нашимъ живущаго на небесѣхъ, и Онъ безъ гнѣва услышитъ наши прошенія.

Да святится имя Твое: вотъ первое прошеніе.

Божіе имя есть вещь священнѣйшая въ мірѣ. Имъ совершаются наши спасительныя таинства, имъ печатлѣется вѣрность нашихъ клятвъ и

обѣщаній; его полагаемъ мы въ основаніе начинаній нашихъ. Было время, когда оно, исходя изъ устъ рабовъ Божіихъ, владычественно потрясало природу, и низлагало ихъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Сія непостижимая сила есть собственно Божія: но ея дѣйствіе въ насъ зависитъ отъ нашей вѣры и благочестія. По сему заповѣдано намъ хранить имя Божіе съ благоговѣніемъ, и употреблять съ бережливостію: *да не пріимеши имене Господа Бога твоего всуе.* (Втор. V. 11.) По сему признавая себя недостойными хранителями сего небеснаго сокровища, мы молимъ Отца небеснаго, да, вѣчно святое въ самомъ себѣ, имя Его, святится и въ насъ: да съ благодатною силою произносимъ его устами; да съ вѣрностію изрекаемъ его дѣлами; да *свѣтъ нашъ просвѣтится предъ человѣки*, и они въ насъ и съ нами *прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ.* (Матѳ. V. 16.)

Но что, естьли языкъ молящагося, долженствующій освятить имя Бо-

жіе, или паче, освятиться имъ, еще не очищенъ отъ празднословія, злорѣчія, лжи, клеветы? Что, естьли желанія нашихъ сердецъ противоборствуютъ хотѣніямъ нашихъ устенъ? Естьли гласы молебныхъ пѣній и славословій нашихъ возмущаетъ нами же *возносимый* къ небу *вопль нищихъ*, (Іов. XXXIV. 28.) которымъ не благовѣствовали мы Бога, Отца сирыхъ; заглушаетъ *гласъ крове братій нашихъ*, (Быт. IV. 10.) въ которыхъ мы не прославили Бога, Судію обидящихъ? Какая въ томъ польза, что мы на языцѣ носимъ славу Божію; естьли языцы, взирая на нашу жизнь, въ удивленіи вопрошаютъ другъ друга: *гдѣ есть Богъ ихъ?*— (Псал. LXXVIII. 10.)

Сколько можешь, *удержи языкъ твой отъ зла, сотвори благо* (Псал. XXXIII. 14. 15.) всемъ сердцемъ твоимъ: тогда не вотще молишься будешь, да *святится имя Божіе.*

Да пріидетъ царствіе Твое: вотъ вторе прошеніе сыновъ царствія.

Царство Божіе— *царство всѣхъ вѣковъ:* (Псал. CXLIV. 13.) и еще прежде, нежели родились вѣки, Богъ былъ Царемъ Своей сокровенной вѣчности. Нынѣ во времени Онъ открываетъ владычество Творца и Промыслителя въ царствѣ природы, и въ царствѣ благодати любовь Отца и Спасителя: впрочемъ такъ, что мы *видимъ* Его здѣсь токмо *якоже зерцаломъ въ гаданіи.* (1 Кор. XIII. 12.) Наконецъ оба сіи царства, постепенно достигая предопредѣленнаго совершенія, преобразятся въ единое царствіе славы, въ которомъ Онъ явится сынамъ царствія *лицемъ къ лицу,* и будетъ возводить ихъ отъ славы въ славу. Грядущее такимъ образомъ отъ Бога къ человѣкамъ царствіе многихъ въ торжественномъ пришествіи своемъ обыдетъ, и оставитъ опустую: только избранные, и носящіе въ себѣ внутреннее сѣмя царствія призваны будутъ *наслѣдовать уготованное имъ царствіе отъ сложенія міра.* (Матѳ. XXV. 34.) И такъ моленіе наше о царствіи Бо-

жіемъ есть благоговѣйное желаніе, что бы Богъ совершилъ *чаянїе твари откровенїя сыновъ Божїихъ чающей*, (Рим. VIII. 19.) и насъ сподобилъ достойно срѣтить сіе вожделѣнное для всего міра событіе.

Искренно ли въ насъ такое желаніе? Мы желаемъ царствія Божія, и знаемъ, что сіе царство *нѣсть отъ мїра сего;* (Іоан. XVIII. 36.) но не многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ мечемъ начертать другимъ законъ страха и уничиженія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаетъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство, и собираетъ бездушныхъ подданныхъ въ своихъ сокровищницахъ. Мы желаемъ царствія Божія, и вѣримъ, что въ него вводятъ *узкая врата и тѣсный путь:* (Матѳ. VII. 14.) однако не часто ли, упреждая другъ

друга, поспѣшаемъ занять широкій путь и вступить во врата пространныя? Мы любимъ поставлять себя одесную другихъ, не представляя того, что, по самому естественному послѣдствію, идя такимъ образомъ на встрѣчу Господу, мы обрящемся ошуюю Его. Мы желаемъ царствія Божія, и слышали, что *нудится* (Матѳ. XI. 12.) оно: и такъ дѣлаемъ ли себѣ какое насильствіе для пріобрѣтенія его; и не для того ли только молимся о немъ, чтобы трудъ сего великаго дѣла сложить на единаго Бога?

Возревнуемъ о служеніи Богу, подобно какъ мы ревнуемъ о господствованіи въ мірѣ; изыдемъ во срѣтеніе царствію Божію путемъ креста и смиренія: тогда молитва о его пришествіи не будетъ лицемѣріемъ.

Третіе прошеніе: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Богъ нашъ на небеси и на земли творитъ вся, елика хощетъ: *воли бо Его кто противится можетъ?* (Рим. IX. 19.) И такъ, безъ сомнѣнія, не умно-

женія могущества желаемъ мы Всемогущему въ нашей молитвѣ. Тварь, одаренная волею, но которая видитъ все свое блаженство въ единой волѣ Творца своего, молитъ, да Его воля благая и совершенная покоритъ себѣ ея волю несовершенную и слабую, и будетъ въ ней *и еже хотѣти и еже дѣяти.* (Фил. II. 13.) Но что есть воля Божія *на земли, яко на небеси?*— Ангелы суть небо; человѣки суть земля: когда земнородные будутъ служить Богу съ любовію столь пламенною, съ ревностію столь неудержимою, какъ Ангелы; тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли.— Церковь вѣрующихъ есть небо на земли; омраченный и заблуждающій міръ есть точмо земля: когда и погибшія овцы познаютъ спасительный гласъ Пастыря, и сѣдящіи во тьмѣ и сѣни смертнѣй видятъ свѣтъ велій: тогда исполняется воля Отца свѣтовъ, яко на небеси, и на земли.— Духъ есть, нѣкоторымъ образомъ, небо въ человѣкѣ; плоть — земля: когда *внутренній человѣкъ соуслаж-*

дающійся закону Божію подчинитъ себѣ *законъ сущій во удѣхъ*, (Рим. VII. 22. 23.) а плоть останется тѣмъ, чѣмъ ей должно быть,— покорною рабынею: тогда исполнится воля Бога духовъ, яко на небеси, и на земли.

Много мы говоримъ о волѣ Божіей: но едва ли не болѣе помышляемъ о исполненіи своей воли. Мы желаемъ видѣть землю, по исполненію воли Божіей, подобною небу, или самымъ небомъ: но начинаемъ ли мы сіе великое превращеніе съ самихъ ссбя? Любовь Ангельская! ты выше насъ: я не осмѣлюсь искать тебя. Любовь Хрістіанская! Гдѣ ты обитаешь? Гдѣ ты дѣйствуешь, ревность благочестивая? Гдѣ почиваешь ты, кроткая преданность волѣ Божіей? Вмѣсто возвышенія отъ земли къ небу, отъ жизни Хрістіанской къ Ангельской, не болѣе ли примѣтно въ насъ низхожденіе отъ неба къ землѣ, униженіе духа предъ плотію, низпаденіе отъ благословеннаго царства благодати въ мятежное владычество разтлѣнной природы?

Возненавидимъ прежде злую волю собственную: и по томъ уже молиться будемъ о благой въ насъ волѣ Божіей.

Три прошенія молитвы Господней, о которыхъ я сказалъ, Слушатели, тѣмъ съ большею осмотрительностію и благоговѣніемъ должны быть приносимы нами Господу, что простираются отъ времени до вѣчности. Слѣдующія за оными четыре прошенія относятся болѣе до времени: но мы должны памятовать, что благоразумное или неблагоразумное попеченіе о временномъ пріобрѣтаетъ намъ благоволеніе, или воздвигаетъ на насъ гнѣвъ Вѣчнаго.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Симъ желаніемъ должны ограничиваться наши попеченія о благахъ міра. Жизнь есть благо по тому, что ею можно заслужить блаженную вѣчность: по тому только благо для насъ и то, что служитъ къ сохраненію жизни. Кто знаетъ, сколько долженъ онъ

сдѣлать для вѣчности: тотъ не много имѣетъ времени заботиться о жизни настоящей. Къ щастію благій Промыслитель совершенно слагаетъ съ насъ сей послѣдній трудъ, какъ скоро мы пріемлемъ на себя первый: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ.* (Матѳ. VI. 13.) И по сему вѣрные чада Божіи просятъ не у рабовъ, но у *Отца;* просятъ не суетныхъ украшеній и ничтожныхъ драгоцѣнностей, но *хлѣба;* хлѣба не вкуснаго, но *насущнаго;* не въ житницы на лѣта многа, но только *днесь* на трапезу. *Довлѣетъ*, говорятъ они, настоящему *дневи злоба его:* (Матѳ. VI. 34.) почто заранѣе стужать попечительному Отцу о такихъ нуждахъ, которыхъ, можетъ быть, заутра не будетъ болѣе? Но и при толь ограниченномъ требованіи, не столько помышляютъ они о хлѣбѣ насыщающемъ тѣло, какъ о томъ *насущномъ* хлѣбѣ, который питаетъ и укрѣпляетъ *существенную* часть человѣка: ибо *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но*

о всякомъ глаголѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ. (Матѳ. IV. 4.)

Всѣ ли мы умѣемъ хотя чувствовать спасительный гладъ слова Божія, естьли не обрѣтать для онаго сродную пищу? Не часто ли подавляется сей духовный гладъ алчностію плоти, которая требуетъ не насыщенія, но пресыщенія; не одежды, но убранства; не здравія для отправленія дѣлъ, но нѣги и бездѣйствія? Удовлетворивъ себѣ въ обыкновенныхъ временныхъ потребностяхъ, мы вымышляемъ для себя случаи непредвидимые и нужды въ будущихъ лѣтахъ, которыя никогда къ намъ не придутъ. Наконецъ, не довольствуясь оскорблять Бога столь излишними желаніями, мы еще оставляемъ Его, и обращаемся съ онымі къ сильнымъ земли, къ хитростямъ, къ неправдамъ, и такимъ образомъ присовокупляемъ къ дерзости невѣріе.

Будемъ умѣреннѣе въ нашихъ желаніяхъ, и благоразумнѣе въ выборѣ потребнаго для насъ: одна благоразум-

ная умѣренность умѣетъ просить хлѣба у *Хлѣба животнаго.* (Іоан. VI. 35.)

И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Сколь многочисленны долги наши Богу! Есть долгъ наслѣдственный. Нашъ первый Праотецъ купилъ запрещенный плодъ цѣною жизни своея и своего потомства: мы родимся должниками. Есть долги собственные. Богъ невидимо намъ раздаетъ многоцѣнные *таланты,* внутренніе и внѣшніе, *кому-ждо противу силы его:* (Матѳ. XXV. 15.) употребленіе ихъ во благо и во славу Его есть лихва, имъ требуемая: каждое беззаконное дѣйствіе, каждое порочное желаніе, каждый лукавый помыслъ изчитаются Всевѣденіемъ, и составляютъ ужасное множество долговъ нашихъ. Они неоплатимы. Но какой легкій договоръ намъ о нихъ предлагается! *Аще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ; отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный.* (Матѳ. VI. 14.) Для сего—по священнаго договора мы приводимъ предъ Него съ собою на-

шихъ должниковъ; указуемъ Его милосердію на наше милосердіе: и естьли бы такимъ образомъ всѣ до единаго старались изглаждать предъ очами Божіими зло содѣланное человѣками; то рукописанія грѣховъ нашихъ постепенно бы оскудѣвали, доколѣ наконецъ взаимныя прощенія всѣхъ и каждаго составили бы единое всеобщее оправданіе, къ неизреченной славѣ Помилователя, къ несказанному блаженству помилованныхъ.

Не такъ же ли удобно, скажутъ, милосердію безконечному и безъ условія проспить погрѣшности и заблужденія слабыхъ смертныхъ, сколько бы ни были онѣ многочисленны? — Но не удобнѣе ли тебѣ простить несравненно меньшія оскорбленія твоего ближняго? То истинно, что милосердіе Божіе безконечно: по тому — то и хощетъ оно, чтобы не ты одинъ, но и всѣ получили прощеніе; и, подая его тебѣ, какъ бы проситъ его у тебя твоимъ братіямъ. О человѣкъ, который живешь и дышешь единою ми-

лостію Господа! Естьли ты отвергаешь Его у тебя ходатайство за ближнихъ твоихъ; какъ можетъ Онъ пріять за тебя ходатайство Сына Своего? Тогда въ прошеніи *оставленія долговъ нашихъ, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, уже заключается и осудительный на насъ приговоръ: *судъ безъ милости не сотворшему милости.* (Іак. II. 13.)

Не забудемъ, Христіане, миловать прежде, нежели будемъ просить помилованія. *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.* (Матѳ. V. 7.)

И не введи насъ во искушеніе.

Безполезно былобъ и прощеніе грѣховъ, естьли бы мы всегда возвращались къ нимъ съ прежнею слабостію. Но какъ трудно не пасть когда—либо среди непрестанной брани противу плоти, міра и духа злобы! Левъ рыкаетъ; лисы коварствуютъ. Естьли мы противопоставляемъ лукавству прозорливость; то крѣпость измѣняетъ намъ: естьли ярости силу; то коварство насъ обманываетъ. Нѣтъ для

насъ иной надежды, развѣ когда единый Побѣдитель всѣхъ враговъ нашихъ, не попуститъ на насъ болѣе нападеній, нежели мы можемъ выдержать, или даруетъ намъ столько искуства и силъ, сколько нужно для совершенной побѣды.

И мы молимся, Слушатели, о сохраненіи насъ отъ искушеній: но не приближаемся ли къ нимъ сами, прежде нежели онѣ постигаютъ насъ? Молимся, да не поработитъ насъ плоть: но не сами ли слишкомъ заботливо питаемъ и грѣемъ врага сего, и служимъ ему какъ другу и владыкѣ? Молимся, да не очаруетъ насъ міръ: но не мы ли отверзаемъ ухо къ его злотворнымъ обаяніямъ? Молимся, да не соблазнитъ насъ око: но не мы ли его пригвождаемъ къ земнымъ прелестямъ? Прощивъ кого въ такомъ случаѣ обращается наша молитва, естьли не прощивъ насъ самихъ? *Кійждо искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ.* (Іак. I. 14.)

Отъ насъ зависитъ нейти на встрѣчу искушеніямъ: молитвою отвращать должно тѣ, которыя противъ воли нашей съ нами срѣтаются.

Но избави насъ отъ лукаваго.

Есть наконецъ нѣкоторый родъ зла въ поврежденной природѣ, которое находится не столько во внутреннемъ существѣ вещей, сколько во мнѣніи, въ дѣйствіи токмо наружномъ и преходящемъ ощущеніи. Оно не всегда есть бичь карающаго Правосудія; но часто поражающій жезлъ любви; горькое врачевство, и, такъ сказать, благо несозрѣвшее. Убожество, болѣзнь, печаль, униженіе, гоненіе, суть зло развѣ тогда, когда мы виновны въ нихъ: но немощная природа содрогается при одномъ видѣ страданія. И сколь велико снисхожденіе Отца небеснаго, который позволяетъ намъ просить Его, да успокоитъ насъ и отъ сихъ призраковъ зла; да ускоритъ разсѣять и сіи легкія тѣни пробѣгающія по юдоли жизни!

Но тѣмъ дерзновеннѣе и неблагодарнѣе мы, когда употребляемъ во зло толикое снисхожденіе. Сколь многіе вопіютъ къ Богу на нещастія, которыя суть дѣло ихъ собственныхъ рукъ! Тотъ, который неумѣренностію сокрушилъ крѣпость свою, приходитъ жаловаться на свои немощи; тотъ призываетъ судъ Божій на оскорбляющихъ его, кто самъ осуждается предъ ними своею совѣстію; тотъ окаяваетъ свою нищету, кто привлекъ ее расточительностію. Просить ли таковымъ избавленія отъ лукаваго, или лучше благодарить Промыслъ за предстоящее обличеніе и внушаемое исправленіе лукаваго сердца?

Будемъ, Слушатели, съ радостію сносить наказаніе, когда мы виновны; когда невинны, безъ нетерпѣливости молиться о избавленіи отъ бѣдствія. *Вѣстъ Отецъ вашъ небесный, ихже требуемъ.* (Матѳ. VI. 32.)

Воистинну, Отче Всевѣдущій! Ты не дашь чадамъ Твоимъ *камня* вмѣсто *хлѣба*, и *зміи* вмѣсто *рыбы*. (Матѳ.

VII. 9. 10.) Но мы и *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* (Рим. VIII. 26.) Скоро находимъ мы недостатки нашей молитвы: но безъ Тебя не достигнемъ въ ней совершенства. *Исправи* ее Самъ, *яко кадило предъ Тобою,* да не едины уста, но и мысль, и сердце, и желанія, и дѣянія, и духъ, и плоть, и *вся кости наша рекутъ: Господи Господи!* (Псал. XXXIV. 10.) *Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки.* Аминь.

Говорено въ Троицкой домовой Церкви, Октября 23 дня, 1812 года.

БЕСѢДА

Въ недѣлю двадесять четвертую.

И рече Іисусъ: кто есть коснувыйся Мнѣ? Лук. VIII. 45.

Евангеліе повѣствуетъ, что нѣкогда Іисусъ Христосъ, идя посреди множества народа, получилъ нѣкое *прикосновеніе*, которое заставило Его спросить, кто прикоснулся къ Нему? И когда шедшіе съ Нимъ ученики отвѣтствовали, что сіе прикосновеніе могло быть нечаянное, происходящее отъ тѣсноты, и потому не требующее дальняго изслѣдованія: тогда Онъ присовокупилъ, что то было не простое и обыкновенное прикосновеніе, но такое, при которомъ Онъ ощутилъ силу изъ Него изшедшую: *прикоснуся Мнѣ нѣкто: азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене.*

Когда при семъ повѣствованіи представляемъ себѣ, что сіе изысканіе дѣлаетъ Іисусъ Христосъ, Божія

сила и Божія премудрость : отъ удивленія приходитъ желаніе взаимно вопросить Его : не ужели Ты , Господи , сый Божія Премудрость , не вѣдаешь , кто прикоснулся къ Тебѣ? И еще: не уже ли Ты, сый Божія сила, такъ преданъ во власть человѣковъ , что могутъ они почерпать, и, такъ сказать похищать изъ Тебя сію Божественную силу безъ Твоего свѣденія и соизволенія ? —

Первый изъ сихъ вопросовъ разрѣшить поможетъ намъ Апостолъ Павелъ, который говоритъ, что *Христосъ Іисусъ , иже во образъ Божій сый не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу,* для котораго, то есть, быть и почитаться равнымъ Богу не было похищеніе чуждаго достоинства , поелику Онъ есть существенный образъ Божій, что сей Христосъ Іисусъ *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ , въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся , яко же человѣкъ ;* (Филіп. II. 6. 7.) то есть, столько же истинно и совершенно воспріялъ на Себя малый и рабскій

образъ человѣка, сколько непреложно и неизмѣнно былъ и есть въ Немъ великій и славный образъ Господа и Бога. Въ семъ *умаленіи* своемъ, или по точнѣйшему преложенію Павлова изреченія, *въ истощаніи* своемъ, Іисусъ Христосъ, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, *искушенъ былъ по всячески, по подобію* человѣческихъ недостатковъ и немощей, *развѣ грѣха,* (Евр. IV. 15.) который собственно не принадлежитъ къ образу человѣка, но къ образу діавола. И такъ естьли воплотившійся Сынъ Божій истощилъ всего Себя, и упразднилъ отъ всякаго Божественнаго величія: то конечно истощилъ Онъ Себя нѣкоторымъ образомъ и въ Божественномъ Своемъ всевѣденіи. Естьли Онъ искушенъ былъ по всяческимъ по подобію человѣковъ: то не удивительно, что благоволилъ искуситися и тѣмъ, что принялъ на Себя подобіе человѣческаго невѣденія, въ которомъ сокрывалъ свѣтъ Божественной Премудрости, какъ огнь въ кремнѣ, или какъ драгоцѣнный ка-

мень въ просомъ, и сквозь которое свѣтъ сей просіявалъ токмо, когда было нужно, для озаренія человѣковъ. Изъ сего можно уразумѣть, что не было не пристойно Божественному Іисусу вопрошать окружающихъ Его: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* Хотя же само Божество Его видѣло, знало, и сокровеннымъ образомъ возвѣщало Его человѣчеству, *кто есть коснувыйся:* но Ему благоугодно было наружно предложить сей вопросъ для того, чтобы обратить общее вниманіе на необыкновенное прикосновеніе, и дивное слѣдствіе сего прикосновенія.

По сему можно сказать, что Самъ Іисусъ Христосъ обратно предлагаетъ нашему вниманію и размышленію вторый сдѣланный нами вопросъ: подлинно ли тотъ, который есть Божія сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что единымъ нѣкакимъ прикосновеніемъ они могутъ извлекать изъ Него для себя сію Божественную силу? — Потщимся же, колико можемъ, изслѣдовать и сей вопросъ, уже не столько

слѣдуя собственному желанію знать, сколько соотвѣтствуя намѣренію самаго Спасителя, желающаго наставить насъ, и привести въ благодатное къ Нему приближеніе.

Прежде всего въ настоящемъ изслѣдованіи должны мы утвердить для себя, какое только возможно, истинное и вѣрное понятіе о той непостижимой силѣ, которою Іисусъ Христосъ исполненъ такъ, что при одномъ прикосновеніи, да и то не къ самому Его тѣлу, а только къ краю одежды, оная уже проливается, и производитъ чудесное дѣйствіе. Таковое понятіе даетъ намъ Апостолъ, когда говоритъ о Іисусѣ Христѣ, что въ Немъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесне*. (Кол. II. 9.) Вникнемъ тщательнѣе въ сіе краткое, но весьма знаменательное изображеніе Богочеловѣка. Божество представляетъ Апостолъ исполненіемъ, или полнотою всякаго совершенства, блага и блаженства. Но поелику Божество безконечно: то никакое конечное существо не можетъ принять

и вмѣстить сего исполненія. Поелику Божество и все Его исполненіе духовно: то никакая бренная тварь естественно не можетъ причаститься отъ сего исполненія. Поелику Божество свято и праведно: то какъ можетъ особенно человѣкъ грѣшникъ приступить къ Его исполненію безъ того, чтобы не быть пожерту всепоядающимъ огнемъ строгаго суда Божія? Что же творитъ *не хотяй смерти грѣшника?* Онъ *благоизволилъ*, говоритъ Апостолъ, *всему* Божественному *исполненію* Своему *вселитися* во Христѣ Богочеловѣкѣ, *и тѣмъ примирити всяческая къ Себѣ, умиротворивъ кровію креста Его чрезъ Него, аще земная, аще ли небесная.* (Кол. I. 19. 20.) Такимъ образомъ безконечность Божія вселяется во Христа, и дѣлается прикосновенною для конечныхъ существъ; высочайшая духовность Божія вселяется во Христа, и не только сближается съ низшею духовностію души человѣческой, но проникаетъ, сбѣмлетъ и наполняетъ Божественными силами самую

тѣлесность Его человѣчества, — *живетъ въ Немъ тѣлесно;* оный *Свѣтъ неприступный,* оный *огнь поядающій,* какимъ представляетъ намъ нѣгдѣ Бога самое слово Его, (1 Тим. VI. 16. Евр. XII. 29.) вселяется во Христа, и, умѣряемый Божественнымъ Его человѣчествомъ, является въ Немъ отверзтымъ источникомъ свѣта и воды живыя для омраченнаго и умерщвленнаго грѣхомъ естества. Человѣчество Іисуса Христа есть полный сосудъ Божественныхъ даровъ, которые при единомъ прикосновеніи преливаются изъ него; есть устіе Божественнаго источника, въ которомъ вся внутренняя и сокровенная полнота животворящей силы Божіей становится приступною и удобопріемлемою; есть оный, Пророкомъ Исаіею въ таинственномъ откровеніи видѣнный, *горящій уголь,* (Иса, VI. 6.) который, чрезъ одно прикосновеніе къ устамъ Пророка, все существо его проникнулъ своею огненною силою, и очистилъ, и освятилъ его,—подобно какъ и есте-

ственный разженный уголь простираетъ силу заключающагося въ немъ огня далѣе предѣловъ древеснаго вещества своего. Приложимъ сіи понятія къ описаннымъ въ Евангеліи дѣйствіямъ Іисуса Христа: и мы точно найдемъ въ сихъ дѣйствіяхъ возвѣщаемое Апостоломъ исполненіе Божественныхъ силъ, наполняющихъ самую тѣлесность Богочеловѣка, и на все отъ нея преизливающихся. Онъ пріемлетъ въ руки хлѣбы: и Его неоскудѣвающее исполненіе творитъ пять хлѣбовъ достаточными для пяти тысящь народа. Онъ беретъ бреніе: и Его вседѣйствующее исполненіе сообщаетъ сему бренію силу отверзти очи слѣпому. Онъ прикасается мертвому: и Его животворящее исполненіе возбуждаетъ жизнь угасшую. Онъ получаетъ отъ жены кровоточивой прикосновеніе только въ краю ризы Его: и Его безпредѣльное исполненіе достигаетъ ея чудотворною своею силою, *и абіе ста токъ крове ея*, — она исцѣлѣла.

Видите изъ сего, Христіане, что Богъ во Христѣ не держитъ, такъ сказать, заключенною, а *отверзаетъ щедрую руку Свою,* для всякаго требующаго; что всякое исполненіе благодати Божіей чрезъ Христа непрестанно готово наполнить всякій недостатокъ, исцѣлить всякую немощь, очистить всякій грѣхъ человѣковъ.

Впрочемъ Евангельская Исторія показываетъ, что не всѣ наружно приближавшіеся ко Христу принимали отъ Его исполненія. Она представляетъ намъ въ одно время множество народа, Его сопровождающее, окружающее, стѣсняющее; и одну только жену, Ему прикасающуюся такъ, что сіе прикосновеніе ощутилъ Онъ не тѣломъ, а Божественною Своею силою. *Наставниче,* говоритъ Петръ и сущіе съ нимъ, *народи одержатъ Тя и гнетутъ.* Іисусъ отвѣтствуетъ: *прикоснуся мнѣ нѣкто.*— Должна быть нѣкая тайна въ семъ прикосновеніи.—

Для сей-то тайны, Христіане, Господь и предложилъ вопросъ свой: *кто*

есть коснувыйся Мнѣ? Онъ благоволилъ, что бы всѣ мы знали тайну сію, и умѣли бы прикасаться къ Нему для нашего спасенія. Проспремъ вниманіе наше до конца сего Евангельскаго приключенія; и не отринемъ наставленія, которое самъ небесный Учитель подаетъ всѣмъ намъ въ лицѣ жены кровоточивой. Сія жена прикоснулась ко Христу тайно, стыдясь всенародно изъяснять Ему свою болѣзнь: но когда двукратный вопросъ Его: *кто есть коснувыйся?* показалъ ей, что поступокъ ея утаенъ быть не можетъ; тогда она, хотя не безъ смущенія, открыла и намѣреніе и слѣдствіе своего прикосновенія. *Трепещущи пріиде, и падши предъ Нимъ, ея же ради вины прикоснуся Ему, повѣда Ему предъ всѣми людми, и яко исцѣлѣ абіе.* Тогда Господь, поучая ее не стыдиться прежняго недуга, но утѣшаться полученнымъ исцѣленіемъ, въ тоже время открываетъ въ наставленіе всѣмъ тайну ея чудодѣйственнаго прикосновенія: *дерзай тщи, вѣра твоя спасе тя.* Вѣра, Христіане,

есть соотвѣтственное орудіе спасительнаго ко Христу прикосновенія; ею прикасающійся и къ ризамъ Его достигаетъ даже до внутренности Его Божественнаго исполненія; она есть духовный магнитъ, привлекающій небесныя силы.

Тайна сія извѣстна, говорятъ, можетъ быть, нѣкоторые, слыша сіе. О естьли бы такъ было, Христіане! О естьли бы намъ извѣстна была вѣра, какую имѣютъ истинные послѣдователи Христовы! О естьли бы намъ извѣстна была оная, истинно *вселенская*, вѣра, которая въ Авелѣ множайшую жертву принесла паче Каина; которая въ Ноѣ угодила Богу, и спасла родъ человѣческій отъ конечнаго истребленія потопомъ; которая въ Авраамѣ принесла въ жертву Богу единороднаго сына, и, сквозь отдаленіе многихъ вѣковъ, видѣла день Христовъ; которая въ Моисеѣ жезломъ пресѣкла море, и чрезъ бездну провела народъ Божій; которая отверзала очи Пророковъ, и дѣлала ихъ современниками потомственныхъ со-

бытій ; которая въ ученикахъ и свидѣтеляхъ Іисуса Христа оставила все, чтобъ идти въ слѣдъ Его , и потомъ Его силою исцѣляла всякій недугъ и всякую язву , съ Нимъ ходила по водамъ, не умерла въ ужасные дни смерти Его , пріяла обѣтованіе Святаго Духа по вознесеніи Его , повелѣвала именемъ Его всей природѣ , побѣдила своимъ терпѣніемъ цѣлый міръ ея гонителей!— Что я говорю?— Естьли бы намъ дѣятельно извѣстна была вѣра хотя столь малая, какъ зерно горчичное : что бы мы тогда были ? — Мы могли бы преставлять горы. *Аще имате вѣру , яко зерно горушно , рцете горѣ сей, прейди отсюду тамо , и прейдетъ, и ничто же не возможно будетъ вамъ.* (Матѳ. XVII. 20.) Естьли же въ той вѣрѣ, которую нѣкоторые изъ насъ толь тщеславно себѣ приписываютъ , не находимъ мы не только возможности дѣйствовать чудесными и Божественными силами , но ниже довольной помощи , для возстановленія разсыпанныхъ и подавленныхъ силъ

собственной нашей духовной природы; если сія мнимая вѣра не исцѣляетъ насъ ни отъ духовной слѣпоты ума, ни отъ текущаго непостоянства сердечныхъ вожделѣній, ни отъ двоедушнаго хроманія въ путяхъ закона и правды, и не спасаетъ отъ мертвыхъ дѣлъ: то не должно ли признаться намъ, вѣрные, что истинная вѣра, которую небесный Учитель называетъ *вѣрою Божіею*, и для насъ есть еще тайна, которой предлежитъ намъ поучаться, дабы она открылась въ насъ? И поелику сія тайна, хотя и въ насъ самихъ сокрывается, но никѣмъ не можетъ быть открыта развѣ Начальникомъ и совершителемъ вѣры Іисусомъ: то не должно ли намъ не престанно взывать къ Нему съ первыми Его учениками: Господи, *приложи намъ вѣру?* (Лук. XVII. 5.)

Или, можетъ быть, вѣра наша не достигаетъ сообщенія съ явленною во Христѣ силою Божіею, потому болѣе, что уже Онъ оставилъ землю, и вознесся на небо? — Если какая душа,

жаждущая Господа, возмущается сею мыслію: то да воспомянетъ она послѣднее обѣщаніе Іисуса Христа, данное Апостоламъ предъ отшествіемъ Его на небо: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.* (Матѳ. XXVIII. 20.) Апостолы не пребыли на земли *до скончанія вѣка:* кто же не видитъ, что данное имъ обѣтованіе простирается и на тѣхъ, которые по нихъ преемственно вступаютъ въ тѣже права вѣры, и составляютъ единую Церковь *до скончанія вѣка?* Живущее во Христѣ исполненіе Божества не заключается небомъ; и вознесеніе плоти Его не отъемлетъ у насъ Его Духа и силы. Дерзнемъ сказать болѣе: оно не столько раздѣляетъ, сколько еще болѣе соединяетъ Его съ своею Церковію. Ибо для чего *возшелъ* Онъ *превыше всѣхъ небесъ?* — Для того, учитъ Апостолъ, *да исполнитъ всяческая.* (Еф. IV. 10.) И потому исполненіе Божества живетъ нынѣ уже не въ единомъ личномъ тѣлесѣ Его, но и во всемъ таинственномъ тѣлѣ Церкви,

яже есть вся—единое *тѣло Его, исполненїя исполняющаго всяческая во всѣхъ.* (Еф. I. 23.)

О коль близъ есть насъ Христосъ повсюду, и наипаче въ Церкви своей! Только твари, окружая насъ отвсюду, и, подобно какъ въ ономъ приключеніи Евангельскомъ, тѣсняя между Имъ и нами, не допускаютъ насъ прикоснуться къ Нему. Но дерзай ищущая своего спасенія душа! Не уступай сей смятенной толпѣ, которая сама не знаетъ, куда влечетъ тебя. Употребляй всѣ усилія проложить себѣ прямый путь къ вожделѣнному твоему Спасителю; простирай къ Нему то крѣпкіе вопли покаянія, то тихія воздыханія молитвы, то пламенныя желанія любви. Подвизайся, елико можешь, досягнуть хотя края Его ризъ: Онъ не умедлитъ и въ нихъ открыть для тебя токъ живоносной силы Своей. Приближайся къ Нему преимущественно въ семъ домѣ молитвы и таинствъ, гдѣ хотя Онъ также закрываетъ Свое присутствіе нѣкоторыми наружными видами, но вмѣстѣ и являетъ оное торжест-

веннѣйшимъ образомъ. Здѣсь ежедневно слышатся глаголы Его, которые хотя для чувственныхъ человѣковъ суть чувственные звуки и письмена мертвыя, но для вѣрующихъ *духъ суть и животъ суть.* (Іоан. VI. 63.) Здѣсь пайнодѣйствуется тѣло Его, коего святое пріобщеніе не токмо приближаетъ къ Нему вѣрующихъ, но и совершенно съ Нимъ соединяетъ, по слову Его: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.* (Іоан. VI. 56.) Погружайся вѣрующая душа, всею мыслію и сердцемъ во глубину сихъ таинствъ вѣры; и въ ихъ наипаче обрѣтай твоего Спасителя, приступай къ Нему, прикасайся Ему, соединяйся съ Нимъ. *Дерзай, вѣра твоя спасетъ тя.* Аминь.

Говорена въ Александро — Невской Лаврѣ, 1814 года.

СЛОВО

Въ день Введенїя во Храмъ Пресвятыя Богородицы.

Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люды твоя и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь доброты твоея: зане той есть Господь твой. И поклонишися Ему. Псал. XLIV. II. 12.

Дивный въ судьбахъ своихъ Богъ, дабы облаженствовать сущія отъ Него бытія высочайшимъ и непостижимымъ блаженствомъ, отъ вѣка положилъ, соединить естество Свое съ естествомъ человѣческимъ, въ лицѣ единороднаго Сына Своего: дабы чрезъ Него простирая сіе соединеніе и на все исполненіе Церкви, которая, по закону вочеловѣченія, *есть тѣло Его*, и такимъ образомъ сраствореня и какбы взаимно изравнивая *всяческая* Божества съ ничтожествомъ *всяческихъ*, *въ смотреніе исполненія временъ*, какъ говоритъ Апо-

столѣ, *возглавити всяческая о Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли въ Немъ. да будетъ* — наконецъ — *Богъ всяческая во всѣхъ.* (Ефес. I. 10. 1 Кор. XV. 28.) Сіе великое опредѣленіе вѣчнаго совѣта, или, по Апостолу, (Кол. I. 26.) сію *тайну*, хотя *сокровенную отъ вѣкъ и родовъ*, хотя и нынѣ *явленную* токмо святымъ, и, даже въ самомъ откровеніи своемъ, еще носящую на себѣ *седмь печатей*, издревле впрочемъ открывалъ Духъ святый своимъ таинникамъ, а чрезъ нихъ и всему человѣчеству по толику, по колику ея постепенно возрастающее разумѣваніе долженствовало соотвѣтствовать и споспѣшествовать ея постепенному исполненію. Такъ одинъ изъ Пророковъ, видѣвъ человѣчество уже прошедшее дни младенчества, и подъ пѣстунствомъ закона возраставшее въ то исполненіе лѣтъ, когда оно долженствовало содѣлаться способнымъ къ предуставленному обрученію своему съ Божествомъ и рожденію безлѣтнаго чада, представляетъ Сына Божія Царемъ

грядущимъ на бракъ; и, воспріявъ на себя лице невѣстоводителя или друга женихова, какбы съ нетерпѣніемъ убѣждаетъ человѣческую природу, не отдаляться болѣе сего блаженнаго союза измѣною и непокорностію, но предаться ему со всею искренностію и вѣрностію. *Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь доброты твоея.*

Долго еще сей Божественный гласъ отзывался въ Церкви, какъ въ пустынѣ; и, по видимому, не находилъ для себя отверзшаго уха. Человѣчество не имѣло дерзновенія торжественно изыти во срѣтеніе Божеству.— Что было бы съ нами, естьли бы не сердце благословенныя Дѣвы Маріи отверзлось невмѣстимому глаголу воплощенія? Естьли бы не безпредѣльная преданность ея въ волю Божію отвѣщала небесному Вѣстнику: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу Твоему?* — Она не ограниченно вручила себя желанію Царя царей: и сбрученіе Божества съ чело-

вѣчествомъ на вѣки совершилось.

Отселѣ можемъ мы усматривать, Христіане, какимъ образомъ толь частное, по видимому произшествіе, — введеніе во Храмъ и посвященіе Богу прилѣтныя Дѣвы, — становится предметомъ всеобщаго торжества въ Церкви. Сіе приключеніе младенчествующія Богоневѣсты есть нѣкій начатокъ Ея обрученія святому Духу, и потому, нѣкоторымъ образомъ, первый залогъ обрученія всего человѣчества Божеству. Правда, сія тайна еще глубоко долженствовала быть въ ней сокрыта въ сіе время, подобно какъ цвѣтъ въ своемъ сѣмени: но провидѣніе, дабы показать непогрѣшительность путей своихъ, не рѣдко предваряетъ существенныя свои дѣйствія нѣкоторыми знаменательными событіями, вразумляющими о будущемъ: и благочестивое преданіе говоритъ, что, при самомъ введеніи Пресвятыя Дѣвы во Храмъ, она была уже оглашаема оными Пророческими словами: *Слыши дщи и виждь* и проч.

Нынѣ, во дни совершенія древнихъ начатковъ и предзнаменованій, желаете ли вы яснѣе видѣть славу настоящаго торжества?— Послѣдуйте указанію Пророка. *Приведутся*, говоритъ онъ далѣе, *приведутся Царю дѣвы во слѣдъ Ея.* Не видите ли теперь, что приведеніе Пресвятыя Дѣвы къ Царю царей есть начало великаго торжественнаго шествія, въ которомъ всѣ чистыя, цѣломудренныя души за Нею послѣдуютъ? что настоящее торжество, по намѣренію Церкви, есть часть и продолженіе онаго великаго шествія? что желающіе участвовать въ настоящемъ торжествѣ должны присоединиться къ оному торжественному шествію, облекшись въ качества сообразныя образу великія Ликоначальницы онаго: *Дѣвы во слѣдъ Ея?*

Дабы не закоснѣть намъ, Христіане въ священномъ шествіи семъ, и не остаться токмо праздными зрителями чуждаго праздника, обратимъ мы къ душѣ нашей оное Пророческое воззваніе: *Слыши дщи и виждь и приклони*

ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь доброты твоея: зане той есть Господь твой. И поклонишися Ему.

И во первыхъ признай здѣсь, Хрістіанская душа, вѣчное право, по которому ты принадлежишъ Царю царей, да приведешися къ Нему повиновеніемъ и любовію. *Возжелаетъ Царь доброты твоея: зане той есть Господь твой.*

Въ царствіи человѣческомъ показалось бы страннымъ, естьли бы кто въ самомъ домѣ и въ присутствіи Царя своего вошелъ въ изслѣдованіе о его правахъ надъ подданными: не естьли нѣкоторая дерзость и въ семъ домѣ, и въ семъ хотя невидимомъ, но пѣмъ не менѣе близкомъ и неотступномъ присутствіи, Царя царей, разсуждать о вѣчномъ правѣ господства Его надъ нами? Но что дѣлать съ человѣками, которые благоговѣютъ предъ величествомъ человѣческимъ, а *отмѣтаются господства, и не трепещутъ славы* (Іуд. 8.) Божіей? Сколь многія надменныя помышленія, сколь многія

своевольныя желанія, столь многія дѣла въ забвеніи Бога совершаемыя, не говорятъ ли громче, нежели оныя обличаемыя Давидомъ (Псал. XI. 4. 5.) *устны лестивыя и языкъ велерѣчивый: кто намъ Господь есть?* О естьли бы могли мы хотя нѣсколько утишить сей возмутительный вопль исповѣданіемъ и ощущеніемъ Божія надъ нами господства!

Богъ есть Господь нашъ по праву сотворенія, Господь по праву Своего въ насъ образа, Господь по праву искупленія, Господь по праву непрестаннаго храненія и промышленія благодатнаго.

Богъ есть Господь нашъ по праву сотворенія. — Естьли мы почитаемъ собственностію домъ, который созидаемъ, или садъ, который насаждаемъ: то не безъ сравненія ли большее право имѣетъ Богъ, какъ собственностію Его, располагать всемъ, что мы имѣемъ, и что есмы? Естьли бы дѣла рукъ нашихъ могли состязаться съ нами о нашей власти надъ ними, подобно какъ нѣкоторые изъ насъ хо-

тятъ состязаться съ Богомъ о предѣлахъ Его надъ нами владычества: то и домъ нашъ могъ бы сказать, что не мы произвели древо и каменіе, въ которомъ обитаемъ, и садъ нашъ, что не мы возрастили плоды, которые собираемъ. Но *ты что имаши*, о человѣче, *его же нѣси пріялъ* (1 Кор. IV. 7.) отъ Бога? Откажись хотя на минуту отъ даровъ Того, котораго владычество надъ тобою желалъ бы ты ограничить: возврати то, что пріялъ: что же осталось? — Ничтожество и—что еще хуже ничтожества— грѣхъ, разоряющій созданія Божіи!

Богъ есть Господь нашъ по праву Своего въ насъ образа.— Какъ мы полагаемъ свою печать или на такія вещи, которыя утверждаемъ въ нашу собственность, или на такія, которыя желаемъ сокрыть отъ другихъ: такъ Богъ запечатлѣлъ человѣка Своимъ образомъ, какъ свою собственность, которую бы никакое существо не дерзало себѣ присвоять, и какъ рукописаніе, котораго бы никто не отверзалъ

кромѣ единороднаго Сына Божія. Хотя же человѣкъ сокрушилъ сію священную печать, обнажилъ сокрытую въ себѣ тайну познанія добра и зла, и Божественную собственность продалъ подъ грѣхъ: но еще сохраняются и нынѣ въ естествѣ человѣческомъ нѣкія, такъ сказать, сотренія Божественной печати, нѣкіе останки образа Божія; и сохраняются для того, что бы по симъ знаменіямъ человѣкъ вновь усвоенъ былъ Богу, и запечатлѣнъ для него. Въ человѣкѣ непорочномъ образъ Божій былъ источникомъ блаженства: въ человѣкѣ падшемъ онъ есть надежда блаженства. Онъ есть самое основаніе человѣческаго естества, которое хотя нынѣ засыпано прахомъ и сокрыто въ землѣ, но которымъ однако держится все зданіе. Дабы лучше уразумѣть отношеніе наше къ Богу посредствомъ Его въ насъ образа, представимъ себѣ образъ тѣла, помощію окружающаго свѣта начертаваемый тѣнію его на землѣ. Что была бы сія тѣнь безъ тѣла и свѣта?— Сіе

что есть перстный человѣкъ безъ силы и свѣта Божія!

Богъ есть Господь нашъ по праву искупленія. — Случается, что мы, желая удержать за собою любимую собственность, на которую право у насъ оспориваютъ, соглашаемся вновь пріобрѣсти ее куплею, и жертвуемъ другою собственностію несправедливымъ притязаніямъ, дабы обезпечить себѣ обладаніе цѣмъ, что любимъ. Такъ безконечная любовь Божія дивнымъ образомъ усугубляетъ вѣчное право свое надъ нами, въ безпримѣрномъ дѣлѣ нашего искупленія. Человѣкъ не восхотѣлъ принадлежать Богу; похитилъ себя у Бога; отвергся господства Божія; возмечталъ самъ для себя быть господомъ и Богомъ. Обиченъ святотатцемъ и крамольникъ нелицепріятнымъ правосудіемъ, осужденъ и преданъ вѣчной смерти. Но любовь не хощетъ потерять— человѣка. Она предпріемлетъ отъять его у ада, и вновь усвоить его себѣ паче прежняго. *Искупляетъ* преступника *отъ клятвы зако-*

ныя: и какъ?— содѣлавшись сама *клятвою*, (Галат. III. 13.) стяжаетъ возвратно проданнаго подъ грѣхъ: и какою цѣною стяжаетъ?— *Не истлѣннымъ сребромъ или златомъ, но честною кровїю, яко Агнца, непорочна и пречиста Христа.* (1 Петр. I. 18. 19.) О непостижимое господство любви, которая, дабы преобладать нами, предаетъ намъ саму себя; и пріобрѣтаетъ насъ для того, чтобы вся намъ даровствовать! Христіане! Господь не могъ содѣлать для васъ большаго блага, какъ то, что вы *нѣсте свои.* (1 Кор. VI. 19.)

Богъ есть Господь нашъ по праву непрестаннаго храненія и промышленія благодатнаго. — Воззваніе человѣка изъ ничтожества, его возвеличеніе образомъ Божіимъ и возстановленіе падшаго, составляютъ, по мнѣнію сыновъ человѣческихъ, древнія права Божія надъ нами владычества, которыя мы можемъ болѣе чтить благоговѣйнымъ воспоминаніемъ, нежели ощущать въ силѣ и дѣйствіи. Но что глаголетъ Сынъ Божій? — *Отецъ мой*

доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю. (Іоан. V. 17.) Для Вѣчнаго нѣтъ прошедшаго: все и всегда настоящее. Все существуетъ токмо непрестаннымъ дѣйствіемъ сущаго. Человѣкъ можетъ оставить свое дѣло; поелику онъ не творитъ, а токмо претворяетъ готовое: но Богъ естьли бы отвратилъ только взоръ отъ Своихъ твореній, то ихъ бы не осталось. *Отвращшу тебѣ лице, возмутся, и исчезнутъ.* (Псал. CIII. 29.) Далеко ли убо намъ искать Тебя, Господи! Естьли мы только не изчезаемъ: то и сіе уже служитъ знаменіемъ того, что лице Твое обращено къ намъ. Возгарается ли въ насъ чистое желаніе? Совершается ли нами благое дѣло? — Ты *дѣйствуеши въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи.* (Фил. II. 13.) Возникаетъ ли добрая мысль? — Мы *не довольны есмы и помыслити что доброе отъ себе, яко отъ себе, но довольство наше отъ Тебе есть.* (2 Кор. III. 5.) Минуютъ ли насъ опасности, прискорбія растворяются утѣшеніемъ, побѣждаются искуше-

нія?— *Ты не оставляеши насъ искуситися паче, еже можемъ: но твориши со искушеніемъ и избытіе.* — (1 Кор. X. 13.) О какъ чудились бы мы, Христіане, каждую минуту: естьли бы довольно имѣли проницанія, дабы открывать тайные слѣды правленія Божія во всемъ, что съ нами случается и насъ окружаетъ!— Нѣкогда Пророкъ Елисей, желая успокоить малодушіе отрока своего, боявшагося враговъ, молился: *Господи, отверзи нынѣ очи отрока, да узритъ. И отверзе Господь очи его, и видѣ: и се гора исполнь коней, и колесница огненна окрестъ Елисея.* (4 Цар. VI. 17.) Естьлибъ и нынѣ вѣра отверзла очи духа нашего: мы узрѣли бы окрестъ себя всѣ небесныя силы подвигнушыми для охраненія безопасности нашей и для споборствованія намъ противу царства тьмы;— такъ! всѣ небесныя силы; ибо не *вси ли суть служебніи духи въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* (Евр. I. 14.) Даже тотъ, кто не смѣетъ вѣрить ничему, чего не осяжетъ,— и тотъ, при постоянномъ

наблюденіи за всѣми событіями, подобно Ѳомѣ, не долго будетъ ожидать случая, что бы ощутивъ близость, исповѣдать истину являющагося повсюду владычества Бога и Христа: *Господь мой и Богъ мой!* (Іоан. XX. 28.)

Толь мощный, толико благодѣющій, толь присущій намъ Господь и Владыка чего не властенъ требовать отъ рабовъ Своихъ, которыхъ жребій въ единой рукѣ Его, и которые *о Немъ* единомъ *живемъ, движемся и есмы?* (Дѣян. XVII. 28.) Какое иго, Имъ возлагаемое, дерзнули бы мы назвать тягостію для нашей свободы? Какую дань, Имъ взыскуемую, не соразмѣрною правамъ Его надъ нами? Какую жертву довольною для Него? Естьли бы Онъ сказалъ намъ, что желаетъ паки взять у насъ все, что когда либо даровалъ: что могли бы мы отвѣщать Ему, кромѣ сего: да будетъ, Господи, воля Твоя, ибо мы не имѣли никакого права ни на единую крупицу даровъ Твоихъ, ниже на единое мгновеніе бытія? Но Богъ не возлагаетъ на насъ

никакого ига и бремени, развѣ *благое и легкое;* не взыскуетъ никакой дани, кромѣ простертой руки для пріятія даровъ Его; не хощетъ жертвы и всесожженія, удовлетворивъ самъ себѣ за насъ вѣчною жертвою Своего Сына. И сей Сынъ Его, толикою цѣною стяжавшій право царствовать надъ нами, господствуетъ нами токмо для насъ: и Его безпредѣльное владычество, — дерзнемъ сказать во славу благодати Его; — есть токмо разнообразное служеніе тварямъ Своимъ. Чего же, наконецъ, желаетъ Царь сей отъ рабовъ Своихъ? — *возжелаетъ,* говоритъ посланникъ Его къ душѣ нашей, *возжелаетъ Царь доброты твоея.* Твой спаситель желаетъ *обручить* (2 Кор. XI. 2.) тебя Себѣ *Дѣву чисту, обручити Себѣ во вѣкъ.* (Ос. II. 19.) *Яко же радуется женихъ о невѣстѣ, тако* желаетъ *возрадоватися Господь о тебѣ.* (Исаіи. LXII. 5.) Можешь ли ты прекословить сему блаженному для тебя желанію?

И такъ — *слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя*

и домъ отца своего. И возжелаетъ Царь доброты твоея. И поклончишися Ему. Научися, Христіанская душа, — и сей есть вторый предметъ Пророческаго возглашенія: — научися вѣрности, которая должна привести тебя во благоволеніе Царя царей, какъ единственная вожделѣнная для Него *доброта* въ насъ, не имѣющихъ никакой доброты собственной.

Слыши дщи и виждь. — Но Пророкъ не изъясняетъ, что должны мы слышать, или гдѣ можемъ видѣть возлюбленнаго Жениха душъ. Сего и не можно было сказать единожды для всѣхъ. Не для всякаго слуха единый гласъ, ниже для всякаго взора единое видѣніе. Иногда Господь является и глаголетъ душѣ, когда она Его и не чаяла: *явленъ быхъ не ищущимъ мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о мнѣ, рекохъ: се есмь, языку иже не призваша имене Моего.* (Иса. LXV. 1.) Но иногда Онъ премолчеваетъ и не обрѣтается ищущей и призывающей Его: *возстану, и обыду, и поищу, его же возлюби*

душа моя ; поискахъ Его , и не обрѣтохъ Его, звахъ Его, и не послуша мене. (Пѣс. III. 2.) Но ты не унывай отъ сего , дщерь милосердія Его: ты токмо *слыши,*— внимай непрестанно всякому знаменію Его присутствія; *и виждь,*— озирай всѣ пути Его, да *взыщеши Его, егда обрѣтается ; и призовеши Его , егда близъ есть.* (Иса. LV. 6.)

Слыши дщи и виждь. Два только чувства изъ пяти , оставляетъ тебѣ провозвѣстникъ воли Царя царей. Начинай исходить , яко Лотъ , изъ сихъ пяти градовъ, долженствующихъ вскорѣ погибнуть. Оставляй область чувствъ , опрѣщаясь отъ тѣхъ прежде ; которыя болѣе плотяны и грубы , не употребляя ничего въ вожделѣніе и наслажденіе и пресыщеніе , но токмо за нужду и немощь плоти. Пресыщенные удовольствіями чувствъ дремлютъ предъ чертогомъ небеснаго Жениха, и не услышатъ гласа Его ; елей въ ихъ свѣтильникахъ истощается, и они не узрятъ лица Его.

Слыши дщи и виждь и приклони ухо

твое. Внимай ! Есть многіе и благолѣпные гласы, поражающіе внутренній слухъ : но не все есть *гласъ Господа Бога, ходяща въ раи;* дано было въ раи глаголать и змію. Есть многіе и свѣтлые виды, вспрѣчающіеся духовному оку : но не все есть истинный свѣтъ Христовъ ; *и сатана преобразуется во Ангела свѣтла.* (2 Кор. XI. 14.) Познай же, куда обращаться должно, чтобы не быть увлечену призраками: *приклони ухо твое*, или, яснѣе, *приклони сердце твое во свидѣнія* Господни, (Псал. CXVIII. 36). *Въ ученія странна и различна не прилагайся.* (Евр. XIII. 9.) *Имамы извѣстнѣйшее Пророческое* и Апостольское *слово;* дабы *внимать ему, яко свѣтильнику* (2 Петр. I. 19.) чистѣйшаго свѣта.

Начавъ духовное шествіе наше къ небесному Жениху, и соблюдая нашу къ Нему вѣрность отъ прельщеній чувствъ, и отъ заблужденій ума, еще долго мы можемъ быть удерживаемы отъ приближенія къ Нему, пристрастіями нашего сердца. Но должно разрѣшиться

и отъ сихъ узъ: *забуди люди твоя и домъ отца твоего.* Возможно ли сіе? — говоритъ страстная душа.— Но вопрошаютъ ли о семъ, когда тотъ же Богъ закономъ любви супружеской повелѣваетъ *оставить человѣку отца своего и матерь?* Не дѣлается ли тогда любящее сердце истолкователемъ и защитникомъ также строгаго, по видимому, закона? Для любви ли къ Богу не возможно то, что возможно для любви къ твари? Не должна ли первая быть несравненно сильнѣе послѣдней? Естьли любовію къ твари можно жертвовать другой любви къ твари: то можно ли любви къ Богу принести меншую жертву, какъ всѣ роды законной даже любви къ себѣ и другимъ? И можетъ ли Божественный Женихъ предлагать меньшія требованія желающимъ обрученія съ Нимъ, какъ сіи: *иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе.*— (Матѳ. XVI. 24.) *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* (Матѳ. X. 37.) Не

должна быть никакая преграда, никакое посредство, не должна падать никакая тѣнь между Имъ и душею. *Братъ мой мнѣ, и азъ Ему:* (Пѣс. II. 16.) воспѣваетъ она Ему въ Пѣсни пѣсней.

Блаженна ты, естьли уразумѣешь и воспоешь пѣснь сію, Хрістіанская душа! Тогда-то *возжелаетъ Царь доброты твоея;* и явитъ тебѣ сокровища любви Своей. *Азъ любящія Мя люблю.* (Притч VIII. 17.)

Но брегись еще, о дщерь благоволенія, да не прѣпкнешься въ самомъ приближеніи къ Царю твоему. Взирай съ трепетомъ на славу, которую Онъ тебѣ обѣщаетъ; и помышляй, что ты ничѣмъ не можешь заслужить ея, но малѣйшею невѣрностію можешь лишиться ея на вѣки. Поминай послѣднее наставленіе невѣстоводителя Царева: *и поклонишися Ему.* Молись непрестанно *Исполняющему во благихъ желанія твоя:* и, когда Онъ *вѣнчаетъ тебя милостію и щедротами,* ты упадай къ стопамъ Его — смиреніемъ. *Да по-*

крѣется, по слову блаженнаго, *да покрѣется любящее сердце твое страхомъ Господнимъ, смиренномудрствующее, да не возносшееся отпадетъ отъ Всещедраго.* (Антиф.)

Симъ вѣрнымъ путемъ и неуклоннымъ шествіемъ отъ міра къ Богу, и отъ тьмы ко свѣту, да *приведутся Царю* небесному *дѣвы* души наши, Христіане, *во слѣдъ приведенныя* нынѣ во храмъ преблагословенныя Дѣвы; и да *введутся* нѣкогда въ нерукотворенный и вѣчный *Храмъ Царевъ*, Iго благодатію и человѣколюбіемъ. Аминь.

Говорено въ Троицкой домовой Церкви, 1814 года.

СЛОВО

По Освященіи Храма во имя Св. Живоначальныя Троицы, въ домѣ Его Сіятельства Князя Александра Николаевича Голицына, совершившееся 1812 года, Октября 1 дня.

Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы. Псал. XXIII. 7.

Вы слышали среди настоящаго таинодѣйствія сію торжественную вѣсть. Она изъ устъ Пророка Давида. И можно ли было не спросить при семъ, *кто есть сей Царь славы?* Столь превознесенный надъ всякимъ величіемъ, что славный царь Израилевъ, является предъ Нимъ только провозвѣстникомъ Его шествія и вратникомъ дома Его, — столь глубоко снисходящій къ рабамъ Своимъ, что желаетъ внити въ тѣсныя врата, не могущія вмѣстить Его шествія, — *кто есть сей*

Царь славы?— Духъ Божій предваряетъ сіе благоговѣйное недоумѣніе, и превращаетъ его въ радостное изумленіе.— *Господь крѣпкій и сильный, Господь сильный въ брани, Господь силъ, Той есть Царь славы,* приходящій *вселиться посредѣ людей Своихъ.* (3 Цар. VI. 13.) *Господь крѣпкій и сильный,* который *совершаетъ силу* Свою въ самой *немощи,*— *Господь сильный въ брани,* побѣдитель міра и ада, грѣха и смерти,— *Господь силъ,* который водитъ все-воинство небесныхъ и земныхъ тварей въ чинѣ ихъ, ополчаетъ ихъ за славу свою, и ополчается за благо ихъ,— Сей—то, *Царь славы* преклонился нынѣ внити подъ кровъ сей, дабы утвердить здѣсь престолъ Своего царства, силы, славы, благости, святыни. Какое блаженство для *души,* которая *желаетъ и скончавается во дворы Господни!* Очами вѣры, она видитъ теперь, какъ сіи врата вняли гласу дому — Владыки, *возвесли главы свои,* содѣлались *вратами небесными.* (Быт. XXVIII. 17.)

Но примѣчаете ли вы еще другія

тайныя врата, къ которымъ, сквозь сіи видимыя, взываетъ врашникъ Царя славы? *Возмитеся врата вѣчныя*, говоритъ онъ. Врата вѣчныя конечно не суть тѣ, которыя устрояются изъ древа, и украшаются златомъ: и такъ видите ли вы другія врата, въ которыя внити, другой храмъ, который освятить, желаетъ Царь славы?

Хрістіане! *Вы есте церкви Бога жива.* (1 Кор. VI. 16.) Естьли Онъ еще не *живетъ* въ насъ: то стоитъ у *вѣчныхъ вратъ* безсмертной души вашей, ожидая, что бы вы *уготовали путь Господень, правы сотворили стези Его.* (Матѳ. III. 3.) *Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, внйду къ нему.* (Апок: III. 20.)

Суетное было бы любопытство видѣть освященіе видимаго храма: естьли бы мы въ сіе время не помышляли *объ освященіи нашего храма невидимаго.* Но какъ единъ Богъ совершаетъ сіе внутреннее освященіе: такъ единъ Онъ можетъ и показать славу торжества сего. Воззовемъ къ Нему

изъ глубины сердецъ нашихъ, да дастъ намъ очи видѣти; уши слышати, умъ разумѣти.

Образъ освященія внутренняго намъ представленъ въ обрядахъ освященія внѣшняго. Здѣсь, при содѣйствіи молитвы, храмъ очищается въ своихъ важнѣйшихъ частяхъ омовеніемъ, кропленіемъ, помазаніемъ, куреніемъ ѳиміама: уготовляется облаченіемъ и украшеніемъ престолъ таинственнаго присутствія Божія: и Царь славы, сокрывающій неприступное величіе Свое въ осязаемыхъ изображеніяхъ и знаменіяхъ, видимо сопровождаемый служителями Олтаря, но невидимо Ангельскими дори — носимый чинми, силою Своего слова, отверзаетъ, проникаетъ и наполняетъ Свое жилище. То же самое и въ освященіи души. *Очищеніе*, *украшеніе* и благодатное *посѣщеніе* составляютъ всю тайну и всю славу храма внутренняго.

Храмъ Божій въ человѣкѣ въ самомъ началѣ своемъ былъ чистъ; ибо хотя созданъ былъ частію изъ персти

земной, но созданъ руками Божіими: былъ благолѣпенъ; ибо въ немъ поставленъ былъ *образъ* Божій: былъ святъ; ибо исполненъ былъ *дыханіемъ жизни* отъ Духа Святаго. Но дыханіемъ змія отравлено дыханіе жизни: человѣкъ сокрушилъ образъ Божій, воздвигая собственный истуканъ: и тогда самъ онъ толико возмерзилъ видѣніемъ поруганнаго храма Божія, что восхотѣлъ его сокрыть отъ себя, ничтожною впрочемъ оградою — *листія смоковнаго.* Въ семъ печальномъ видѣ храмъ Божій остается доселѣ въ каждомъ естественномъ человѣкѣ: ибо Адамъ, какъ написано, *роди сына по виду своему, и по образу своему,* (Быт. V. 3.) то есть, чуждый образа Божія грѣшникъ разпространилъ и на потомство свою нечистоту и безобразіе.

Естьли сія прирожденная нечистота мало примѣчаема человѣками: сіе точно по тому, что, подобно люотой проказѣ, она внѣдрилась въ существо ихъ, и смѣшалась съ самою природою. Но не она ли, будучи сознаваема, хотя

темнымъ, но тѣмъ не менѣе постояннымъ ощущеніемъ въ таинственной глубинѣ души, заставляетъ ихъ чуждаться безсмертнаго естества своего, занимаешься только временными нуждами, питаться только чувственными удовольствіями, жить въ суетѣ, въ разсѣяніи, далече отъ себя самихъ? *Адаме, гдѣ еси?* — Бѣгутъ во мракъ, дабы скрыться отъ мрачнаго вида внутренности своей; и, страшась испытать снѣдающую жалость обвеншавшаго дома Божія, предаютъ его въ мерзость конечнаго запустѣнія.

Кто сдѣлаетъ рѣшительное усиліе войти въ себя самаго: тому представится первою потребностію, и первымъ его желаніемъ будетъ, *очищеніе.*

Уже Богъ *очистилъ* насъ, Христіане, *банею водною въ глаголѣ.* (Еф. V. 26.) Впрочемъ церковь, при всей увѣренности въ силѣ и преизбыточествѣ благодати единократнаго крещенія, признаетъ и второе крещеніе въ покаяніи. Первый крститель водою, проповѣдывалъ еще *крещеніе Духомъ Свя-*

тымъ и огнемъ. (Матѳ. III. 11.)

Всѣ сіи крещенія заключаются въ *единомъ,* которое исповѣдуетъ церковь *во оставленіе грѣховъ:* но единая благодать очищенія толикократно изливается, колико кратъ для нея открывается и упраздняется сосудъ нашъ; она является многообразною, по видамъ грѣховныхъ нечистотъ.— Кто не видитъ, что древняя проказа разсыпается въ новыхъ язвахъ и послѣ очищенія; и корень зла непрестанно даетъ отрасли? Какое же право имѣемъ мы желать, чтобы Богъ въ одно мгновеніе ока оставилъ намъ тѣ грѣхи, которые мы въ теченіи цѣлой жизни хотимъ и не хотимъ оставить? *Измыйтеся, и чисти будите:* повелѣваетъ Господь чрезъ Пророка.— Но какъ, Господи? — *Отвелите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима,— и пріидите, и стяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю.* (Иса. I. 16. 18.) Отрекитесь прежде сами отъ нечистотъ

своихъ искренно и постоянно: и потомъ съ совершенною довѣренностію предоставьте Богу продолжать или перемѣнять купѣль, Имъ для васъ поставленную. Кровавыя пятна нечистой природы будутъ убѣлены кротkою водою благодати; язвы непослушанія омываются и уврачуются слезами разкаянія; дѣянія плотскія умертвятся духомъ; вожделѣнія и помыслы душевные очистятся огнемъ искушенія и страданія.

Ничто такъ не опасно для желающихъ очищенія, какъ то, что бы они не успокоивали себя одною наружною чистотою, которая, услаждая ихъ самолюбіе, удержала бы стремленіе ко внутреннему и всецѣлому очищенію. Да видятъ они, что дѣлаетъ Церковь въ очищеніи видимаго храма: оно начинается отъ внутреннѣйшихъ и существеннѣйшихъ частей, и отъ сихъ сообщается всѣмъ. Такъ должно быть и съ человѣкомъ. *Очисти прежде внутреннее,* говоритъ Христосъ, *да будетъ и внѣшнее чисто.* (Матѳ. XXIII. 26.) Человѣкъ! источникъ нечистоты

твоей въ твоей внутренности: заграждай потоки въ источникъ. Уклоненіемъ ума и воли ты отпалъ отъ Бога, и погибаешь въ самомъ себѣ: отпади отъ себя глубокимъ внутреннимъ самоотверженіемъ, и ты обрящешься въ Богѣ, и Богъ въ тебѣ. Изглаждай сокровеннѣйшіе слѣды твоей собственности, гдѣ только ихъ примѣтишь. Положи въ огнь очищенія самыя добродѣтели твои; не ограждай себя симъ *листвіемъ смоковнымъ*, которое болѣе обнаруживаетъ, нежели покрываетъ наготу немощи твоей; ищи лучше въ наготѣ самоотверженія чистоты своей предъ очами Того, который въ чистѣйшей наготѣ пролилъ за тебя очистительную кровь Свою; *отложи* безъ остатка *твоего ветхаго человѣка тлѣющаго въ похотѣхъ*. (Ефес. IV. 22.)

По мѣрѣ совлеченія ветхаго человѣка Христіанинъ облекается въ новаго; и за очищеніемъ храма внутренняго слѣдуетъ *украшеніе*.

Естьли очищеніе внутренняго человѣка состоитъ въ отложеніи всего,

что свойственно разтлѣнному человѣческому естеству: то тѣмъ менѣе обновленіе и украшеніе онаго можетъ быть разполагаемо по чертежамъ человѣческаго мудрованія. Красота тварей недостойна человѣка, призываемаго къ славѣ Божественной: и можетъ ли она въ человѣкѣ удовлетворить Богу? Одно то украшеніе, которое съ такимъ великолѣпіемъ сіяло въ первосозданномъ, возвеличить можетъ обновляемый храмъ Божій. Образъ Божій въ человѣкѣ есть такое сокровище, которое не только человѣка, но въ немъ и весь міръ дѣлаетъ Богу драгоцѣннымъ и любезнымъ.

Гдѣ же найдемъ мы сей вожделѣнный образъ, столь давно изглажденный, разрушенный и потерянный ветхимъ Адамомъ? — Онъ явленъ, слушатели, паки въ новомъ Адамѣ, въ воплотившемся Сынѣ Божіемъ, и преподанъ намъ Его словомъ и жизнію. *Образъ дахъ вамъ,* сказалъ Онъ предъ разлученіемъ съ учениками Своими, *да яко же*

Азъ сотворихъ, и вы творите. (Іоан. XIII. 15.)

Доколѣ внутренній храмъ нашъ не столь еще упраздненъ отъ образовъ міра и плоти, чувствъ и воображенія, что бы могъ вмѣстить въ себѣ великій образъ Іисуса Христа; мы можемъ собирать въ оный уменшительные образы Его, которые Онъ показалъ міру въ избранныхъ своихъ послѣдователяхъ. Апостолъ даже съ убѣжденіемъ предлагаетъ себя самаго въ образецъ для тѣхъ, которые не смѣютъ взирать на Божественный примѣръ Господа: *молю васъ, подобни мнѣ бывайте.* Впрочемъ сіе подобіе, присовокупляетъ онъ, не должно васъ удовлетворять и успокоивать само собою, но только приближать къ существенному образу совершенства во Христѣ: *подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу.* (1 Кор. IV. 16.)

Нѣтъ сомнѣнія, что только неослабнымъ подвигомъ и даже *болѣзнію* мы можемъ достигнуть того, *да возобразится въ насъ Христосъ.* (Гал. IV. 19.)

Мы должны, по словамъ писанія, *предъ-написать* Его себѣ *предъ очима*, (Гал. III. 1.) и непрестанно брать для себя съ образа Его каждую черту, для которой будемъ находить мѣсто въ нашемъ умѣ, въ нашемъ сердцѣ, и въ нашей жизни. Надобно, чтобъ мы Его сопровождали отъ Его рожденія до Его смерти, отъ яслей до креста и гроба; и подражали Ему во всемъ, что вочеловѣчившійся Богъ можетъ сообщить человѣку долженствующему быть *причастникомъ Божественнаго естества*. И когда наконецъ раздробленныя черты истины, правоты, любви, смиренія, послушанія, долготерпѣнія, умерщвленія Христова, нами пріемлемыя и сохраняемыя, сліются въ единый живый образъ Его; когда сей нерукотворенный образъ отразится во всѣхъ нашихъ силахъ, способностяхъ, дѣйствіяхъ, и наполнитъ ихъ такъ, что мы не *восхотимъ и вѣдѣти что, точію Іисуса, и Сего распята*, (1 Кор. II. 2.) и сіе *не по плоти*, (2 Кор. V. 16.) но по духу; когда во внутреннѣйшей храми-

нѣ души, въ небесной славѣ смиренія, совокупно видимы будутъ ясли и крестъ Іисусовъ, подобно какъ въ семъ видимомъ олтарѣ священная трапеза, гдѣ Христосъ таинственно раждается и совершаетъ крестную жертву Свою; когда духъ человѣческій готовъ будетъ ежеминутно съ духомъ Іисусовымъ предавать себе въ руцѣ Божіи: тогда— *готовъ престолъ Твой оттолѣ*, и одушевленному *дому Твоему подобаетъ святыня Господи въ долготу дній* (Пс. XCII. 2. 5.) не земли, но *неба*.

Престолъ Вездѣсущаго не можетъ быть празденъ, слушатели. Господь не умедлитъ *посѣтить* домъ, коего единъ Онъ есть и зиждитель и краеугольный камень, и украситель и украшеніе.

Аще снасаждени бысмо подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ. (Рим. VI. 5.) Естьли мы насадили въ себѣ Его жизнь умерщвленія: то процвѣтетъ въ насъ и *сущій въ Немъ животъ и свѣтъ человѣковъ*. Естьли мы не стыдимся *носить поношеніе* (Евр. XIII. 13.) Сына человѣческаго, и

хвалимся о крестѣ Его: то узримъ и *славу Единороднаго отъ Отца.* Есть-ли въ Немъ умираемъ себѣ и міру: Онъ воскреснетъ въ насъ, и въ безмѣрномъ избыткѣ все возвратитъ намъ въ Себѣ Самомъ. Привлекаемый силою Своего въ насъ подобія Онъ *явится Самъ:* (Іоан. XIV. 21.) *и посѣтитъ*, — какъ изъясняется нѣкто изъ посѣщенныхъ Его благодатію, — *посѣтитъ душу чрезъ всѣ ея изходы, стези и чувства.* (Мак. бес. XXXIII.) Онъ *пріидетъ дверемъ затвореннымъ*, (Іоан. XX. 19.) и предстанетъ во внутренѣйшемъ ея основаніи; постигнетъ и *прибижится* (Лук. XXIV. 15.) на пути внѣшней дѣятельности; *предначнетъ въ горѣ* (Матѳ. XXVIII. 7. 16.) Богомыслія, возсіяетъ въ духѣ неприступрымъ свѣтомъ Своимъ; воспылаетъ въ сердцѣ *преспѣвающею разумъ любовію Своею.* Человѣкъ не столько будетъ чувствовать жизнь и бытіе свое, сколько присутствіе и дѣйствованіе возлюбленнаго своего Спасителя. *Живу не кто мнѣ азъ*,

но живетъ во мнѣ Христосъ. (Галат. II. 20.)

Но почто прежде времени нѣмотствовать тамъ, гдѣ и достигшіе въ мѣру возраста Христова, самые гласы Словесе, въ благоговѣніи трепещутъ и умолкаютъ? Апостолъ Павелъ освященіе внутренняго храма называетъ *тайною сокровенною отъ вѣкъ и родовъ;* и, въ то самое время, когда открываетъ, что уже она *явися святымъ*, что Богъ *восхотѣ сказати, кое богатство славы тайны сея во языцѣхъ*, — заключаетъ сію богатую тайну въ сихъ только словахъ: *Христосъ въ васъ, упованіе славы.* (Кол. I. 26. 27.) Единъ Тотъ можетъ ввести во святилище тайны сея, и показать ея богатство, Кто повелѣваетъ вратамъ вѣчнымъ, и тогда только покажетъ, когда онѣ отверзутся. *Тайна Господня боящимся Его, и завѣтъ Его явитъ имъ.* (Псал. XXIV. 14.)

О тайна таинъ! тайна славная и неизвѣстная, столь близкая и недосязаемая, столь давно проповѣданная, но

всегда неизреченная, столь часто пре-рѣкаемая, и столь рѣдко постигаемая! Тщетно любопытство желаетъ однимъ взглядомъ проникнуть всю глубину Христіанства, тщетно невѣріе думаетъ слышать осязаніемъ, и слухомъ познавать свѣтъ: Богъ разумовъ таится отъ премудрыхъ, и разумныхъ, и открывается младенцамъ; Его тайна не можетъ быть изторгнута или похищена, но только испрошена терпѣливо и дарована милосердо.

Нашъ долгъ, Христіане, очищать и украшать храмъ свой, а не назначать Господу время и образъ Его благодатнаго посѣщенія. Если мы желаемъ испытать, какъ Онъ можетъ обитать въ семъ храмѣ: то испытаемъ прежде, какъ мы совершаемъ наше къ тому пріуготовленіе.

Отдѣлимся на минуту отъ самихъ себя, и внидемъ во внутренній храмъ нашъ хотя стольже хладнокровными зрителями, каковыми бываемъ иногда въ храмѣ видимомъ. Можемъ ли мы не примѣтить въ немъ множества

образовъ міра и плоти, которые одни за другими въ него вносятся, одни надъ другими утверждаются и возвышаются, совокупно или попеременно требуютъ какой либо жертвы, и, хотя отъ времени до времени, ее получаютъ? И сіе ли есть храмъ единаго Бога, или, это всебожница міра?

И между тѣмъ— Господь *при дверехъ.* (Апок. III. 20.) О милость — о неблагодарность, непостижимыя! Какой рабъ можетъ пренебрегать посѣщеніемъ владыки своего, и какой владыка можетъ снести такое пренебреженіе? Можетъ ли богатый оставить нищаго толцащь во врата свои отъ утра до вечера, и нищій не проклясть жестокосердаго? но Ты, Господи, съ неизреченными сокровищами щедротъ Твоихъ, съ того времени какъ возсіялъ надо мною свѣтъ Евангелія Твоего, стоишь у вѣчныхъ вратъ души моей, а я не внемлю Твоимъ кроткимъ толцаніямъ, и вратами пылѣнія убѣгаю, скитаюсь по міру, и прошу у враговъ Твоихъ моей погибели!

Пожелаемъ, слушатели, чтобъ у каждаго, кто будетъ отверзать врата освященнаго нынѣ храма, и входить въ нихъ, въ то же время отзывались въ душѣ, и отверзали бы ее Богу, Божественныя слова освященія: *возноситe, врата, главы ваша, и отверзитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы.* Аминь.

БЕСѢДА

Изъ Псалма LXXXIII.

По освященіи Храма Пресвятыя Богородицы, въ память явленія всечестныя иконы Ея Казанскія, устроеннаго въ домѣ Его Сіятельства, Гр. Виктора Павловича Кочубея, совершившемся Ноября 13 дня 1814 года.

Коль возлюбленна селенія Твоя Господи силъ! Пс. LXXXIII. 2.

Сія древняя пѣснь, безъ сомнѣнія, многократно уже воспѣта и въ семъ, хотя только еще обновленномъ, селеніи Господа силъ. Ее торжественно воспѣла Церковь при священномъ обновленіи сего храма. Ее дѣятельно воспѣли тѣ, которые столько возлюбили Божіе на земли селеніе, что восхотѣли подъ одинъ кровъ соединить оное съ жилищемъ собственнымъ. Не знаю, примѣтили ль вы сами за собою, но

Церковь съ утѣшеніемъ предполагаетъ, что и каждый изъ находящихся теперь въ семъ домѣ Божіемъ, входя во врата его, внутренно воспѣвалъ оную пѣснь: ибо для чего бы тому и ступать чрезъ сей священный прагъ, кто не сувствуетъ, *коль возлюбленна селенїя Господа силъ?* — Впрочемъ, есіпьли пѣсни суть пища торжествъ, чувственныя — земныхъ, духовныя — небесныхъ; и есіпьли нашъ умъ и чувства безъ утомленія и многократно возвращаются къ тому, что любезно сердцу: то возобновимъ еще въ заключеніе настоящаго торжества, — возобновимъ нѣкоторые звуки благолѣпнаго псалма Израилева, дабы, сколько можно, точнѣе и постоянѣе согласить съ оными наши чувствованія. Поучимся отъ пѣснопѣвца Божія, не столько устами, сколько духомъ и сердцемъ, и не только пребывая во храмѣ, но и ходя въ мірѣ, воспѣвапь сію пѣснь: *Коль возлюбленна селенїя Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни.*

Всѣ люди болѣе или менѣе чувствуютъ, что имъ не достаетъ пребѣжища, гдѣ блуждающее ихъ сердце постоянно могло бы обитать, и неусыпающія желанія — успокоиться. но многіе не знаютъ, или, лучше, не стараются знать истиннаго своего покоища. Разширяютъ свои жилища: и производятъ только—болѣе прежняго пустоты. Ходятъ въ домы пира: и возвращаются или съ бременемъ пресыщенія, или съ люттѣйшимъ прежняго гладомъ къ сладостямъ чувствъ. Велятъ своей *душѣ почивать* на обиліи благъ земныхъ: но все, что есть плоть, слишкомъ жестоко и грубо для спочиванія духа, и на такомъ одрѣ, по минутной дремотѣ, онъ пробуждается съ новымъ каждый разъ безпокойствомъ. Иные, находя область чувствъ, для своихъ желаній, тѣсною и скудною, переносятся въ обширныя страны воображенія; усматриваютъ тамъ нѣкіе храмы славы, вкуса, земной мудрости; устремляются къ нимъ: но, приближаясь, находятъ, что сіи величествен-

ные храмы, въ которыхъ они думали обоготворить себя, суть или призраки воздушные, или зданія на пескѣ, на краю бездны, въ которыхъ не только жить, но и на время успокоиться не можно. Такъ всякая душа въ мірѣ *желаетъ и скончавается*,—истаяваетъ, какъ воскъ, отъ огня желаній, и течетъ по предметамъ дольняго міра, истощаясь, подобно потоку, раздѣленному на многія вѣтви, и теряющемуся въ дебряхъ, — истощаясь безполезно, естьли не умѣетъ дать единаго истиннаго направленія своему стремленію: или, по другому изображенію псалмопѣвца, она носится съ своими желаніями по пространству сотворенныхъ вещей, какъ *птица* ищущая *хлмины*, или *гнѣзда*, *идѣже положитъ птенцы своя*.

Познай, бѣдная душа, всегда пришельствующая въ мірѣ, всегда терзимая гладомъ, всегда обуреваемая страстями, всегда утомленная разнообразіемъ суетъ, твое пристанище, твое жилище, твое насыщеніе, твое поко-

ще, твое богатство, твое существенное благо. Единъ Богъ есть все сіе. Какъ вещи земнаго свойства естественно стремятся къ землѣ, и, только упадая на нее, приходятъ въ покой; только на ней обрѣтаютъ свое постоянное пребываніе: такъ небесное существо души, *яко дыханіе жизни* отъ устъ Божіихъ, естественно стремится взыти паки къ Богу, и въ Немъ долженствуетъ вѣчно жить, покоиться и блаженствовать. По той мѣрѣ, какъ душа, рѣшительно, и всѣми своими силами, предается спасительному стремленію къ своему началу; для преобѣжденія сопротивнаго стремленія плоти, влекущей къ землѣ, самъ Богъ, чрезъ Сына Своего, *посылаетъ ей помощь отъ Святаго:* и, будучи воскриляема вѣрою и любовію, она вземлется горѣ, дабы прейти все земное и все сотворенное, и достигнуть въ селенія Господня, во дворы Его и въ самый домъ Его. На семъ тяжмо горнемъ пути, сколь ни труднымъ и непроходимымъ онъ кажется очамъ плоти, —

токмо на немъ обрѣтать можно то, чего безполезно ищутъ на землѣ. Здѣсь многообразныя желанія человѣческой души, освободясь отъ бренія и праха, подобно чистымъ токамъ, сливаются въ одинъ великій потокъ, скорѣе или медленнѣе, но вѣрно, долженствующій соединиться съ моремъ безконечнаго блаженства. Не вотще она *желаетъ*, и не въ суетномъ разсѣяніи *скончавается;* она *желаетъ и скончавается во дворы Господни.* Тогда она воспѣваетъ съ псалмопѣвцемъ: *птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя:* такъ я — *олтари Твоя, Господи силъ, Царю мой и Боже мой.* Какъ та веселится, находя гнѣздо себѣ; ибо предвкушаетъ радости чадородія: такъ я утѣшаюсь, притекая къ олтарямъ Твоимъ: ибо знаю, что естьли я принесу въ жертву Тебѣ *сердце сокрушенно*, Ты *созиждешь во мнѣ сердце чисто*, (Псал. L. 12. 19.) изведешь отъ *сердца каменнаго сердце плотяное*, (Іез. XXXVI. 26.) и возмещи его туда, гдѣ его сокровище.

Нѣкоторые въ темномъ ощущеніи познаютъ важность олтарей, и, по видимому, не чуждаются дома Божія: но неразумѣютъ ни того, какъ должно въ него входить, ни того, какъ обращаться въ немъ. Поставивъ тѣло во храмъ, увѣряютъ себя, что уже пребываютъ съ Богомъ: но находящіеся въ семъ положеніи не болѣе иногда принадлежатъ дому Божію, какъ— естьли позволено такъ изъясниться— истуканы украшающіе только наружность его. Служатъ Богу, какъ рабы, не столько для того, чтобы совершить волю Его, сколько для того, чтобы токмо уклониться отъ гнѣва Его. Работаютъ Ему въ уреченное время, какъ наемники, дабы получить отъ Него плату земныхъ благословеній, и потомъ на враговъ Его, — на міръ и плоть, ижидаютъ дары Его. Какое несообразное съ величествомъ и благостію Божіею Богослуженіе! какое нестроеніе въ сравненіи съ благолѣпными славословіями вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, друговъ Его и присныхъ Его

дома! Кто желаетъ истинно приближиться къ Богу: тотъ все существо свое долженъ устроить въ священный органъ, дабы воспѣвать сію пѣснь дома Божія: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! — Сердце мое и плоть моя взыграшася къ Богу живу.* Не рабскій страхъ гонитъ меня къ служенію Твоему, Господи, но паче Твоя любовь, изгоняя страхъ мой, влечетъ во слѣдъ Тебе. Не сокровищь и даровъ Твоихъ алкаютъ мои желанія: мнѣ вожделѣнны и возлюбленны Твои селенія, Твоя близость, Твое общеніе. Не мню я приближиться къ Тебѣ однѣми устами: Твоя любовь обдержитъ всего меня, и все бытіе мое восхищаетъ къ Богу живому.

Дабы вразумить насъ болѣе о семъ въ чистой любви совершающемся приближеніи къ Богу, руководствующій настоящею бесѣдою псалмопѣвецъ даетъ намъ примѣтить особенно два состоянія любителей дома Божія. Однихъ представляетъ онъ живущими въ немъ: *блажени живущіи въ дому Твоемъ.*

Другихъ — примешающимися; *изволихъ приимститися въ дому Бога моего.* Взглядъ на сіи крайнія степени пребыванія въ дому Божіемъ долженствуетъ показать намъ, до чего, и какъ достигать могутъ стремящіеся къ соединенію съ Богомъ.—

Блажени живущіи въ дому Твоемъ.— Но какъ можно, среди пришельствія въ мірѣ, жить въ дому Божіемъ? — Домъ Божій не чуждъ никому, развѣ кто самъ отчуждаетъ себя отъ него. Въ него можно входить и отъ Юга, и отъ Сѣвера, и отъ Запада, къ вѣчному Востоку. Домъ Божій есть присутствіе Божіе. Кто живо и дѣятельно начинаетъ ощущать сіе святое и освящающее присутствіе, и молитвенно къ нему обращаться: тотъ входитъ въ домъ Божій. Кто пребываетъ въ семъ ощущеніи постоянно и неуклонно или, по древнему слову Писанія, *ходитъ предъ Богомъ:* (Быт. XVII. 1.) тотъ живетъ въ домѣ Божіемъ. Чѣмъ дѣйствительнѣе и плодотворнѣе ощуще-

ніе присутствія Божія: тѣмъ внутреннѣе и совершеннѣе пребываніе въ домѣ Божіемъ. Наставляющій насъ псалмопѣвецъ указуетъ путь, или лѣствицу сего духовнаго дома Божія, утвержденную въ сердцѣ вѣрующаго въ силу Божію и дѣйствію ея преданнаго человѣка: *Блаженъ мужъ, ему же крѣпость его у Тебе: восхожденія въ сердцѣ своемъ положи.* Пресѣченіе Богопротивныхъ дѣлъ, Богопротивныхъ желаній, Богопротивныхъ помысловъ, воспріятіе Богоугодныхъ помышленій, Богоугодныхъ желаній, Богоугодныхъ дѣяній, образуютъ различныя степени восхожденія въ селенія Божіи, во дворы Его и въ домъ Его. Естественно, что подвизающійся въ семъ Божественномъ жительствѣ, дабы не уклониться отъ него чрезъ разсѣяніе въ мірѣ, колико можно, часто входитъ и въ видимый домъ Божій; покланяется ко храму Святому Его въ сыновнемъ страхѣ и любви; прилѣпляется къ сему Божію на земли селенію такъ, что въ немъ находитъ свой

покой, а внѣ его трудъ, внѣ его пришельствіе, а въ немъ жилище, внѣ его мятежъ, а въ немъ пишину: и тогда онъ живетъ, можно сказать, и въ видимомъ домъ Божіемъ, также какъ въ невидимомъ Его присутствіи. Видите жителя дома Божія.

Зрите и преимущество сего жительства.— *Блажени живущіи въ дому Твоемъ*, восклицаетъ пѣснопѣвецъ дома Божія, *въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя.*— Міролюбцы столь же мало понимаютъ сіе блаженство, какъ и состояніе, которому оно принадлежитъ: имъ извѣстно токмо человѣкоугодливое ласкательство, сугубое бремя, которымъ они отягчаютъ въ одно время и свою совѣсть и свое самолюбіе; но не хвала праведная и Божественная, коею исполненные благъ отъ Господа изливаютъ въ Него свое блаженство, и въ тоже время въ сугубую мѣру въ немъ оное почерпаютъ. Хвала Богу есть цвѣтъ блаженства, которымъ *процвѣтаютъ насажденные въ дому Бога нашего*; (Псал. XCI. 14.) и

она же есть плодъ, въ которомъ ихъ блаженство созрѣваетъ. Ибо когда корень и основаніе сихъ живыхъ древесъ утверждено во благѣ; когда всѣ сосуды ума и сердца, всѣ стеблія и вѣтви желаній и помышленій орошены, исполнены, напоены водами благодати и спасенія: тогда на высотѣ духовныхъ силъ, устремленныхъ горѣ, непрестанно возникаетъ, разширяется, и созрѣваетъ въ исполненіи единое желаніе и единое дѣйствіе—хвала и прославленіе Источника благихъ.— Воистину, Господи, *блажени живущіи въ дому Твоемъ! Упіются отъ тука дому Твоего, и потокомъ сладости Твоея напоиши я. Яко у Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ.*— (Псал. XXXV. 9. 10.) Помыслите, Христіане, о сихъ неизреченныхъ благахъ, даруемыхъ другамъ и приснымъ дома Божія, къ которымъ и мы должны принадлежать. Естьли жизнь сладка и въ семъ скудномъ, непрестанно изсякающемъ потокѣ, отъ котораго мы ея причащаемся по внѣшнему человѣку:

то колико сладостнѣе должна она становиться по той мѣрѣ, какъ мы будемъ приближаться къ самому источнику живота! Естьли пріяпенъ сей видимый стихійный свѣтъ, который одинъ открываетъ намъ чудеса тѣлеснаго міра, открываетъ однакоже въ нѣкоемъ смѣшеніи свѣта и тьмы: то какое уготовано намъ зрѣлище, когда, какъ провидитъ Пророкъ, мы должны наконецъ видѣть въ духовномъ и святомъ свѣтѣ Божіемъ, и видѣть одинъ чистый свѣтъ, не обезображенный никакимъ примѣшеніемъ тьмы! Не думайте, что сіи блага совершенно заключены и запечатлѣны въ единомъ небѣ: нѣкою частію онѣ и на земли сокрыты *въ дому Божіемъ*, — въ непрестанномъ сердечномъ обращеніи къ Богу и всецѣломъ приближеніи къ Нему человѣка вѣрою и любовію. Нѣкто изъ присныхъ Божіихъ испыталъ на земли такое восхищеніе, котораго, повидимому, небеса не вмѣщаютъ. *Что ми есть на небеси?* — взываетъ онъ къ Богу— *и отъ Тебе что восхотѣхъ на зем-*

ли?— Не землю только пренебрегаетъ: *что восхотѣхъ на земли?* Самое небо не привлекаетъ его: *что ми есть на небеси?* Чѣмъ же толико исполненъ и удовленъ ты, друже Божій?— Мое сердце, говоритъ онъ, обрѣло и на вѣки спя. жало Бога своего: *Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ!* (Псал. LXXII. 25. 26.)

Столь высокій и въ дольнемъ мірѣ намъ показанъ жребій для привлеченія насъ пришельствующихъ и блуждающихъ въ мірѣ, въ отеческій домъ Божій: но да не возмнитъ кто либо тотчасъ похитить оный жребій избранныхъ отъ руки Божіей. Дары милосердія подаются смиренію и терпѣнію. И по сему самъ псалмопѣвецъ дома Божія, изображая блаженство живущихъ въ семъ домѣ, не дерзаетъ пріобщить себя къ сонму ихъ: *Блажени живущіи въ дому Твоемъ.* Напротивъ онъ предоставляетъ себѣ, и въ тоже время, для послѣдованія за нимъ, указуетъ всѣмъ приступающимъ къ Богу низшую и болѣе доступную сте-

пень пребыванія въ дому Божіемъ: *изволихъ примѣтатися въ дому Бога моего.* Знаю, говоритъ, что я не достоинъ быть въ числѣ присныхъ Божіихъ, и входить во внутренняя дома Его: хощу по крайней мѣрѣ стоять у вратъ его, и присѣдѣть на прагѣ его, какъ странникъ, ищущій мѣста успокоенія, или какъ нищій, ожидающій даянія отъ руки милосердія.

Но знаете ли, какое благо заключается и въ семъ, повидимому, отверженномъ состояніи любящаго домъ Божій?— *изволихъ примѣтатися въ дому Бога моего,* сказалъ онъ; и присовокупляетъ: *паче неже жити въ селеніихъ грѣшникихъ.* Лучше, подобно безкровному пришельцу, хотя на краткое время, опочить на прагѣ дома Божія, нежели жить и блаженствовать въ мірѣ безъ Бога и благодати Его. Лучше, подобно убогому, простирать просящую руку къ Богу, нежели, отвратясь отъ Него, пріобрѣтать, обиловать и расточать. Лучше быть послѣднимъ рабомъ Бо-

жіимъ, нежели Божествомъ языческимъ.

Но уже время намъ прервать гласъ псалмопѣвца: ибо нашъ долгъ — не столько слушать чуждую, какъ воспѣвать собственную пѣснь во славу дома Божія, и не столько воспѣвать Его блаженство, но и отверзать себѣ входъ въ сіи блаженныя селенія и жить, или, по недостоинству нашему, хотя *примепатися въ дому Бога нашего,* И такъ *внидите* и не преставайте входить *во врата Его во исповѣданіи, во дворы Его въ пѣніихъ,* (Псал. XCIX. 4.) вы, которымъ должно быть извѣстно внушаемое Апостоломъ искусство, *во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣснѣхъ духовныхъ глаголати себѣ* самимъ — въ созиданіе и возбужденіе, и паки, *воспѣвати и пѣти въ сердцахъ вашихъ Господеви* — (Еф. V. 19.) въ жертву хваленія и благодаренія. Врата Храма суть истинныя врата дома Божія: *идѣже бо аще два или трїе собрани во имя Господа, ту есть и Онъ посредѣ ихъ:* (Матѳ. XVIII. 20.) но входя во врата сіи тѣломъ,

полагайте духовныя *восхожденія въ сердцѣ вашемъ,* что бы духъ не оставался внѣ священной ограды, — *въ селеніихъ грѣшникихъ.* Въ искреннемъ обращеніи къ Богу, въ вѣрѣ, въ любви, въ смиреніи заключены дивныя восхожденія въ тайная дома Божія. Аминь.

СЛОВО

По освященіи Храма Воскресенія Христова, при домѣ Его Сіятельства Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, совершившемся 1816 года, Іюля 30 дня.

Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ Святый Его. Псал. XXVI. 4.

Не дивно было бы, естьлибъ искомое Давидомъ *единое* было вѣчное пребываніе въ дому Отца Небеснаго: ибо единое сіе очевидно было бы все. Но Давидъ говоритъ здѣсь о благѣ, которымъ думаетъ украсить *дни живота своего;* желаетъ утѣшенія *посѣщать храмъ Господень*, которое также принадлежитъ времени. А для времени мало ли чего можно бы *просить отъ Господа?* На примѣръ: долгоденствія, благоденствія, здравія, богатства. И

кто можетъ исчислить желанія и помышленія непрестанно изходящія изъ глубокаго источника сердца человѣческаго? мало ли чего *искать* имѣлъ бы нужду самый Давидъ? на примѣръ: избавленія отъ враговъ, побѣдъ, мира, щастія семейственнаго, блага народнаго, и еще болѣе— чего и дѣйспвительно искалъ онъ въ молитвахъ своихъ— *изторженія души своей отъ львовъ* (Псал. XXXIV. 17.) невидимыхъ, *избавленія отъ тайныхъ* (Псал. XVIII. 13.) грѣхопаденій, *сердца чистаго, духа праваго, радости спасенія.* (Псал. L. 12. 14.) Но вотъ, его помышленія, желанія, молитвы, сближаются, соединяются и всѣ сокращаются въ единомъ прошеніи; *едино просихъ.* И дабы кто не подумалъ, что у него единое прошеніе на одинъ только случай попребы, онъ присовокупляетъ, что и въ иное время не *взыщетъ помысловъ многихъ*, а всегда тогоже, что назвалъ единымъ: *то взыщу.* И чего же столь прилѣжно проситъ и столь ревностно ищетъ? *просихъ*, и *взыщу, еже жити ми*

въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ Святый Его. Ищу, говоритъ Онъ, и буду искать токмо близости къ Богу.

Благословенъ *даяй молитву молящемуся*, и самъ же *творяй волю боящихся Его!* Вы стоите нынѣ, боголюбивые посѣтители новоявленнаго дома Божія, вы стоите здѣсь свидѣтелями того, какъ Господь благоволитъ низходить къ желанію ищущихъ общенія съ Нимъ. Се! *освятилъ есть селеніе свое Вышній,* (Псал. XLV. 5.) и, просившему, осязательно даруетъ *еже жити въ дому Господни, зрѣти красоту Господню, и посѣщати храмъ Святый Его.*

Но войдемъ нѣсколько далѣе, по колику возможемъ, въ духъ изреченія Давидова о близости къ Богу. Какъ, при толикой скудости человѣческой, и при толикихъ щедротахъ Божіихъ, близость къ Богу есть единственное просимое? и какъ, при всегдашней близости Бога къ человѣку, близость человѣка къ Богу есть всегдашнее искомое?

Едино просихъ отъ Господа, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господчю, и посѣщати храмъ Святый Его. Говоря о *единомъ* состояніи приближенія къ Богу, Пророкъ различаетъ однако здѣсь три особенныя вида, или степени, сего состоянія.

Иное, только *жить въ дому Господни. Живутъ* въ великомъ домѣ и рабы: живутъ трудомъ своимъ и щедротами господина своего; чувствуютъ благотворное дѣйствіе близости его къ нимъ, но не видятъ себя въ близости къ нему; развѣ издалеча только *зрятъ* лице его, и совсѣмъ не имѣютъ дерзновенія *посѣщать* его въ его храминахъ внутреннихъ.

Иное, *жить въ дому Господнемъ* и *зрѣть красоту Господню.* Видѣть внутреннія благолѣпныя храмины дома, предстоять лицу Домовладыки, собственнымъ окомъ наблюдать мановенія Его, собственнымъ ухомъ принимать Его повелѣнія, есть жребій высшаго чина служителей и домочадцевъ.

Еще иное, *жить въ дому Господни, зрѣти красоту Господню и посѣщати храмъ Святый Его*, или — по точной силѣ изреченія Давидова на собственномъ Его Священномъ языкѣ— *утреневать во храмѣ Его.* Не коснѣть уже въ преддверіяхъ, и не ожидать въ открытыхъ храминахъ дома, когда явится Домовладыка, но находить отверстый себѣ входъ въ сокровенное и всегдашнее мѣсто его пребыванія, имѣть свободу съ каждымъ пробужденіемъ отъ сна устремляться въ тишину присутствія его, въ сладость бесѣды его, въ тайны совѣтовъ его, въ причастіе благъ его, жить не токмо въ близости къ нему, но и въ непосредственномъ общеніи съ нимъ, у самаго сердца его, есть преимущество другова, присныхъ и дѣтей.

Жить рабомъ въ дому Господнемъ конечно не есть верхъ блаженства. *Рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его.* (Іоан. XV. 15.) *Работаетъ* ли онъ *Господеви?* работаетъ *со страхомъ. Радуется* ли *Ему?* и радуется *съ трепе-*

томъ. (Псал. II. 11.) *Любы совершенная изгоняющая страхъ*, (1 Іоан. IV. 18.) еще не его доля. Но и у земныхъ владыкъ не бываетъ ли рабовъ, которымъ лучше быть рабами въ домѣ ихъ, нежели свободными внѣ его? Не еще ли лучше домъ Небеснаго Владыки нежели домы земныхъ боговъ? *благословите же Господа вси раби Господни*, (Псал. CXXXIII. 1.) не токмо *стоящіи въ храмѣ Господни*, но и *во дворѣхъ*, нполько во дворѣхъ *дому Бога нашего! О Господи!* восклицаетъ познавшій цѣну сего высокаго рабства, я рабъ Твой, и болѣе и болѣе себя порабощаю Тебѣ, потому что Ты меня изъемлешь изъ нещастнѣйшихъ *рабовъ грѣха не пребывающихъ въ дому* (Іоан. VIII. 34. 35.) Твоемъ, и даруешь мнѣ благодатную свободу: *азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой, и сынъ рабыни Твоея: разтерзалъ еси узы моя.* (Псал. CXV. 7.) Міръ не понимаетъ сея свободы, въ которой живутъ рабы Господни въ дому Господнемъ; и по тому продолжаетъ носить узы, которыя единъ

Господь разтерзать можетъ; а дабы увѣрить себя, что и у него есть своя свобода, непрестанно гремитъ своими оковами. Напротивъ живущій въ дому Господни въ семъ-то и находитъ одно изъ великихъ благъ сего жительства, что тамъ или не слышенъ, или по крайней мѣрѣ тише слышенъ шумъ, и радостей міра, и сѣтованій его, равно нестройный и мятежный. *Коль многое мно жество благости Твоея Господи,* (Псал. XXX. 20. 21.) взываетъ Онъ, *иже скрылъ еси боящимся Тебе, содѣлалъ еси уповающимъ на Тя предъ сыны человѣческими! скрыеши ихъ въ тайнѣ лица Твоего отъ мятежа человѣческа, покрыеши ихъ въ кровѣ отъ прерѣканія языкъ.* Есть ли даже міръ, преслѣдуя бѣглеца своего поколеблетъ, такъ сказать, самую ограду дома Господня: что можетъ онъ сдѣлать кроющемуся за нею, какъ развѣ побудить его скрываться далѣе внутрь, и такимъ образомъ проникать въ высшія, чистѣйшія, блаженнѣйшія обители? и чего подлинно не *скрыть* въ кровѣ Господнемъ

для боящихся Господа! все, что для блага ихъ можетъ премудрость изобрѣсти, могущество содѣлать, благость даровать, все сіе какъ бы само собою обрѣтается *въ тайнѣ лица Его*, то есть, въ глубокомъ сознаніи умомъ Его вездѣсущія, и въ живомъ ощущеніи сердцемъ Его близости. Ищутъ ли они просвѣтить тьму *естественнаго* (Прем. XIII. I.) въ поврежденномъ *человѣчествѣ невѣденія о Богѣ?— лице Его*, въ тайнѣ котораго живутъ они сердцемъ, *просвѣщается* (Псал. CXVIII. 135.) надъ ихъ умомъ, и они спѣшно *научаются оправданіямъ Его*. Оскудѣваютъ ли они въ силахъ для праваго дѣйствованія по симъ оправданіямъ?— взирая въ присутствіе Божіе, они уподобляются рабамъ, которые увидѣвъ стоящаго надъ ними Домовладыку, забываютъ свое утомленіе, и усугубляютъ свое дѣланіе. Такъ, нѣкто дерзаетъ засвидѣтельствовать предъ самимъ Богомъ, что сохранилъ заповѣди Его— силою непрестаннаго хожденія предъ лицемъ Его: *сохранихъ заповѣди Твоя и*

свидѣнїя Твоя, яко вси путїе мои предъ Тобою Господи. (Псал. CXVIII. 168.) Такъ и самъ Богъ, приготовляя Отца вѣрующихъ, и повелѣвая ему быть совершеннымъ, не даетъ ему на то инаго средства или силы, какъ хожденіе въ присутствіи Божіемъ: *ходи предъ лицемъ Моимъ, и буди совершенъ.* (Быт. XVII. 1.) Потребно ли для пріобрѣтенія и охраненія сего совершенства вести брань съ противными силами? — если-ли ближайшее присутствіе подобострастнаго военачальника вливаетъ иногда духъ мужества и побѣды въ малодушныхъ дотолѣ воиновъ; колико побѣдоноснѣе тотъ духъ, который сообщается духу человѣческому присутствіемъ и безпосредственною близостію Господа силъ? по сему-то духовный воинъ можетъ — иногда и долженъ— и не смотрѣть на врага и грозящія опасности; но на Вождя взираетъ непрестанно: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть.*— (Псал. XV. 8.) Но какъ можешь ты, пригвоздивъ свой

взоръ къ одному присутствію Вождя, или отражать нападенія, или уклоняться отъ стрѣлъ, или обходить претыкновенія? — все найду я въ очахъ Вождя моего: и мечь, и щитъ, и безопасность, и побѣду, и миръ. *Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть; да не подвижуся.*

Пусть предстанетъ искушеніе такъ близко, какъ предстало нѣкогда Іосифу: кто имѣетъ очи *предзрѣть Господа предъ собою выну*; тотъ не поколеблется, и низложитъ оное Іосифовымъ оружіемъ: *како сотворю глаголъ злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ?* (Быт. XXXIX. 9.) Но послѣдовало ли уже и паденіе? — увы! *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ!* — (1 Кор. X. 12.) однако поелику *и праведникъ пядаетъ*, дерзнемъ сказать въ утѣшеніе падающихъ: блаженъ, кто и въ паденіи не повредилъ очей своихъ, но, и сокрушенный грѣхомъ, еще видитъ себя предъ очами Того, Который *не хощетъ смерти грѣшника.* Ибо можетъ ли долго быть оставленъ безъ помощи

младенецъ, поверженный при ногахъ матернихъ? *Егда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати изчадїя чрева своего?* (Иса. XLIX. 15.) кольми паче любовь Божія, болѣе нежели матерняя, *не забудетъ* того, кто не отторгается отъ ея памятованія собственнымъ о Богѣ забвеніемъ, но, и низпадши далѣе своего естественнаго ничтожества, еще вѣруетъ предстоять Сущему. Наконецъ взираетъ ли самое Вездѣсущіе на предстоящихъ ему, окомъ суда? должно ли и *ходящимъ во свѣтѣ лица Господня,* (Псал. LXXXVIII. 17.) по неисповѣдимымъ судьбамъ, проходить сѣнь смертную?—*страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго!* — (Евр. X. 31.) но испытавшій хотя отчасти жительство дома Господня, и причастившійся благодати присутствія Божія, знаетъ, что безъ сравненія было бы ужаснѣе, бѣжать отъ правосудія Господня къ неправосудію враговъ Божіихъ. И чтоже онъ дѣлаетъ? взирая во Хрістѣ на безконечное милосердіе, предается всею силою воли безконечному правосудію,

не отрекаясь ни отъ какихъ скорбей, страданій, умерщвленій, но признавая и въ нихъ дары небесные. *Да впаду въ руцѣ Господни, яко многи суть щедроты Его зѣло.* (1 Парал. XXI. 13.) А такимъ образомъ изъ преданности у него произникаетъ надежда: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.* (Псал. XXII. 4.) Изъ скорбей раждаются преизбыточествующія утѣшенія: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою.* (Псал. XCIII. 19.) Изъ страданій и умерщвленій жизнь и покой: *проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой.* (Псал. LXV. 12.)

Таковы суть нѣкоторые виды онаго желаннаго Давидомъ жительства въ дому Господни.

Надлежало бы простерть оные далѣе, разширить, возвысить и показать вамъ участь тѣхъ, которые не токмо *живутъ въ помощи Вышняго*, и *водворяются въ кровѣ Бога небеснаго*, (Псал. XL. 1.) Не токмо стоятъ съ

возведенными къ Нему очами, *яко очи рабъ въ руку Господїй своихъ,* и ожидаютъ, *дондеже ущедритъ ихъ,* (Псал. CXXII. 2.) но уже *веселятся радостїю съ лицемъ Его,* (Псал. XX. 7.) которые протекши опредѣленное имъ поприще очищенія; вступили въ высшія и чистѣйшія стези свѣта; *зрятъ* не токмо власть и силу Божію, во всемъ дѣйствующую, но и *красоту Господню,* во всемъ являющуюся; измѣряютъ близость Господа не столько страхомъ и трепетомъ, сколько любовію и восхищеніями.

Надлежало бы отверсть *Храмъ святый,* оное внутреннѣйшее святилище Божія на земли присутствія, гдѣ Богъ открывается ближе, нежели яко Владыка или Домовладыка; гдѣ Онъ благоволитъ быть познаваемъ избранными Своими, яко чадолюбивѣйшій Отецъ, яко самая любовь, яко совершеннѣйшее Единство; куда они восходятъ *утренневать,* не по десницѣ сего сшихійнаго неба, но по *денницѣ возсїявающей въ сердцахъ ихъ;* (2 Петр. I.

19) гдѣ ихъ собственная жизнь скрывается, какъ луна, и жизнь Христова восходитъ въ нихъ, яко солнце; гдѣ внятно слышатъ они, какъ Единородный Сынъ Божій *не стыдится братію нарицати их*; (Евр. II. 12) гдѣ какъ *приснымъ Богу* и *другамъ Своимъ*, Онъ *сказуетъ имъ все, что слышалъ отъ Отца Своего;* (Іоан. XV. 51.) гдѣ они *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе въ тойже образъ преобразуются отъ славы въ славу*, (2 Кор. III. 18.) и среди святѣйшія Церкви вездѣсущія, сами освящаются въ *церкви Бога жива*, въ которыхъ *живетъ Духъ Божій;* (1 Кор. III. 16.) гдѣ они даже и *не просятъ ничесоже:* ибо, находя всѣ молитвы свои уже исполненными еще прежде принесенія ихъ, могутъ токмо говорить съ Первороднымъ: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ мя еси;* (Іоан. XI. 41.) гдѣ наконецъ имъ, яко *наслѣдникамъ Божіимъ*, (Рим. VIII. 17.) усвояется все, такъ что, *міръ* ли, *или животъ, или смерть, или настоящая или будущая, вся их суть.* (1 Кор. III. 22.)

Но вотще бы слово человѣческое усиливалось извлечь и разсыпать по стогнамъ безцѣнныя и безчисленныя сокровища дома Господня. Единъ *Святый Истинный, имѣяй ключь Давидовъ, отверзетъ* (Апок. III. 7.) ихъ достойному, ищущему ихъ по слѣдамъ Давида.

Между тѣмъ уже мы можемъ усматривать къ наставленію нашему, сколь праведно Давидъ избралъ единымъ достаточнымъ предметомъ своихъ желаній, близость къ Богу, какъ область свободы и безопасности, какъ убѣжище отъ суеты и злобы міра, какъ открытое хранилище вышнихъ силъ, какъ твердыню отъ нападеній, какъ дверь милосердія, какъ горнило чистоты, какъ черпогъ свѣта, какъ святилище высочайшихъ таинствъ, какъ небо еще на земли, и вѣчность еще во времени.

И кто жъ бы не пожелалъ слѣдовать ему въ исканіи сего *единаго на потребу*, за сбрѣтеніемъ коего *все прилагается?* (Лук. X. 42. Матѳ. VI. 33)

Взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати Храмъ Святый Его. Чего хочетъ онъ искать? скажутъ: можетъ быть. Естьли Богъ вездѣсущъ: то и домъ Его вездѣ. Долго ли надобно искать того, чего потерять негдѣ? Тѣ, которые стали бы говорить такимъ образомъ, чрезъ сіе самое признались бы, что еще они, какъ должно, не искали жительства въ дому Господнемъ. Иначе не думали бы обладать онымъ такъ безпечно.

Богъ вездѣсущъ: но могутъ ли жить въ Его вездѣсущіи тѣ, которые не токмо не ищутъ близости къ Нему, но, естьли бы могли, то сами повелѣли бы Ему оставить ихъ: *отступи отъ насъ; путей твоихъ вѣдѣти не хощемъ?*— (Іов. XXI. 14.) Имъ возмѣрено будетъ избранною ими мѣрою. *Богъ не хотяй беззаконія Ты еси,* Господи! *не преселится къ Тебѣ лукавнуяй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Твоима.* (Псал. V. 5. 6.) *Удаляющіися отъ Тебе погибнутъ.* (Псал. LXXII. 27.)

Богъ Вездѣсущъ: но живутъ ли въ Его вездѣсущіи тѣ, которые ни окрестъ себя, ни въ себѣ, ничего не видятъ и не чувствуютъ, кромѣ міра и тварей; въ нихъ полагаютъ и весь свой трудъ и все свое успокоеніе; на слаждаются пріобрѣтеннымъ, какъ своею собственностію, а не даромъ Божіимъ; ищутъ потребнаго себѣ только у тѣхъ, которые, подобно имъ, ничего не имѣютъ собственнаго, и воспоминаютъ о Богѣ развѣ только для роптанія предъ Нимъ на свои недостатки?— нѣтъ! не рабы они Божіи, но изгнанники дома Господня, которые мнятъ царствовать въ своемъ заточеніи.

Богъ вездѣсущъ: но живутъ ли въ вездѣсуціи Его и тѣ, которые хотя и познаютъ Его вездѣсущіе, но составляютъ о немъ токмо скоропреходящіе, и никакого слѣда въ сердцѣ ихъ не оставляющіе, мысленные образы; хотя признаютъ Божій промыслъ, но не хотятъ усматривать Его непрестаннаго милованія и хране-

нія надъ самими собою, и вмѣсто того, чтобы *вкушать и видѣть, яко благъ Господь,* (Псал. XXXIII. 9.) хотя, кажется, *видятъ*, но совсѣмъ не *вкушаютъ?* — Они суть чуждые зрители дома Божія, которые иногда могутъ даже показывать другимъ нѣкоторые внѣшніе чертежи его; но сами не причащаются внутреннихъ благъ его, и не обладаютъ его сокровищами.

Богъ вездѣсущъ, и наипаче здѣсь во храмѣ *есть имя Его, и очи Его, и сердце Его:* (3 Цар. IX. 3.) но да не будетъ сіе сказано въ оскорбленіе сего священнаго мѣста — всѣ ли точно и здѣсь приступаютъ къ престолу вездѣсущія? Умолчимъ, какъ о *не сущихъ отъ сего двора,* о тѣхъ, которыхъ можетъ приводить сюда лицемѣріе, или нѣчто подобное. Нѣтъ ли даже между искренними любителями дома Божія такихъ, которые во храмѣ рукотворенномъ, въ семъ чувственномъ и ощзательномъ представленіи вездѣсущія, едва, едва обрѣтаютъ нерукотворенный храмъ Божія присутствія;

удерживаются долу тѣмъ самымъ что долженствовало бы воскрилять ихъ горѣ; слышатъ *глаголы* Божіи, но не ощущаютъ въ нихъ *духа и живота;* (Іоан. VI. 63.) предстоятъ при славословіяхъ, но не могутъ еще съ Давидомъ сказать себѣ самимъ: *возстани слава моя, возстани псалтирю и гусли!* (Псал. CVII. 3.) или наконецъ, когда и обрѣтаютъ нѣчто здѣсь, не умѣютъ того износить отселѣ въ напутствіе себѣ?

Богъ вездѣсущъ, и по неизреченному Своєму снисхожденію столько приближается ко всѣмъ и каждому, что, по изреченію Апостола, готовъ бы дать осязать Себя, когда не могутъ видѣть Его и внимать Ему: *да поче осяжутъ Его и обрящутъ яко не далече отъ единаго коегождо насъ суща:* (Дѣян. XVII. 27.) но, не смотря на сіе, многіе ли дерзнутъ исповѣдать о себѣ гласомъ божественной любви: *обрѣтохъ, Егоже возлюби душа моя; удержахъ Его, и не оставихъ Его?* (Пѣс. III. 4.)

И такъ истинная близость къ Богу должна быть предметомъ ревностнаго исканія, и плодомъ неослабнаго подвига. *Взыщите Господа, и утвердитеся: взыщите лица Его выну.* (Псал. CIV. 4.)

Давидъ не сказалъ намъ, какъ онъ будетъ искать жительства въ дому Господни: но самыя слова его: *просихъ, взыщу*, вразумляютъ насъ, что средствами его были— и нашими должны быть— всегдашняя молитва и постоянное обращеніе къ Богу всемъ существомъ своимъ, мыслію, сердцемъ, дѣятельностію.

Къ Тебѣ, Господи, воздвигаемъ души наши. (Псал. XXIV. 1.) *Тебѣ рече нынѣ сердце наше* съ сердцемъ возлюбленнаго Тебѣ Давида: *лица Твоего, Господи, взыщу.* (Псал. XXVI. 8.) Взыщи Самъ ищущихъ Тебе. Близъ еси намъ, Господи, паче, нежели мы себѣ самимъ. Введи убо насъ во святое и страшное, но вкупѣ и вожделѣнное, вездѣсущіе Твое, и даждь *еже жити* въ семъ *дому Твоемъ вся дни*

живота нашего. Отерати очи наши, еже не видѣти суеты: (Псал. CXVIII. 37.) но устрой ихъ *зрѣти* несозданную *красоту Твою.* Возбуди насъ отъ смертнаго сна грѣховнаго, и даруй намъ *утренневати* Тебѣ вѣрою и любовію, какъ въ часы моленія въ видимомъ храмѣ святыни Твоея, такъ и выну въ невидимомъ святилищѣ благодатнаго присутствія Твоего. Аминь.

СЛОВО

По освященіи Храма.

Слава же Господня вниде въ Храмъ, по пути вратъ зрящихъ на востокъ. И взя мя духъ, и введе мя во дворъ внутренній: и се исполнь славы домъ Господень. И страхъ, и се гласъ отъ храма глаголющаго ко мнѣ, и мужъ стояше близъ мене, и рече ко мнѣ: сыне человѣчь, видѣлъ ли еси мѣсто престола Моего, и мѣсто стопы ногъ Моихъ, идѣже вселится имя Мое средѣ дому Израилева въ вѣкъ? Іез. XLIII. 4. 5. 6. 7.

Сіи слова суть часть повѣствованія, въ которомъ Пророкъ Іезекіиль описываетъ великое видѣніе Храма. Для лучшаго вниманія, представимъ главнѣйшія обстоятельства видѣнія, и повторимъ содержаніе прочитанныхъ теперь словъ. Храмъ Іерусалимскій, разрушенный Вавилонянами, лежалъ въ развалинахъ. Пророкъ былъ въ плѣ-

ну Вавилонскомъ. Однажды, по собственному его выраженію, *была на немъ рука Господня*, и онъ въ Божественномъ видѣніи приведенъ на землю Израилеву. Здѣсь, на горѣ, представляется ему какбы зданіе города и храма. Является нѣкто, и измѣряетъ храмъ во всѣхъ его частяхъ. За сею частію видѣнія, въ которой показанъ Пророку планъ и долженствующее послѣдовать созданіе новаго храма, слѣдуетъ другая, въ которой представлено ему освященіе храма. Пророкъ выведенъ изъ него восточными вратами, и тѣми же вратами входитъ въ него слава Господня. По семъ Духъ опять беретъ пророка во храмъ, и онъ видитъ, что полнъ *славы домъ Господень*. Наконецъ, къ довершенію видѣнія, и для изъясненія видѣннаго, слышится изъ храма гласъ, и самъ Господь храма говоритъ Пророку: *сынъ человѣческій! видѣлъ ли ты мѣсто престола Моего?*

Не трудно усмотрѣть, что совершившееся нынѣ во храмѣ семъ имѣетъ сходство съ симъ пророческимъ видѣ-

ніемъ. Сходство можетъ быть, не случайное. Вѣроятно, Богомудрые чиноположители Церковные, дабы внушить намъ, что освященіе храма точно есть дѣло Божественное, въ чинѣ освященія сего подражали чину Божественнаго видѣнія Іезекіилева. Послѣ того, какъ вмѣсто измѣренія всѣхъ частей храма, мы знаменали всѣ части его святымъ крестомъ, который есть всеобщая мѣра всего зданія Церкви Христовой,— послѣ того, какъ духъ таинодѣйствія вывелъ насъ изъ храма,— провозглашено *шествіе Царя славы*, и слава Господня, слава Іисуса распятаго, яко на Херувимской колесницѣ, почивающая невидимо на священныхъ останкахъ пострадавшихъ за Него мучениковъ, дѣйствительно вошла во храмъ, только *не по пути вратъ зрящихъ на востокъ*, но путемъ вратъ ведущихъ къ востоку, ибо Церковь Новозавѣтная уже не ожидаетъ посѣщенія Востока съ высоты, какъ ожидала Ветхозавѣтная, но паче сама шествуетъ къ Востоку высоты, по слѣ-

дамъ *возшедшаго на небо небесе на востоки*, (Псал. LXVII. 34.) къ новому высочайшему откровенію славы Его. И такъ теперь естьли бы кто имѣлъ очи Іезекіилевы: тотъ безъ сомнѣнія и здѣсь увидѣлъ бы *полнъ славы домъ Господень*.

Вообрази же, зритель сего новоявленнаго дома Господня, что Господь наполняющій теперь сіе мѣсто Своею Божественною славою, и тебя, какъ Іезекіиля, вопрошаетъ: *сыне человѣчь, видѣлъ ли еси мѣсто престола Моего?* Но для чего я сказалъ: вообрази? Какъ будто мы заставляемъ тебя воображать то, чего нѣтъ дѣйствительно. Не по произволу нашему изтязуемъ тебя симъ вопрошеніемъ; мы приближаемся къ тебѣ только для того, что бы сдѣлать оное для тебя болѣе вразумительнымъ; *гласъ* сей исходитъ *изъ храма*, изъ самой внутренности его, изъ самой сущности его. Естьли чинъ освященія не есть цѣпь праздныхъ обрядовъ, но таинодѣйствіе одушевленное Духомъ Господнимъ;

естьли храмъ Божій не то, что зданіе художника; то Духъ Господень во истину дышетъ здѣсь и тебѣ, присутствіе Божіе во истину глаголетъ и тебѣ: *сыне человѣчь, видѣлъ ли еси мѣсто престола Моего?*

Для чего сіе вопрошается? спросить кто либо взаимно. О первенствующем: вопросъ предложенный Богомъ Пророку не могъ, и не можетъ быть безполезенъ. Углубимъ вниманіе, и почерпнемъ наставленіе.

Дѣло состоитъ въ томъ, что бы каждый тщательно и безпристрастно испыталъ самаго себя, видитъ ли онъ духомъ, и ощущаетъ ли, какъ должно, во храмѣ Божіемъ присутствіе славы Божіей.

Не сказалъ бы кто на сіе, что въ такомъ испытаніи совсѣмъ нѣтъ нужды, по тому что слава Божія невидима и непостижима. Не знаю, находилъ ли кто сію мысль въ умѣ своемъ: но примѣтно, что она лежитъ у сердца многихъ, какъ мягкое возглавіе, на которомъ они дремлютъ во храмахъ,

пребывая въ нихъ безъ вниманія и чувствованія, и не сокрушаясь о своей разсѣянности и безчувствіи. Испытаемъ, не льзя ли пробудить ихъ яснымъ свѣтомъ сей самой славы, которую они почитаютъ совершенно невидимою. Посмотрите, сколь видима она въ скиніи Моисеевой и въ храмѣ Соломоновомъ. *И сконча Моисей*, говоритъ книга Исхода, *вся дѣла. И покры облакъ скинію свидѣнія, и славы Господни исполнися скинія. И не можаше Моисей внити въ скинію свидѣнія, яко осѣняше надъ нею облакъ, и славы Господни исполнися скинія.* (Исх. XL. 33. 34. 35.) *И внесоша*, повѣствуетъ книга Царствъ, *Іереи кивотъ завѣта Господня на мѣсто его въ Давиръ храма, во святая святыхъ подъ крила херувимовъ. И бысть егда изыдоша Іереи изъ святилища, и облакъ исполни храмъ Господень. И неможаху Іереи стати служити отъ лица облака, яко исполни слава Господня храмъ.* (3 Цар. VIII. 6. 10. 11.) Такъ вселялась слава Господня въ скинію и храмъ во время ихъ освященія: и съ сего вре-

мени обитала въ нихъ безъисходно такъ, что истинные Богопочитатели для того и входили въ сіи священныя мѣста, что бы видѣть славу Господню, что бы ощущать ея присутствіе; и не находили для себя ничего вожделѣннѣе, какъ быть въ семъ блаженномъ ощущеніи. *Тако во святѣмъ явихся Тебѣ*, взываетъ Давидъ къ Богу, *видѣти силу Твою и славу Твою.* (Псал. LXII. 3.) И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его.* (Псал. XXVI. 4.) Чтожъ? не ужели слава храма и скиніи кончилась со скиніею и храмомъ? Не ужели Божество болѣе присутствіе Свое открывало во святилищѣ ветхозавѣтномъ, нежели въ Церкви Христіанской? Не можетъ быть! Ибо весь *законъ* Моисеевъ, по изъясненію Апостола, *имѣлъ* только *сѣнь грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей* (Евр. X. 1.) небесныхъ и божественныхъ: слѣдственно и въ

святилищѣ ветхозавѣтномъ видѣнъ былъ не открытый свѣтъ славы Божіей, но только тѣнь сего свѣта, по чему слава Божія и являлась тамъ въ видѣ *облака*. А *насъ*, говоритъ тотъ же Апостолъ, Богъ *удоволилъ служители быти нову завѣту, не писмене, но духу: писмя бо убиваетъ, а духъ животворитъ*. (2 Кор. III. 6.) Изъ сего заключаетъ онъ далѣе, что слава новозавѣтнаго священнослуженія далеко превосходитъ славу ветхозавѣтнаго: *аще ли*, говоритъ, *служеніе смерти писмены образовано въ каменехъ бысть въ славу, яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеево, славы ради лица его престающія: како не множае паче служеніе духа будетъ въ славѣ?* (7. 8.) Наконецъ присовокупляетъ онъ, что мы можемъ не только видѣть славу Господню, но и сами пріобщаться ея, и постепенно преображаться въ ея подобіе: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, яко же отъ Господня Духа.* (18.) И

такъ не вѣрьте лукавой слѣпотѣ, которая смѣетъ увѣрять, что не льзя видѣть на небѣ солнца, и что предъ нимъ всѣ равно слѣпы; ибо хотя то правда, что предъ нимъ и ясное око слѣпотствуетъ, однако слѣпотствуетъ не по недостатку, но по преизбытку видѣнія. Не вѣрьте лжеименному разуму, который, будучи слѣпъ для созерцанія славы Божіей, и убѣгая стыда признаться въ слѣпотѣ своей, дерзаетъ увѣрять, что и вѣра не больше его видитъ въ Церкви. Не вѣрьте лукавой и лѣнивой плоти, которая, не терпя принужденія долженствующаго разсѣять ея чувственную дремоту, мечтаетъ для своего успокоенія, что и ходящіе по духу не больше ея бодрствуютъ. Есть таинственное видѣніе невинной славы Божіей во храмѣ, для ока вѣры; есть живое ощущеніе присутствія въ немъ Божія, для чувства духовнаго. И по тому, Христіанинъ, естьли вожделѣнно для тебя состояніе вѣры; естьли драгоцѣнно увѣреніе, что ты на пути духа: то по-

ставь себя со всею строгостію въ сіе Божественное испытаніе, видишь ли ты славу Боя ію, ощущаешь ли присутствіе Божіе во храмѣ? *Видѣлъ ли еси мѣсто престола Моего?*

Вижу я и еще убѣжище, куда нѣкоторые хотятъ уклониться отъ сего труднаго испытанія. Возможно ли, говорятъ, отъ каждаго требовать видѣнія того, что показано было Пророку? О естьли бы сія темная куща, которую хотятъ поставить на Ѳаворѣ, созидалась точно въ жилище смиренію, а не въ по кровъ плоти, *отягченной сномъ* и среди Ѳаворскаго свѣта! По крайней мѣрѣ, какъ Петръ о поставленіи на Ѳаворѣ кущей для себя и соучениковъ, и для Самаго Преобразившагося Спасителя, но не для Моисея и Иліи, бывшихъ тутъ же *во славѣ*, предлагалъ, *не вѣдый, еже глаголаше:* (Лук. IX. 33.) такъ не знаютъ, что говорятъ, и тѣ, которые на горѣ Господней, *въ селеніи славы* Божіей, хотятъ поставить себѣ мрачную кущу невѣденія, и думаютъ, что здѣсь-то имъ *добре*

есть быти. По чему вы думаете, что при полуденномъ, (или можетъ быть уже вечернемъ,) свѣтѣ Хрісціанства, вамъ прилично скрываться отъ видѣнія славы Божіей, которой зарю, еще въ нощи ветхозавѣтнаго времени жаждали видѣть Патріархи и Пророки, *и видѣли, и радовались?* (Іоан. VIII. 56.) Посѣщеніе Востока съ высоты, воплощеніе Сына Божія открыло міру болѣе, нежели что видѣли Пророки; какъ Онъ Самъ говоритъ Апостоламъ: *блажени очи видящіи, яже видите. Глаголю бо вамъ, яко мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша.* (Лук. X. 24.) Облакъ, который *подъялъ Его отъ очію* Апостоловъ, ничего не закрылъ отъ вѣры ихъ и нашея. То, чѣмъ блаженны были очи Апостоловъ, и по вознесеніи Христовомъ осталось видимымъ въ Его славныхъ обѣтованіяхъ: *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка;* (Матѳ. XXVIII. 20.) *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь*

посредѣ ихъ. (Матѳ. XVIII. 20.) И потому Апостолъ не Пророкамъ только и Апостоламъ усвояетъ видѣніе славы Господней, но всѣмъ, только, разумѣется, истиннымъ и достойнымъ, Христіанамъ: *мы вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся.* Внимай, Христіанинъ, и разумѣй, что не требуютъ отъ тебя пророческаго достоинства, но качества *всѣмъ* истиннымъ Христіанамъ общаго требуютъ, когда вопрошаютъ: видишь ли ты славу Божію во храмѣ? *видѣлъ ли еси мѣсто престола Моего?*

Нѣтъ убѣжища, нѣтъ извиненія. Или скажи, что ты видишь; и тогда мы скажемъ тебѣ; *блажени очи видящіи!* Или признайся, что не видишь; и тогда ищи *коллуріи помазать очи твои, да видиши;* (Апок. III. 13.) а естьли и о семъ нерадѣть будешь, то знай, что слѣпоту твою ожидаетъ тьма кромѣшняя.

Войдемъ же наконецъ въ самое дѣйствіе духовнаго испытанія; и дабы

посредствомъ сего испытанія могли узнать себя и тѣ, которые не имѣютъ еще духовной опытности, и необладаютъ даромъ различенія духовъ и духовныхъ дѣйствій, то прежде обратимся не къ состоянію видѣнія и ощущенія духовнаго, можетъ быть, незнакомому многимъ изъ насъ, но къ состоянію невидѣнія и нечувствія, не только всѣмъ общему по плотской природѣ, но не рѣдко встрѣчающемуся и съ тѣми, которые стараются ходить по духу. Вспомнимъ, что сіе мѣсто за три часа предъ симъ было не болѣе, какъ составъ камней, древъ и металловъ, и естьли жилъ въ семъ составѣ какой духъ, то развѣ духъ художника и строителя сего зданія. Помыслимъ, что теперь оно уже совсѣмъ не то, *нѣсть сіе*, скажемъ словами Боговидца Іакова, *не домъ Божій, и сія врата небесная.* (Быт. XXVIII. 17.) Вспомнимъ, съ какимъ чувствомъ взирали мы здѣсь прежде на простое дѣло рукъ человѣческихъ. Сравнимъ съ онымъ то чувство, съ какимъ теперь

здѣсь же взираемъ на святилище Божіе, новосозданное силою тайнодѣйствія. Естьли тотъ же, какъ прежде, чувственный взоръ измѣряетъ пространство зданія, или покоится на блистающихъ украшеніяхъ; естьли таже, какъ прежде, разсѣянная мысль проходитъ отъ предверія до олтаря храма, и не знаетъ, на чемъ остановиться; естьли сердце остается въ хладномъ равнодушіи ко всему, что здѣсь совершается, или возбуждается только любопытствомъ, питается только новостію; естьли духъ, нечувствуя себя, продолжаетъ дремать на *камнѣ*, и никакимъ внутреннимъ движеніемъ не пробуждается, дабы узнать, что онъ очутился *во вратахъ небесныхъ:* то нечего далѣе испытывать; должно сказать рѣшительно, что мы не видимъ селенія славы Господней и мѣста престола Господня; мы со всѣмъ не были при освященіи храма; преграда не проницаемѣе каменной стѣны отдѣляетъ духъ нашъ отъ духовнаго святилища Божія, хотя тѣ-

ломъ и стоимъ мы въ стѣнахъ рукотвореннаго храма. Вотъ состояніе подобное состоянію идоловъ и идолопоклонниковъ, какъ описываетъ ихъ Псалмопѣвецъ: *идоли языкъ сребро и златъ, дѣла рукъ человѣческихъ: очи имутъ, и не узрятъ; уши имутъ, и неслышатъ; подобни имъ да будутъ творящіи я, и вси надѣющіися на ня.* (Псал. CXIII. 12. 16.) Сколь же и стыдно, и горестно, и страшно предъ лицемъ Бога живаго быть въ состояніи безчувственнаго идолопоклонства!

Кто по благодати Божіей примѣчаетъ во внутренности своей нѣчто лучшее: тотъ измѣряй степень и испытуй чистоту своего видѣнія по видѣнію истинныхъ Боговидцевъ; и, видя свѣтъ духовный, благодари Свѣтодавца Бога, а отъ призраковъ духа лживаго бѣгай не менѣе, какъ и отъ тьмы плоти.—

Когда Пророкъ, давшій намъ предметъ настоящей бесѣды, въ чистомъ, Божественномъ видѣніи увидѣлъ славу Божію; тогда, повѣствуетъ онъ самъ

о себѣ: *падохъ на лице мое.* Подобно сему и другой Пророкъ, когда *увидѣлъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превоснесенѣ, и исполнь домъ славы Его;* тогда воскликнулъ. *о окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу, и Царя Господа Саваова видѣхъ очима моима!* (Иса. VI. 1. 5.) Есть ли и ты, Христіанинъ, съ той минуты, какъ провозглашено во вратахъ сихъ шествіе *Господа силъ, Царя славы,* повергся духомъ твоимъ предъ Его величіемъ такъ что, подобно падшему ницъ, видишь и чувствуешь только свою низость и высоту Покланяемаго, и сокрушаешься о своемъ недостоинствѣ быть въ Его присутствіи: то дерзай вѣровать, что сіе чувство своего ничтожества и недостоинства впечатлѣно въ тебя близостію и присутствіемъ, хотя еще не видимой, славы Божіей; и что естьли ты утвердишься въ семъ смиренномъ состояніи то и тебя, какъ Іезекіиля, воздвиг-

нетъ духъ, и покажетъ тебѣ *полнъ славы домъ Господенъ.*—

Когда святое чувство присутствія Божія посѣщало Божественнаго Псалмопѣвца: тогда онъ находилъ, что никакая, даже малѣйшая, часть существа его не была упражнена собою или другими тварями, но все безъ остатка было въ немъ обращено къ пріятію и возвѣщенію славы Божіей: *вся кости моя рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ?* (Псал. XXXIV. 10.) Естьли и въ тебѣ, Христіанинъ, и умъ о Богѣ только помышляетъ, и сердце только Бога взыскуетъ, и въ самыхъ чувствахъ только сіи духовныя движенія отражаются: то благо тебѣ; уже духъ вземлетъ тебя, и скоро, можетъ быть, явственно узришь ты мѣсто престола Божія.—

Когда Іисусъ Христосъ, по славномъ воскресеніи Своемъ, явился двумъ ученикамъ Своимъ на пути: тогда хотя тѣлесныя очи ихъ не узнали Его, но сердце ихъ воспылало неизъяснимымъ чувствомъ присутствія Его.

Не сердце ли наше, говорили они послѣ, *горя бѣ во насъ, егда глаголаше намъ на пути?* (Лук. XXIV. 32.) Такъ и въ васъ, братія, свѣтомъ ли радости озаряется и разширяется сердце, стремящееся молитвою къ Богу; пламенемъ ли любви возгарается и растопляется, и особенно тогда, когда вы земную радость и любовь видите для васъ умершими: то благословенна ваша радость и любовь, и благословенъ Тотъ, Кто въ ней сокровенно является, и явно сокрывается. Се Тотъ, Который сказалъ Своимъ: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше.* (Іоан. XVI. 22.) Се Тотъ, Который обѣщалъ: *любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ.*— (Іоан. XIV. 21.)

Ни время, ни предметъ, не позволяетъ намъ болѣе говорить о высшихъ степеняхъ таинственнаго видѣнія славы Господней. *Тайна Господня боящимся Его, и завѣтъ Его явитъ имъ.* (Псал. XXIV. 14.) Онъ Самъ въ духѣ пока-

жетъ имъ то, о чемъ языкъ плоти тщетно нѣмотствуетъ.

Но что скажемъ для тѣхъ, которыхъ душевныя очи или совсѣмъ слѣпотствуютъ невѣріемъ, или повреждены и омрачены разсѣяніемъ и нерадѣніемъ? Гдѣ найдемъ *коллурій* для ихъ врачеванія? Пророку, послѣ видѣнія храма, Богъ далъ, для лишенныхъ сего видѣнія повелѣніе: *Сыне человѣчь, покажи дому Израилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.* (Іез. XLIII. 10.) Какъ бы такъ сказалъ Господь: домъ Израилевъ не видитъ храма, и сѣтуетъ на Вавилонянъ, которые лишили его радости сего видѣнія. Скажи дому Израилеву, что не Вавилоняне лишаютъ ихъ видѣнія храма: грѣхи ихъ лишаютъ ихъ видѣнія храма. Покажи имъ показанный тебѣ чертежъ, новаго храма: и естьли они желаютъ узрѣть славу Его, то пусть очистятъ для сего чувства и сердца, грѣхами омраченныя и осквернныя. *Покажи дому Израилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.* Естьли и мы, хва-

лящіеся именемъ новаго Израиля, подобно древнему, за не чистоту грѣховную лишены духовной радости духовно созерцать славу дома Господня и мѣсто престола Его: то и для насъ сказано: *покажи долу Израилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.* Взирая на священное благолѣпіе храма видимаго, будемъ помышлять о несравненной славѣ внутренней, таинственно въ немъ обитающей; и есть-ли духъ нашъ не просвѣщается Божественнымъ видѣніемъ, есть-ли сердце не оживляется небеснымъ ощущеніемъ, то, дабы изцѣлить душу нашу, употребимъ все тщаніе сохранить себя отъ грѣховъ, которые омрачаютъ ее, и повергаютъ въ духовное нечувствіе.

Царю Господи Саваоѳъ! Ты единъ еси свѣтъ свѣтовъ, и жизнь жизней. Просвѣщай выну и исполняй жизнію Твоею, какъ послужившихъ Тебѣ созданіемъ сего храма во славу Твою, такъ и всѣхъ посѣщающихъ храмъ святый Твой, да видятъ нынѣ славу Твою *въ зерцалѣ и гаданіи* священныхъ

тайнодѣйствій, а нѣкогда *узрятъ* и Тебе Самаго, *якоже еси,* и будутъ жить въ Тебѣ, *Господи Вседержителю*, егда Ты самъ будеши *храмомъ* (Апок. XXI. 22.) Іерусалима Небеснаго. Аминь.

Говорено 1820 года Іюля 18 дня, въ Тверскомъ Рожественскомъ Монастырѣ по освященіи Соборнаго Хрїсто-Рождественскаго Храма, воздвигнутаго тщаніемъ ея Превосходительства Агаѳоклїи Александровны Полторацкой.

СЛОВО

Въ 15 день Сентября, 1814 года, при Торжественномъ воспоминаніи вѣнчанія на Царство и Священнаго Мѵропомазанія Благочестивѣйшаго Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло. Псал. XX. 2.

Не будемъ нынѣ изслѣдывать, Слушатели, чья наипаче радость изходитъ изъустъ Давида въ семъ восклицаніи молитвенномъ: собственная ли радость Давида, когда онъ, въ нѣкоторый, подобный настоящему день съ торжественною благодарностію воспоминалъ, какою чудесною *силою* вознесенъ онъ былъ отъ стада на престолъ, и колико крапъ видѣлъ *спасеніе* Господне явленное для себя, и въ себѣ для цѣлаго народа; или пред-

вкушаемая радость Мессіи, Котораго въ пророческомъ духѣ созерцалъ онъ возшедшаго на высоту, и сѣдящаго яко Царя, одесную *силы* Божія, да въ Немъ узритъ всяка плоть *спасеніе* Божіе. Будучи не только пророкъ Христа Богодухновеннымъ словомъ, но и пророчественный образъ его, Богоправимою жизнію, Давидъ могъ слiять сію сугубую радость во едину. Какъ бы то ни было, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Царь по сердцу Божію возвѣщаетъ намъ радость истинно Царскую.

Сынове Сіони! Вы предстоите здѣсь для того, что бы предъ Богомъ *возрадоваться о Царѣ своемъ* отъ Бога помазанномъ, вѣнчанномъ и превознесенномъ. Праведно! Ибо истинная радость Царя и царства едина есть. И такъ вслушаемся прилѣжнѣе въ священный гласъ радости сея изходящій изъ устъ Царя Пророка; послѣдуемъ, сколько можемъ, его восхищенію, или паче, наставленію: онъ ведетъ насъ чрезъ радость Царя въ

радость Господа; онъ проповѣдуетъ *силу Божію и спасеніе Божіе,* какъ твердѣйшее основаніе и чистѣйшій источникъ *Царственной радости.*

Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло.

Радость и щастіе Царя и царства начинается тогда, когда ощущается сила отражающая страхъ коварствъ или насилій, въ которомъ каждое общество естественно находится. Естьли законъ гражданскій ручается за безопасность частную: то спокойствіе общественное и неприкосновенность самаго закона охраняется силою. Сердце государства слабаго потрясается отъ каждаго движенія происходящаго близъ его предѣловъ: и легкій вѣтръ молвы кажется ему грозною бурею.

Но естьли слабыя царства принуждены быть въ непрестанномъ безпокойствѣ со стороны сильныхъ: то и сильныя не менѣе могутъ страшиться сильнѣйшихъ, и сильнѣйшія

союза многихъ, или щастливой дерзости единаго. И гдѣ же основаніе, на которомъ бы могущество сильныхъ земли утверждалось незыблемо? И естьли невозмущаемая радость для Царей и царствъ?

Человѣки проходятъ сушу и море, ища подпоръ для своего утвержденія, и пристанища для своей безопасности. Въ искуствѣ Градодержавства, принятомъ отъ міродержителей цѣлы вѣка сего, сила и насиліе, мудрость и ухищренія, мужество и дерзость, искренность и притворство, вѣрность и клятвопреступленіе, союзы и распри, миръ и война, золото и желѣзо, словомъ, все безъ разбора пріемлется орудіемъ для созиданія мечтательнаго величія и могущества. Но сіе обиліе въ средствахъ, всегда ли,— по крайней мѣрѣ, часто ли приводитъ къ желанной цѣли? Даетъ ли преимущество предъ тѣми, которыхъ и предпріятія, и пособія къ ихъ совершенію, заключаются въ предѣлахъ справедливости?— О! естьли бы тѣ, которые

столь неутомимо работаютъ надъ сооруженіемъ великаго кумира суеты, непрестанно разсыпающагося въ рукахъ ихъ, упразднились, и *обратились* бы съ Соломономъ къ безпристрастному разсмаприванію *суеты!* Подобно ему, они бы *увидѣли подъ солнцемъ, яко ни легкимъ теченіе, ниже сильнымъ бранъ, ниже самому мудрому хлѣбъ, ниже разумнымъ богатство, ниже вѣдущимъ благодать: яко время и случай случится всѣмъ симъ.* (Еккл. IX. 11.)

Время и случай: такъ на языкѣ міра называетъ премудрый недовѣдомую міру причину произшествій. Но что есть время, какъ не движеніе вещей подъ перстомъ Вѣчнаго? Что есть случай, какъ не сила невидимая, сокрытая въ дѣйствіяхъ видимыхъ, но не предвидимыхъ;— тѣнь руки Вседержителевой; — облаченіе Провидѣнія? — О время, на котораго непостоянство толико жалуются легкомысленные, и которое столько же обвиняютъ въ медленности, какъ и въ скорости! Колико вѣрнымъ показалось бы ты намъ,

естьли бы мы внимательнѣе наблюдали твое вышнее измѣреніе— милостію и судомъ, искушеніемъ и воздаяніемъ, долготерпѣніемъ и наказаніемъ! О случай, которому слѣпотствующіе зрители міра приписываютъ собственную ихъ слѣпоту! Колико бы ты явился провидящъ и праволученъ, когда бы мы довольно имѣли прозорливости, что бы открыть тайную руку направляющую твои стрѣлы на ихъ мету, и отличить, подобно пророку, *стрѣлу спасенїя* (4 Цар. XIII. 17.) отъ стрѣлы всегубительства!

Дотолѣ все въ мірѣ, какъ непонятно и сомнительно, такъ ненадежно и опасно для насъ: доколѣ, не примѣчая въ немъ вышней премудрости всеучреждающей, и силы всесозидающей, мы думаемъ устроить на земли свое блаженство собственнымъ только мудрованіемъ и усиліями. *Вотще* говоритъ пророкъ Моаву, *имѣлъ еси надежду во оградахъ твоихъ, и въ сокровищахъ твоихъ: и ты ятъ будеши.* (Іер. XLVIII. 7.) *Нощїю,* то есть, внезап-

но и непредвидѣнно, *погибнетъ Моавитска земля,* предрекаетъ другой. (Иса. XV. 1.) *Вѣда,* взываетъ третій къ князю Тирскому, *вѣда хитростїю твоею или смысломъ твоимъ сотворилъ еси себѣ силу?— или во многѣй хитрости твоей, и въ купли твоей умножилъ еси силу твою?— умреши смертїю язвенныхъ въ сердцѣ морстѣмъ.* (Іез. XXVIII. 4. 5. 8.) Будемъ, Слушатели, внимательны и къ настоящимъ судамъ Божіимъ, также какъ и къ древнимъ; и пріимемъ отъ устъ пророка совершившуюся уже притчу сію на новаго Царя Вавилонскаго, на сего надмѣннаго исполина недавно мечтавшаго раздѣлить державу вселенныя со Вседержителемъ: *сокруши Богъ яремъ грѣшниковъ, поразивъ языкъ* грѣшный, работающій властителю неправедному, *язвою ярости, его же не пощадѣ.* (Иса. XIV. 5. 6.) Безсмертный годъ благословенныя Богомъ державы, коему священный предѣлъ нынѣ полагаемъ! Ты гласомъ грома взываешь къ симъ *шатающимся* дерзостію *языкамъ,* и не престанешь взывать къ

родамъ грядущимъ, *да не глаголютъ высокая въ гордыни,* и *да не хвалится сильный* о себѣ, *силою своею: но о семъ да хвалится хвалляйся, еже разумѣти и знати Господа.* (1 Цар. II. 3. 10.)

Блаженъ народъ, который не дѣлая себѣ идола изъ собственнаго могущества, славы и величія, *полагаетъ сердце свое въ силу Божію. Блажени людіе, имже Господь Богъ ихъ. Предзря его выну предъ собою,* и *одесную себя,* они *не подвижутся* никакимъ смятеніемъ и опасностію. Царство, управляемое вѣрою и упованіемъ на Бога, естьли возмущается несправедливостію и притязаніями сыновъ чуждихъ, успокоивается *въ Богѣ Судителѣ праведномъ и крѣпкомъ;* естьли угрожается насиліемъ, прибѣгаетъ *къ Богу препоясующему силою;* естьли открыто ковамъ тайнымъ и нападеніямъ нечаяннымъ, имѣетъ *Хранителя,* который *не воздремлетъ ниже уснетъ;* естьли даже изъемлется, *чаетъ Бога спасающаго* немощныхъ *отъ малодушія и отъ бури* отчаянія. Вступая въ праведную брань, оно дерзаетъ противу цѣлаго

міра, признавая верховнымъ вождемъ своимъ Того, Который благоволилъ нарещися *Богомъ воинствъ*, (Псал. XXIII. 10.) который *изходитъ въ силахъ* возлюбленнаго Ему народа и *даетъ крѣпость людемъ Своимъ*. Пріобрѣтая миръ, оно сугубо наслаждается имъ, и какъ благомъ земнымъ и какъ благословеніемъ небеснымъ, зная, что *Господь благословляетъ люди Своя миромъ*. А когда *о Богѣ сотворитъ* оно себѣ такую *силу*, въ которой и враги его начнутъ усматривать перстъ Божій: тогда его радость и веселіе столькоже неотъемлемы у него, сколько сила Божія непобѣдима, милость непреложна и слава неприкосновенна.

И сія-то радость, сіе-то веселіе отверзаютъ сердце и уста Царя псалмопѣвца: *Господи, силою Твоею возвеселится Царь*. Не могущество человѣческое, не могущество собственное утѣшаетъ меня, Господи! суетно то утѣшеніе, которое міръ можетъ и даровать и похитить. Но когда помышляю, что Ты устроилъ меня избраннымъ ору-

дiемъ Твоея силы; тогда въ благодарномъ восхищеніи я забываю самаго себя; я ощущаю токмо Твою вседѣтельную силу, о ней веселюся, ее славословлю, ею живу и блаженствую. *Господи, силою Твоею возвеселятся Царь.*

Впрочемъ чувствованіе могущества есть еще половина царственной радости. *Господи силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло.*

Естьли сила и могущество царей и народовъ есть талантъ ввѣряемый имъ отъ Господа силъ: то не иначе, какъ вѣрностію въ его употребленіи, могутъ они обогатиться до преизбытка, и внити въ полную радость Господа своего. Естьли рабъ, сокрывающій въ землю свое сокровище и не приносящій Господу лихвы своего дѣланія, и находитъ нѣкоторое успокоеніе въ безпечности своей и услажденіе въ своекорыстіи: но вскорѣ является Судія и Мздовоздатель, и призракъ щастія изчезаетъ.

Было время, когда самый Давидъ— ибо и праведники падаютъ— когда самый Давидъ возжелалъ насладиться только могуществомъ своимъ, которое онъ думалъ видѣть во многочисленности повинующагося ему народа; *да увѣмъ число людемъ.* (2 Цар. XXIV. 2.) Но еще онъ не вкусилъ сего наслажденія, какъ уже впалъ въ гнѣвныя руцѣ владѣющаго царствомъ человѣческимъ: *и даде Господь смерть во Израили.* То, что содѣлалъ здѣсь Богъ рукою чудодѣйственною, вразумляя своего избраннаго, совершается нѣкоторымъ образомъ и повсюду самымъ естественнымъ теченіемъ дѣлъ человѣческихъ. Тогда, какъ на земли живѣйшимъ образомъ начинаютъ ощущать собственное могущество, въ слѣпомъ самонадѣяніи проповѣдывать *миръ и утвержденіе,* исчислять токмо выгоды, а необязанности сопряженныя съ дарованною отъ Бога силою; тогда въ судьбахъ небесныхъ уже написанъ приговоръ разрушенія и *всеистребительства: и даде Господь смерть во*

Израиля. Отъ мечтательнаго самодовольства раждается безпечность; безпечностію питается роскошь; а сія есть уже язва смертная и на крѣпость, и на мудрость, и на благоустройство, и на обиліе.

Но если ли успокоивающее чувствованіе могущества опасно тогда, когда оно погружаетъ въ мечтательное самодовольство и бездѣйствіе; то не менѣе пагубно и тогда, когда сила становится только средствомъ къ умноженію силы, и приводится въ дѣйствіе духомъ преобладанія: ибо сила погубляется какъ бездѣйствіемъ, такъ и непрестаннымъ напряженіемъ. Хотя бы духъ преобладанія и не былъ осуждаемъ верховнымъ Владыкою міра: онъ долженъ рано или поздно самъ уготовать себѣ гибель потому, что принужденіемъ возбуждаетъ противъ себя и противоборствующія и поборствующія ему силы; раздражаетъ въ одно время и притѣсняемыхъ, и тѣхъ, которые могутъ опасаться притѣсненія, и чрезъ самыя завоеванія и по

рабощенія превращаетъ только враговъ внѣшнихъ и открытыхъ, въ домашнихъ и сокровенныхъ. Но и взаимно, хотя бы онъ не былъ во враждѣ самъ съ собою: онъ долженъ быть истребленъ правосудіемъ Вседержителя, производя въ Его державѣ крамолу и возмущеніе, и преступая предѣлы судебъ Его. *Егда раздѣляше Вышній языки*, говоритъ первый дѣписатель міра, *постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ:* (Втор. XXXII. 8.) конечно въ сіе время положено было и то, да будетъ единъ Вышній *Царемъ всея земли.* (Псал. XLVI. 8.) Каждый, кто когда либо съ Царемъ Вавилонскимъ желалъ въ семъ *быти подобенъ Вышнему*, и домогался всемірнаго единовластительства, подвергался единому съ Царемъ Вавилонскимъ осужденію: *во адъ снидеши и во основанія земли:* (Иса. XIV. 14. 15.)

Одно только есть истинное, такъ какъ и естественное, направленіе народнаго могущества — направленіе ко благу общественному и *спасенію*

бѣдствующаго человѣчества. Естьли Царь и народъ имѣютъ то благословеніе Провидѣнія, что ихъ сила, открываясь въ собственномъ ихъ спасеніи отъ опасности, простирается и на спасеніе другихъ народовъ страждущихъ подъ тяжкимъ и несправедливымъ игомъ: тогда щастіе оныхъ необманчиво, и радость ихъ исполнена. Естьли Богъ, не только намъ, но и чрезъ насъ являетъ спасеніе Свое; то мы есмы не только предметъ, но и дѣйствующее орудіе промысла Его; и что можетъ быть надежнѣе сего состоянія, только бы мы своеволіемъ не изпорглись изъ руки Его? мы есмы споспѣшники благости Его; и что можетъ быть величественнѣе и блаженнѣе сего служенія?

По сему-то *сила Божія* и *спасеніе Божіе* составляютъ полную *радость* и *веселіе* Богоправимаго Царя. Слѣдуя болѣе небеснымъ, нежели земнымъ внушеніямъ и ощущеніямъ, онъ не радуется о погибели своихъ враговъ: видя ихъ паденіе, онъ сѣтуетъ о ихъ

ожесточеніи, милуетъ ихъ нещастіе. Не устремляется отъ побѣдъ къ преобладанію: но восхищается тѣмъ, что, спасенный Богомъ, имѣетъ власть споспѣшествовать спасенію людей Божіихъ. Не превозносится высотою своего служенія: онъ бы устрашился его, естьли бы *не предложилъ Бога помощника себѣ.* Не утѣшается своею славою: но приноситъ ее Богу Спасителю. *Господи, силою Твоего возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло.*

Такова, Слушатели, радость Давида, и— такова радость АЛЕКСАНДРА;— такова наконецъ—поколику и мы можемъ раздѣлять ее— такова должна быть всеобщая радость настоящаго дня. Не слышите ли вы еще и нынѣ радостными сердцами, какъ Благочестивѣйшій САМОДЕРЖЕЦЪ, въ то самое время, когда желаетъ воздать достойную славу побѣдоносному воинству своему, возносясь духомъ къ Богу, воспѣваетъ Давидскую пѣснь: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу?* Или, какъ, показуя намъ совер-

шившіяся подъ его водительствомъ чудеса брани, паки восклицаетъ Давидски: *кто Богъ великій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!* Или, какъ, управляя сердцами разнонародныхъ воиновъ и правителей, плѣнивъ сердце враждебнаго царства силою оружія, и сердца враговъ правотою и благостію, на высотѣ своея славы, вновь исповѣдуетъ, что *единъ Богъ всемъ управляетъ.* И что еще? — блаженная преданность воли предержащей, волѣ всеуправляющей! — уже не токмо исповѣдуетъ сущее, но и предощущаетъ и предрекаетъ грядущее дѣйствіе промысла надъ своими дѣяніями. *Единъ Богъ,* говоритъ, *всемъ управляетъ: Онъ же и совершитъ сіе дѣло:* и великое дѣло спасенія сокрушенныхъ царствъ и стенящихъ народовъ и умиренія міра совершается!

Сынове Россіи! *возрадуемся о Царѣ своемъ*, и съ Царемъ своимъ, истинно царственною и Божественною радостію! Да пронесется по всѣмъ мѣс-

тамъ и временамъ грядущимъ, паче же да проникнетъ во всѣ сердца и души, животворящій *гласъ радости и спасенія,* слышанный Пророкомъ *въ селеніяхъ праведныхъ:* гласъ народной радости: *десница Господня сотвори силу;* гласъ веселія Царева: *десница Господня вознесе мя!* (Псал. CXVII. 15.)

Воистину, Господи, Ты Самъ *вознесъ избраннаго отъ людей Своихъ,* и *положилъ Его первенца, высока паче царей земныхъ. Силою Твоего веселится* Російскій Царь; и о *Твоемъ* токмо *спасеніи,* прежде надъ нами, потомъ чрезъ насъ и надъ всемъ родомъ христіанскимъ совершающемся, *радуется* благодареніемъ и упованіемъ. Въ сихъ чувствованіяхъ исходилъ Онъ прежде изъ предѣловъ своея Державы для защищенія и спасенія, и нынѣ исходитъ паки для умиренія и облагодѣйствованія народовъ. Воздаждь Ему исполнену сію радость великаго твоего спасенія. *Господи, спаси Царя,*

и услыши насъ, вмѣстѣ съ Нимъ, восписующихъ Тебѣ *славу и честь и силу*. Аминь.

СЛОВО

Говоренное въ присутствїи Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ Государей Великихъ Князей НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, предъ погребенїемъ тѣла Свѣтлѣйшаго Князя Михаила Иларїоновича Голенищева — Кутузова Смоленскаго, Іюня 13 дня 1813 года, въ Казанскомъ Соборѣ.

Благопоспѣшно бысть спасенїе рукою его: и огорчи цари многи, и возвесели Іакова въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословенїе. 1 Мак. III. 6. 7.

Такъ въ дѣеписанiи сыновъ Израилевыхъ, истина и признательность, совокупясь, старались одушевить чертами славы и безсмертiя, утѣшительный образъ Вождя, о потерѣ котораго *плакалъ и рыдалъ весь Израиль плачемъ велїимъ.* Не обновляются ли предъ вами сiи древнiя черты, не кажутся ли

онѣ теперь только взятыми съ величественнаго образа, который наполняетъ нынѣ ваши мысли, ваши сердца ваши чувства, сѣтующіе предъ Богомъ Сыны Россіи? — Пріидите; утвердимъ единодушно на предсіоящемъ гробѣ, столь давно готовое, и никогда не обрѣтавшее столь приличнаго мѣсіпа, надгробіе:

Благопоспѣшно бысть спасеніе рукою его: и огорчи цари многи, и возвесели Россію *въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословеніе.*

И такъ— онъ былъ для насъ поспѣшникомъ *спасенія:* и мы ли для него закоснѣемъ въ безплодномъ чувствованіи потери? *Огорчая* враговъ, онъ былъ нашимъ *веселіемъ:* и мы ли, неутѣшною о немъ печалію, нарушимъ его торжественный покой, и возвеселимъ враговъ нашихъ? Его память *даже до вѣка во благословеніе:* и гдѣ же время жалобъ и стенаній? Не отступай отъ насъ, безсмертная память мудраго и сильнаго Богомъ Вождя; утѣшай насъ благословеніемъ и похвалами тебѣ сопутствующими; со-

крой — естьли не можешь изцѣлить — или, по крайней мѣрѣ, укрась нашу скорбь, да не будетъ она оскорбленіемъ Безсмертному! —

Но нѣтъ! и цвѣты сельные не сіяютъ подъ бурнымъ небомъ; и плоды не созрѣваютъ среди дождей: и — среди бури смертной, подъ слезнымъ дождемъ, не созрѣваютъ ниже процвѣтаютъ похвалы безсмертныхъ. Чѣмъ обильнѣе было сѣяніе; тѣмъ долѣе не соберется жатва: и слабая рука не свяжетъ рукояти оливъ и лавровъ.—

Обратимся къ матернимъ внушеніямъ Церкви, да наставитъ насъ, и облегчитъ бремя, и совершитъ долгъ настоящаго торжественнаго сѣтованія. Она допускаетъ благословеніе и похвалу сопровождающія память блаженно усопшихъ восходитъ на сіе священное мѣсто, для того токмо, чтобы онѣ поучали оставшихся; позволяетъ славѣ смертныхъ, достигшихъ безсмертія, приближаться къ олтарю для того, чтобы преклонить ее предъ славою живущаго во вѣки вѣковъ; хо-

щетъ непремѣнно, чтобы мы здѣсь *возверзая на Господа печаль* (Псал. LIV. 23.) о умершихъ, возносили Ему въ жертву и наши въ нихъ утѣшенія.

Не поколеблемся убо возвести оплакиваемаго поспѣшника видимаго нашего спасенія къ единому невидимому Виновнику всякаго спасенія. *Господне есть спасеніе.* (Псал. III. 9.) *Господь съ сильнымъ крѣпостію,* (Суд. VI. 12.) избирая его и наставляя, искушая и сохраняя, возвышая и вѣчная, даруя и вземля отъ міра. Вотъ истина, которую нынѣ, къ наставленію нашему — мы можемъ созерцать въ ея собственномъ свѣтѣ и въ зерцалѣ временъ протекшихъ, къ утѣшенію— въ лицѣ и дѣяніяхъ Михаила, безсмертнаго Архистратига Россійскаго, Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго.

Мы не желаемъ затмить твоея славы, Свѣтлѣйшій мужъ, мы желаемъ три краты озарить ее вышнею славою: ибо какая участь на землѣ и на небесахъ можетъ быть величественнѣе, какъ быть избраннымъ, уго-

тованнымъ, благопріятнымъ и преукрашеннымъ орудіемъ руки Вседѣтельной? Ты не будешь прерѣкать нашей бесѣдѣ; или паче, ты самъ начнешь ее: ибо еще отзывается въ сердцахъ нашихъ оный гласъ твой, когда на пути побѣдъ и славы, обратясь къ Престолу и Отечеству, дабы повѣдать о чудесахъ брани, ты повергъ славу земнаго вождя предъ Вождемъ небеснымъ и воскликнулъ: *Великъ Богъ* а)!

Воистину *великъ Богъ!* И единъ Онъ великъ и въ великихъ и въ малыхъ земли. Естьли стихійное даже мудрованіе повелѣваетъ искать величія тамъ, гдѣ сосединяются мудрость, благость и могущество: то гдѣ найдутъ человѣки внутреннѣйшее средоточіе сего единенія, и первоначальный источникъ сихъ совершенствъ, кромѣ единаго Тріипостаснаго, Который есть Своего исполненія даруетъ мудрость ихъ помышленіямъ, благость хотѣ-

---

а) Сими словами начинается донесеніе отъ 28 Октября, 1812 года, изъ г. Ельны.

ніямъ, и мощь дѣйствованію? — Вѣра научаетъ не столько изслѣдывать, сколько чувствовать и со смиреніемъ взывать къ Отцу небесному, *яко Его есть царство и сила и слава:* и — между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ насъ, Христіане, каждый день исповѣдуютъ съ Церковію сіе вседержавное *царство* съ такимъ чужденіемъ, какъ удаленные отъ престольнаго града обитатели весей бесѣдуютъ о дѣлахъ державныхъ — тѣ, которыхъ искреннее желаніе служить Богу, приближаетъ къ Его невидимому престолу, видятъ, ощущаютъ во глубинѣ души своей, и не только покорствуя власти сущей отъ Бога, но и, будучи сами Властителями языковъ, подобно царю Израилеву, предъ цѣлымъ свѣтомъ глаголютъ отъ избытка сердца, *яко Господне есть царствіе, и Той обладаетъ языки.* (Псал. XXI. 29.)

Царство Господа — *царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ.* (Псал. CXLIV. 13.) Преходящія владычества человѣческія совокуп-

но и повременно являются на позорищѣ свѣта для того, чтобы служить сему невидимому царству; и сильные земли чредою изводятся стрещи стражбы его. Связавъ природу необходимостію, и *оставивъ человѣка въ руцѣ произволенія его*, (Сир. XV. 14.) великій Художникъ міра простираетъ свой перстъ въ разнообразное сплетеніе событій естественныхъ и свободныхъ дѣяній, и таинственнымъ движеніемъ, то нѣкихъ сокровенныхъ нитей, то видимыхъ орудій, образуетъ и сопрягаетъ все въ единую многохудожную ткань всемірныхъ произшествій, которую время развертываетъ къ удивленію самой вѣчности. Различныя состоянія земныхъ гражданствъ непрестанно направляются Провидѣніемъ къ тому, чтобы онѣ уготовляли въ себѣ гражданъ небесамъ: для сего дѣйствуетъ оно и чрезъ общество на человѣка, и взаимно чрезъ человѣка на общество; для сего *языки шатающіеся и возстающіе на Господа пасутся жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скудельничи со-*

крушаются, (Псал. II. 1. 2. 9.) обращающіеся *возсѣдаются и насаждаются,* (Іер. XVIII. 9) искушаемые *проходятся сквозѣ огнь и воду,* твердые вЪ испытаніи *вводятся вЪ покой;* (Псал. LXV. 12.) для сего *созносятся избранные отЪ людей ГосподнихЪ,* (Псал. LXXXVIII. 20.) крѣпкіе, предопредѣленные сотворить волю Промысла, *поддерживаются за десницу* десницею Всесильною, которая *уравниваетЪ предЪ ними горы, и врата мѣдная сокрушаетЪ:* (Иса. XLV. 1. 2.) и между тѣмЪ, — *да смирится высота человѣка, и возвесется Господь единЪ,* — (Иса. II. 17.) жребій многочисленнѣйшихЪ народовЪ долго иногда скрывается вЪ неизвѣстной рукѣ единаго смертнаго ; а судьба каждаго сильнаго земли слагается изЪ неизчисленныхЪ случайностей , которыхЪ ни какая человѣческая мудрость— обьять, никакая земная сила— покорить себѣ не можетЪ.

Естьли сіе всеобЪемлющее владычество Божіе подвергаетЪ насЪ нѣкоторой судьбѣ: то судьбѣ премудрой. Естьли оно , по видимому, налагаетЪ

узы : то развѣ на своеволіе и буйство. Естьли уничижаетъ : то единственно тѣхъ, которые думаютъ быть сами творцами своего величія, мечтаютъ *взыти выше облакъ и быти подобны Вышнему.* (Иса. XIV. 14.) Естьли же оно и возноситъ жребій нечестиваго : то не иначе, развѣ какъ возносится жезлъ, который вскорѣ поразитъ нѣкоего виновнаго, сокрушится, и отвержется. Напротивъ тѣ, которые сами ничего не ищутъ, кромѣ славы Божества и блага человѣчества, обрѣтаютъ въ покореніи себя Промыслу свою надежду и безопасность, въ Его власти основаніе своего могущества, въ Его славѣ источникъ своего величія. И какихъ чудесъ премудрости и благости не творитъ Онъ для совершенія въ ихъ начинаніяхъ, Своихъ собственныхъ намѣреній! Онъ призираетъ на нихъ еще прежде, нежели они взираютъ на свѣтъ, и отъ начала до конца ихъ теченія блюдетъ ихъ, яко зѣницу ока; украшаетъ дарами природы; наставляетъ примѣрами; умудряетъ опыта-

ми; очищаетъ искушеніями, благоденствіемъ укрѣпляетъ; провождаетъ въ путяхъ свѣта, предводитъ стезями мрака; тѣснотою *изводитъ на широту*; (2 Цар. XXII. 20.) ограждаетъ въ опасностяхъ; одушевляетъ въ подвигахъ; содѣлываетъ спасеніемъ и радостію народовъ въ жизни, вѣнчаетъ въ смерти; наконецъ въ самый гробъ сопровождаетъ славою и благословеніями.

Человѣческому оку не позволено, Слушатели, проникать въ оную художественную храмину Провидѣнія, гдѣ оно творитъ и уготовляетъ творцевъ народнаго благоденствія: но когда они являются на предопредѣленномъ для нихъ поприщѣ, и совершаютъ свое служеніе; тогда слава нерукотвореннаго Божія орудія просіяваетъ купно съ премудростію Художника. Воззрите на совершившееся уже спасеніе какого либо народа: вы увидите всегда въ его избавителѣ спасеніе Божіе.

Народъ Божій не имѣетъ отечества; въ землѣ чуждой, подъ тяжкимъ игомъ, истомленный работою, вмѣсто

награды, осуждается на истребленіе, Въ сіе время Господь призираетъ на младенца поверженнаго на смерть; посылаетъ его во дворъ того самаго Царя, воспитываетъ во всей премудрости того самаго народа, съ которыми онъ нѣкогда долженъ препираться; исполняетъ его сердце любовію къ единоплеменнымъ, раздражаетъ духъ его несправедливостями утѣснителей, искушаетъ бѣдствіемъ и почти рабскимъ, послѣ пребыванія въ царскомъ домѣ, состояніемъ; вооружаетъ Своею силою; укрѣпляетъ Своимъ присутствіемъ: — и вы видите Моисея, безъ оружія побѣдоноснаго Вождя Евреевъ, *бога Фараонова*. (Исх. VII. 1.)

Народъ Божій въ отечествѣ угнѣтается иноплеменниками. Но Господь, наказуя, не хощетъ отринуть людей Своихъ: Самъ *возставляетъ имъ судей, и спасаетъ ихъ отъ руки враговъ ихъ*. (Суд. II. 18.) Такъ Ангелъ является Гедеону, возвѣщаетъ ему, яко *Господь съ нимъ*: и на упріе сей мирный поселянинъ собираетъ многочисленное воин-

ство; но, да будетъ спасеніе рукою Божіею, съ тремя стами безоружныхъ, побѣждаетъ безчисленныя полчища враговъ; и даруетъ свободу Израилю.

Народъ Божій предается во власть и плѣненіе языковъ. Тотъ, который послалъ сію язву, еще прежде уготовалъ и врача. Еще Іерусалимъ не предчувствуетъ своего паденія: *но сотворивый грядущая* (Иса. XLV. 11.) уже глаголетъ Іерусалиму: *возградися; нарицаяй не сущая, яко сущая,* (Рим. IV. 17.) нарицаетъ не родившагося еще Кира *Своимъ пастыремъ и помазанникомъ*, обѣщаетъ *возникнуть предъ нимъ языки и крѣпость царей разрушить, да созиждетъ градъ* Господень *и плѣненіе людей* Господнихъ *возвратитъ.* (Иса. XLV. 28. XLV.-I. 13.) И се, Киръ—покоритель и обладатель востока, дабы содѣлаться освободителемъ Израиля, возстановителемъ Іерусалима.

Народъ Божій безъ Правительства, безъ Закона, окрестъ Іерусалима—

безъ Отечества; окрестъ храма— безъ Богослуженія. Кто бы въ сей день гнѣва могъ и помыслить о возставленіи низверженнаго Израиля, естьли бы отвратившійся отъ него гнѣвомъ, еще разъ не обратился къ нему милосердіемъ? Богъ восхотѣлъ:— и подвигнутый священною ревностію, одушевленный примѣромъ и наставленіемъ Отца, возстаетъ Маккавей; съ горстію истинныхъ сыновъ Израилевыхъ разсѣваетъ многочисленныя ополченія гонителей вѣры; очищаетъ святый градъ; обновляетъ благолѣпіе храма; пріобрѣтаетъ народу Іудейскому могущественныхъ союзниковъ, и— да обратимся паки къ его дѣописанію— содѣлывается безсмертнымъ поспѣшникомъ спасенія Божія: *благопоспѣшно бысть спасеніе рукою его; и ополчи цари многи, и возвеличи Іакова въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословеніе.*

Но почто, желая *видѣть дѣла Божія* Промысла, *яже положи чудеса на земли*, мы принуждены всегда устрем-

лять взоры наши въ сумрачную даль прошедшаго? Какъ будто величіе Божіе *преходитъ* также, какъ *образъ міра сего*, и *царство всѣхъ вѣковъ* оспается наконецъ только въ развалинахъ древности! Какъ будто Богъ, нарекшій себя нѣкогда для мертвыхъ *Богомъ живыхъ*, (Мар. XII. 27.) преображается для живыхъ въ Бога мертвыхъ, и мы уже не можемъ *видѣти блага Господня на земли живыхъ!* О міръ враждующій на Бога и тогда, когда его исповѣдуешь! Ты соглашаешься искать Его въ отдаленіи временъ, и не хочешь *ощязать Его, недалече отъ единаго кождо насъ суща.* (Дѣян. XVII. 27.) Уступаешь Ему чуждую для тебя область прошедшаго, и желаешь въ настоящемъ воцарить случай, или обоготворить разумъ и самыя страсти человѣческія. Естьли ты не можешь слышать, какъ непрестанно *день дни отрыгаетъ глаголъ* присносущной славы Божіей: приникни хотя единожды, какъ сей безмолвный гробъ вѣщаетъ о ней сему олтарю, и настоящій день отвѣща-

ваетъ прошедшимъ, яко единъ есть— *Сыи, и иже бѣ, и грядый— Вседержитель.* (Апок. I. 8.)

Не минута нечаянности сближаетъ предъ нами, Слушатели, память безсмертнаго Михаила съ памятію безсмертнаго Маккавея. Церковь предварила сей союзъ [ихъ своимъ желаніемъ и предчувствіемъ: Промыслъ оправдалъ ея желаніе событіемъ. Вы помните оный благознаменитый день вѣры и любви къ Отечеству, когда подвигнутая опасностію его Церковь взывала къ вамъ, именитые Россіяне, предъ симъ самымъ олтаремъ, *да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Маккавеевъ* а): и кто, кромѣ Провидѣнія, или управилъ желаніе Церкви къ предопредѣленному со-

---

а) См. Воззваніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ Россійскому народу, въ началѣ войны 1812 года, въ Казанскомъ Соборѣ при собраніи Членовъ Синода произнесенное Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ.

бытію, или устроилъ событіе по ея мольбѣ? Кто, на гласъ сего желанія и мольбы, воздвигнулъ мужа, котораго дѣянія и судьба не могутъ точнѣе быть изображены, какъ дѣписаніемъ Маккавея?— Кто повелѣлъ, чтобы даже имя сего мужа соотвѣщало имени Маккавея, и оба имена сіи, подобно какъ оба сіи мужи, возглашали единое славословіе: *кто, яко Богъ?* — а) Но возвратимся по пути жизни Смоленскаго, до его исходищъ, и осяжемъ напечатлѣнныя на немъ слѣды Провидѣнія.

Въ дарахъ естественныхъ человѣку низпосылается первое напутствіе для жизни его, и открываются начальныя черты его предопредѣленія. Естьли бы мы умѣли вѣрнѣе слагать и разрѣшать сіи трудныя черты, и читать въ началахъ послѣдствія: то давно бы можно было узнать въ Миха-

---

а) Имя Маккавей *сЪ Еврейскаго толкуется:* кто, яко Ты, Боже? Михаилъ *сЪ Еврейскаго же значитЪ:* Кто, яко Богъ?

илѣ человѣка запечатлѣннаго природою, или паче Творцемъ ея, къ великому назначенію. Сей умъ, въ которомъ и высокія знанія и пріятныя искуства, не стѣсняя другъ друга, находили свое мѣсто, — умъ способный, въ одно время, составлять чертежъ брани, соображать къ единой цѣли разнообразныя отношенія союзныхъ и враждебныхъ Державъ, и легкою ногою измѣрять зыблющіяся стези Дворовъ,— долженъ былъ казаться сотвореннымъ не для одного, но для всѣхъ путей общественнаго служенія и славы. Сія твердость, непоколебимая ни страхомъ, ни скорбію, и благодушная покорность своей участи, были предуготовлены для такихъ подвиговъ, среди которыхъ поколебались бы тысящи тысящъ, естьлибы единая глава не сдержала общаго бремени. Сія глубокая проницательность и неутомимая осторожность, такъ сказать, указывали на змія коварства, съ которымъ наипаче предопредѣлено было браться нашему Михаилу.— Но Промыслъ, ко-

торый самъ благовременно устрояетъ и уготовляетъ свои орудія, не являетъ ихъ прежде времени человѣкамъ, которые вмѣсто содѣйствія, иногда положили бы препоны его въ нихъ намѣреніямъ.—

Предназначаемый Провидѣніемъ чрезъ даруемыя человѣку способности путь жизни обыкновенно пролагается воспитаніемъ. Воспитаніе Михаила, будучи подобно воспитанію многихъ другихъ, можетъ быть, не предвѣщало всей судьбы его: но совершившаяся судьба его заставляетъ съ уваженіемъ вспоминать о его воспитаніи. Оно заключалось, Слушатели, въ предѣлахъ отеческаго рода и Отечественнаго святилища воинскихъ знаній. Такъ новою благостію Провидѣнія избранный сынъ Отечества предохраненъ отъ суевѣрнаго уничиженія предъ идоломъ иноземнаго просвѣщенія и образованности; Отечеству предоставлена сугубая слава имѣть Смоленскаго, и никому за него не быть обязаннымъ: а родителямъ и воспитателямъ остался

отъ сего воспитанія тотъ важный для нашихъ дней урокъ, что не иноплеменное наставленіе производитъ достойныхъ сыновъ Отечества.

Рано изшелъ Михаилъ изъ рукъ обыкновенныхъ наставниковъ, а) какъ бы для того, чтобы сохранить цвѣтущій возрастъ и неутомленныя способности для труднѣйшаго и необыкновеннаго къ необыкновенному назначенію образованія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ изведенъ на такое поприще, гдѣ, — между тѣмъ какъ воспитаніе юности его приносило вожделѣнные плоды, и его любовь къ Отечеству ознаменовывалась постепенно рвеніемъ и подвигами,— его дарованіямъ отверзто было высшее и единственное училище великихъ мужей, — училище живыхъ примѣровъ, опытовъ и опасностей. Задунайскій, Таврическій, Рым-

---

а) Онъ воспитывался въ Артиллерійскомъ Корпусѣ до 15 лѣтъ возраста. Въ 17 лѣтъ правилъ уже ротою въ полку Суворова.

нинскій были, то руководителями его дѣятельности, то свидѣтелями его доблестей, то свѣтильниками его умозрѣній. Онъ шелъ предъ лицемъ или о страну сихъ вождей, въ знаменитыхъ битвахъ, иногда вознося побѣду на грозныя укрѣпленія городовъ и ополченій, иногда устремляясь къ ней чрезъ преграды поставленныя природою, иногда удерживая оную мужествомъ; иногда уловляя рѣшимостію; и,— естьли для ироя нужно свидѣтельство ироя, такъ же какъ и для мудраго важенъ судъ мудрыхъ,— имѣлъ то преимущество, что вождь, который паче прочихъ любилъ и насаждать и собирать свои лавры собственными руками, нарекъ его своею *десницею* а).

Но,— дабы удержать слово наше въ предѣлахъ ему предначертанныхъ,— не снидемъ, Слушатели, во всѣ слѣды нашего ироя на томъ бранномъ поприщѣ,

---

а) *По взятіи Измаила Суворовъ сказалъ, что М. И.* шелъ у него на лѣвомъ крылѣ, но былъ его правою рукою.

гдѣ онъ, хотя изъ зрителя незабвенныхъ примѣровъ содѣлался уже примѣромъ для многихъ, но не отдѣлился еще отъ сонма вождей, какъ безпримѣрный; и гдѣ мы увидѣли бы его болѣе въ блескѣ славы человѣческой, нежели подъ осѣненіемъ славы Божіей, явившейся надъ нимъ наипаче въ послѣдніе дни его. Не будемъ разсматривать тѣхъ побѣдныхъ вѣнцовъ, которые безъ сомнѣнія были бы достаточны украсить иную главу, но на челѣ Михаила становятся едва примѣтными подъ великимъ вѣнцемъ послѣднимъ. Напротивъ остановимся и возблагоговѣемъ предъ оными священными отличіями, которыя нѣкогда возложило на него Провидѣніе, указуя своего избраннаго. Я говорю о его чудесныхъ ранахъ, которыя безъ сравненія болѣе должны были возбудить къ нему вниманіе глубокомыслящихъ, нежели какъ наружные знаки достоинства и чести привлекаютъ взоры легкомыслія. Сей ревностный поборникъ браней Отечества, подвизаясь за его безопасность,

не хочетъ примѣчать опасностей собственныхъ; и смерть двукратно проходитъ сквозь его главу, а) какъ будто бы оружіе Агарянъ особенно искало сихъ очей, въ которыхъ просіявала прозорливость, и сея главы, въ которой созрѣвала мудрость, толико для нихъ послѣ страшныя. Какія прерѣкаемыя знаменія! Тѣ, которые видѣли язвы сіи, еще открытыя, думали, что въ послѣдній разъ видятъ сего язвеннаго; тѣ, которые слышали, что онъ еще живетъ, не вѣрили язвамъ его, доколѣ не осяжутъ: но когда Богъ двукратно возвратилъ ему и жизнь и неврежденную цѣлость духа и тѣла; когда самою болѣзнію первой язвы поставилъ его на новую стезю совер-

---

а) Первую рану получилъ онъ въ первую Турецкую войну при взятіи Перекопскихъ укрѣпленій: пуля вошла въ лѣвый високъ, и вышла у праваго глаза. Вторую рану получилъ въ 1788 году подъ Очаковымъ пуля вошла въ щоку, и прошла на сквозь въ затылокъ.

шенствованія, чтобы онъ, ища здравія, обрѣлъ новый источникъ полезныхъ знаній въ путешествія, въ обозрѣніи благоустроеннѣйшихъ Государствъ свѣта, въ собесѣдованіи съ прославленными во языкахъ мудрецами брани а); тогда вѣрующіе Провидѣнію долженствовали *соблюдать глаголы сіи, слагая въ сердцахъ своихъ*, колико драгоцѣнна глава сія небу, и какого высокаго служенія оно ждетъ отъ нея, обдержа и соблюдая ее столь высокою мышцею!

Впрочемъ послѣ столь знаменательныхъ приключеній судьба Михаила долго хранилась подъ множествомъ печатей, которыя, отъ времени до времени разкрываясь, предоставляли ее въ различныхъ видахъ: всегда предуготов-

---

а) Для совершеннаго возстановленія здравія, онъ путешествовалъ на иждивеніи блаженныя памяти Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, по Германіи, Франціи, Англіи: былъ у Фридриха Великаго, Паудона, и пр.

ляли, но и всегда утаевали тайну его послѣдняго назначенія. Уже мечь его или покоится, или только блистаетъ, не имѣя кого поражать а). Не разъ шествуетъ онъ съ оливою къ союзникамъ своихъ Государей или для утвержденія и украшенія новаго міра, или для обновленія древней дружбы б). Не разъ является посреди отечественныхъ областей неутомимымъ блюстителемъ ихъ внутренняго благоустройства и спокойствія в). И наконецъ,

---

а) Съ 1793 до 1805 года М. И. хотя имѣлъ отъ времени до времени подъ своимъ начальствомъ войска, но не былъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

б) Былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополѣ; былъ съ препорученіями при Дворѣ Берлинскомъ; двукратно имѣлъ порученіе встрѣтить за границею и сопровождать Шведскаго Короля.

в) Въ разныя времена онъ былъ Военнымъ Губернаторомъ Литовскимъ, Санктпетербургскимъ, Кіевскимъ, и паки Виленскимъ.

принесши тремъ Самодержцамъ и Отечеству въ дань благоговѣнія и долга лучшія лѣта жизни, онъ уже начинаетъ, по видимому, преклоняться отъ трудовъ общественныхъ къ покою семейственному а). Слѣдующее токмо время могло показать, что будучи преносимъ изъ области въ область Отечества, изъ страны въ страну Европы, онъ руководимъ былъ невидимо къ совершеннѣйшему познанію Отечества и Европы, между которыми долженъ былъ стать единственнымъ предѣломъ, и, взвѣсивъ, подвигнуть ихъ сопротивныя взаимно силы; и что высокій путь подвижника Отечества скрывался наконецъ въ смиренныхъ сѣняхъ веси для того, чтобы торжественнѣе открылось позорище для ратоборца Европы.

Вдругъ скипетръ АЛЕКСАНДРА указуетъ ему обширнѣйшее поле дѣй-

---

а) Предъ назначеніемъ своимъ въ Армію посылаемую на помощь Г. И. онъ жилъ нѣкоторое время въ своей деревнѣ.

сшвованія, и воздвигаетъ его въ помощь великой нѣкогда союзной державѣ противъ возрастающаго исполина, который на развалинахъ престола превращенныхъ въ лобное мѣсто, созидая новый престолъ, желалъ утвердить и украсить его разрушеніемъ древнихъ, и преліять священные вѣнцы наслѣдія въ тяжелый вѣнецъ насильственнаго преобладанія. Вѣрный подданный, яко праволучная стрѣла, летитъ на намѣреніе прозорливаго и благосердаго Монарха: и, когда спасительная скорость помощи предупреждена пагубною опрометчивостію требовавшихъ помощи, когда Вождь пришедшій вспомоществовать сильнѣйшимъ войскамъ, сверхъ всѣхъ опасеній, видитъ ихъ въ плѣну, а себя безпомощна, съ частію только своихъ сподвижниковъ, далече отъ предѣловъ отечества, предъ многочисленнымъ и надменнымъ успѣхами непріятелемъ; тогда то начинаютъ усматривать Отечество и Европа, что Михаилъ уготованъ во главу браней. Не смущенный столь страшною нечаянностію

онъ ведетъ малую свою дружину невредиму предъ лицемъ побѣдоноснаго врага, отражаетъ его, поражаетъ а), восхищаетъ его корысти, плѣнитъ плѣнъ, и содѣлываетъ изъ тяжкаго преслѣдователя только бременоносца своей добычи. Еще по судьбамъ Вышняго не время было сокрушить выю гордаго: но Михаилу дано было узрѣть своего будущаго противоборца, испытать его, и бросить въ его сердце первыя сѣмена боязни.

Наконецъ приближалась сія мрачная година Отечества, для которой Михаилъ соблюдаемъ былъ, яко свѣтильникъ для нощи. Еще мы думали ходить въ тихомъ свѣтѣ мира: но всепроницающее око Провидѣнія, сокрытое въ небесахъ, и открытое на земли на престолѣ, безъ сомнѣнія уже видѣло тучи стремящіяся покрыть Россію отъ всѣхъ странъ Европы; и держащій въ рукѣ сердца Самодержцевъ паки положилъ очи АЛЕКСАНДРА

а) При Кремсѣ.

на испытаннаго подвижника и свою *помощь на сильнаго*. Михаилу вручена брань на югѣ, которая, не бывъ страшна въ первыхъ своихъ дѣйствіяхъ, могла содѣлаться опасною въ своемъ продолженіи, когда бы чреватый вѣроломствомъ западъ, прежде ея окончанія, разродился своими чудовищами. Древній побѣдитель и другъ Агарянъ, еще разъ содѣлался и побѣдителемъ ихъ и другомъ. Поколебавъ ихъ троекратно сильнѣйшія полчища, онъ притворяется бѣгущимъ а), и, обратясь такъ сказать, поглощаетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ станомъ и всеоружіемъ: потомъ изумленнаго мужествомъ его врага, сугубо плѣняетъ мудростію, и въ то самое время, когда тлетворное дыханіе запада отъ всюду воздуваетъ на насъ бурю, онъ возстановляетъ тишину на югѣ, ограждаетъ, разширяетъ наши предѣлы. Кто уже не видитъ здѣсь *Господа съ сильнымъ крѣпостію?* Кто не видитъ на югѣ *возжигаемое свѣтило спасенія*

а) *Срезъ Дунай.*

(Иса. LXII. 1.) нашего, долженствующее расточить мракъ объемлющій насъ отъ запада?

Когда мракъ сей отяготѣлъ надъ нѣкоторыми странами Отечества: гласъ Божій призывающій Михаила къ служенію спасенія вновь услышался въ гласѣ народа. Чувствуя, отколѣ происходилъ сей гласъ, и покорствуя священной волѣ Отечества; сей многолѣтный начало—вождь, завоеватель, миротворецъ, забываетъ и старость свою и прежнія заслуги, пріобрѣтшія ему право на спокойствіе и уваженіе, и пріемлетъ сѣкиру, вмѣстѣ съ дружинами ополчающихся за Отечество земледѣльцевъ.

Вскорѣ страшная година искушенія преполовляется. Настаетъ время предуставленное Провидѣніемъ и воспріятое Монархомъ, дабы устремленію сліянныхъ силъ едва не цѣлой Европы на единую Россію, изощренному коварною внезапностію, которое не могло быть притуплено иначе, какъ постепеннымъ уступленіемъ, противопоста-

вить конецъ твердый оплотъ, обновить надеждою духъ утомленнаго неизвѣстностію всенства, обратить уклоняющееся лице брани на врага: и — открывается великое поприще Смоленскаго. Но дерзнетъ ли далѣе сіе слабое слово тещи путь за симъ исполиномъ? Какъ изобразитъ оно ту зарю надеждъ, которая быстро разлилась отъ края до края Отечества вмѣстѣ съ молвою, что Михаилъ нареченъ Архистратигомъ всѣхъ силъ Россійскихъ? Какъ сотворитъ оно слышанъ тотъ неслыханный прежде громъ, который онъ бросилъ на врага, какъ скоро ступилъ на поле брани? Какъ изъяснитъ сію проницательность, которая могла предсказать, что *потеря Столицы не есть потеря Отечества,* послѣ того какъ двѣ сильныя никогда державы въ подобномъ нещастіи сего не постигали, но вмѣстѣ съ своими столицами упадали къ ногамъ утѣснителя? Какая сила языка представитъ ту силу духа, съ которою ветхій днями вождь, принужденный для спасенія

Отечества принести въ жертву его древнюю столицу, пріемлетъ на единыя свои рамена всѣ нещастія и жалобы ея жителей, всю скорбь подвизавшихся за нее ратниковъ, все сострадание и опасенія Отечества, и наконецъ тяжкія опустошенной Москвы развалины? И кто изъ васъ, Слушатели, не упреждаетъ уже меня отселѣ мыслію и сердцемъ? Кто изъ васъ не слѣдовалъ за Смоленскимъ стократно чрезъ все поприще побѣдъ и славы его, то желаніями, то радостію, то благодарностію, то удивленіемъ? Кто изъ васъ не *возвеселился въ дѣлѣхъ* сего новаго *Маккавея, огорчившаго* трехъ царей въ ихъ собственныхъ лицахъ, и многихъ въ ихъ вождяхъ, плѣнившаго тысящи, поразившаго тьмы, избавившаго грады, отмстившаго за нарушенную святыню храмовъ, извергшаго ужасы злодѣяній изъ Отечества, внесшаго ужасъ праведнаго мщенія въ страны враждебныя и даровавшаго порабощеннымъ надежду освобожденія? Кто не увѣрился, яко

Господне *блогопоспѣшно бысть спасеніе рукою* сего Вождя, который шествовалъ подъ предводительствомъ священнаго изображенія Богоблагодатной *Путеводительницы* а), и вмѣстѣ съ нею величилъ Бога въ величіи своего смиренія?

Естьли что еще оставалось Провидѣнію совершить для сего поспѣшника даруемаго намъ спасенія послѣ толикихъ подвиговъ, въ которыхъ онъ сотворилъ всю волю его: то даровать ему такую кончину его теченія, въ которой *благословляющіе память его* на земли вновь узрѣли бы надъ нимъ благословеніе свыше. И какая кончина, Слушатели! Съ какою небесною точностію измѣрено и опредѣлено время ея отъ начала его послѣдняго служенія: четыре Луны — поборникъ Оте-

---

а) Сіе наименованіе Богоматери заключается въ Греческомъ одигитріа, *присвоенно въ Смоленской иконѣ Богоматери. Извѣстно, что сія икона находилась въ войскахъ до очищенія Смоленска отъ враговъ.*

чества въ предѣлахъ его; четыре луны — каратель неистовыхъ утѣснителей въ ихъ владычествѣ, и,— какъ скоро исполнилъ мѣру своего мщенія до сего равновѣсія,— сынъ покоя вѣчнаго а)! Какъ вѣнчаемый побѣдоносецъ, онъ вземлется среди непрерывныхъ побѣдительныхъ восклицаній предводимаго имъ воинства; какъ благословляемый защитникъ Церкви, онъ сопровождается въ своемъ исходѣ величественнѣйшимъ торжествомъ ея, и проходитъ мрачную дверь смерти среди свѣтлыхъ дней воскресенія б). Онъ скончавается тогда, когда не родъ его только, не Отечество еди-

---

а) 16 Августа 1812 года М. И. принялъ команду надъ Арміями, отступившими внутрь Россіи; по занятіи Россійскими войсками Бѣлостокской области и Мемеля 15 Декабря, съ 16 числа война продолжалась на всѣхъ своихъ пунктахъ за границею; 16 Апрѣля 1813 года М. И. скончался.

б) Скончался въ среду Свѣтлыя недѣли.

но, — цѣлая Европа чувствуетъ, что его лишается; и священный Помазанникъ Божій не скрываетъ слезъ своихъ о немъ отъ очей своего народа а). Между тѣмъ самъ Богъ подвизаетъ сердца народовъ, чтобы торжественное возвращеніе въ Отечество, свойственное безсмертному побѣдителю, совершилось надъ смертными останками его: и сей гробъ прошелъ обширныя страны иноплеменныя и отечественныя съ такою славою, какая никогда съ толико свободною ревностію, съ толикимъ единодушіемъ, не была приносима побѣдителямъ въ ихъ жизни. Тако, естьли Смоленскій не жилъ никогда для себя, но всегда для Отечества и Провидѣнія: то Провидѣніе даровало ему кончину— для него самаго.

Дивный въ судьбахъ Твоихъ Господи! Воистину, Ты Самъ былъ неотступно съ симъ избраннымъ Тобою

а) *См. Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Рескриптъ къ Княгинѣ Смоленской.*

сильнымъ крѣпостїю, и *благоспѣшилъ спасенїе* наше *рукою его:* и Ты *отъялъ*, еже *далъ* (Іов. I. 21.) еси, дабы не почивали на видимыхъ дарахъ Твоихъ наши легкомысленныя чаянія, но возносились къ Тебѣ, къ Нему же *вся тяготъ*. Да будетъ воля Твоя, Отче небесный, и да внесется неоцѣненный даръ Твой въ сокровища славы Твоей. По милости же Твоей и истинѣ Твоей, соверши надъ нами простираемыя къ намъ доселѣ щедроты Твои, да не когда паки *рекутъ* о насъ *языцы: гдѣ есть Богъ ихъ?* Призри на правду нашего дѣла, на страданія толь многихъ народовъ, на возведенныя къ Тебѣ, *отнюдуже приходитъ помощь* наша, очи Россіи, на слезы кроткаго Помазанника Твоего, и даждь, да егда днесь, яко же древле, вземлется на небо преоруженная силою Твоею *Колесница Израилева*, и едина обетшавшая *милость* остается предъ нами на земли,—даждь, да снидетъ *сугубый духъ* Иліи, — (4 Цар. II. 12. 15.) огненный духъ ревности, мужества и крѣпости, на побор-

никовѣ славы Твоея и поспѣшниковѣ спасенія нашего.

Россіяне! вы всѣ единодушно желаете, чтобы духѣ данный Смоленскому не преставалѣ ходить вѣ полкахѣ нашихѣ, и почивать на вождяхѣ нашихѣ. Нѣтѣ лучшей сего похвалы для отшедшаго, нѣтѣ лучшаго наставленія для оставшихся сыновѣ Отечества. Аминь.

СЛОВО

Говоренное въ Благовѣщенской Церкви Святотроицкой Александроневской Лавры, въ Высочайшемъ Присутствіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА и Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ Государей Великихъ Князей ЦЕСАРЕВИЧА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА и МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, предъ погребеніемъ тѣла Генералъ—Лейтенанта Графа Павла Александровича Строганова въ 5 день Іюля 1817 года.

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни. Іак. I. 12.

Ты знаешь, къ чему теперь сіе Апостольское слово, естьли ты слышишь насъ, безмолвный предначинатель сего слова; и ты не огорчишься, что, привѣтствуя тебя въ сей по-

слѣдній на земли разъ, мы не избрали для тебя другаго привѣтствія, которое казалось бы болѣе торжественнымъ. Ибо лучше ли было бы ублажать тебя славою сихъ тлѣнныхъ вѣнцовъ, когда они праздны носятся въ воздухѣ, и не достигаютъ уже безсмертной главы, или сихъ знаковъ чести возданной заслугамъ твоимъ, когда Церковь подвизается въ молитвахъ о томъ, чтобы ты сподобленъ былъ *почести вышняго званія;*— или сихъ громкихъ именъ, когда ты уже не носишь ихъ, воспріявъ *новое имя котораго* здѣсь *никто не знаетъ ?* (Апок. II. 17.) Довольно ли было бы теперь ублажать тебя воспоминаніями временнаго щастія, которое и прежде ты цѣнилъ токмо по способамъ творить добро; и которое хотя есть достояніе избранныхъ, коимъ принадлежатъ и *настоящая и грядущая*, однако не есть ихъ отличіе, ибо въ немъ участвуютъ не рѣдко и тѣ, кои *воспріемлютъ благая въ животѣ своемъ?* Но что я говорю? Самое воспоминаніе Твоихъ добродѣтелей не

усладило бы для тебя нашей бесѣды, когда ты, можетъ быть, уже яснѣе насъ познаешь, *кто постоитъ, аще назритъ Господь беззаконія!* И такъ мы привѣтствуемъ тебя преимущественно надеждою блаженства предуставленнаго тому, кто не яко младенецъ токмо, питаемъ былъ земными благословеніями, но паче яко мужъ, претерпѣніемъ искушенія очищенъ, укрѣпленъ и пріуготовленъ къ вѣнцу небесному. *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни.*

Участники сего торжественнаго сѣтованія! внесемъ отрадную мысль *о пути къ блаженству чрезъ искушеніе*, яко свѣтильникъ, во мракъ судьбы человѣческой вообще, и особенно во мракъ предстоящаго намъ гроба.

Нѣкогда путь блаженства былъ пространенъ, какъ широта страны Едемской; и отъ начала своего до конца пролегалъ чрезъ рай сладости Но сѣмена запрещеннаго плода вкушеннаго человѣками упали на землю, и

путь блаженства заросъ терніемъ и волчцами. Тщетно люди слѣдуя или темному воспоминанію, или обманчивымъ вожделѣніямъ, старались вновь устроять себѣ пространные пути: самая широта ихъ, теперь уже не естественная, содѣлалась признакомъ того, что они ложны, и не могутъ приводить къ цѣли. *Широкій путь вводяй въ пагубу.* (Матѳ. VII. 13.)

Поелику пространный путь, какъ видимый, болѣе и болѣе обольщалъ странниковъ, и привлекалъ въ пагубу; а истинный путь жизни, какъ сокровенный, и даже непроходимый безъ вышняго руководителя, болѣе и болѣе запустѣвалъ, и сдѣлался совсѣмъ не вѣдомъ: то наконецъ по неизреченной благости небесъ, чудесно явился на земли Тотъ, Который есть *Путь и Истина и Животъ.* Однако и Онъ не очистилъ пути къ блаженству отъ терния и волчцевъ, но предоставилъ сіе тому времени, когда Онъ паки пріидетъ *очистить* все пространное *гумно Свое,* и всѣ *плевы сожещи огнемъ*

неугасающимъ. Нынѣ же Онъ указалъ намъ *тѣсный путь вводящій въ животъ*; и Самъ прошелъ симъ путемъ, *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его*. (1 Пет. II. 21.)

Есть различныя стези и части единаго всеобщаго пути къ блаженству: но всегда вѣрнѣе узнается онъ по тому, что *тѣсенъ*, и требуетъ *подвига* отъ проходящихъ по нему. Онъ лежитъ, тамъ чрезъ воды слезъ: *блажени плачущіи;* здѣсь чрезъ пустыню, въ которой должно потерять все, чѣмъ когда либо мы думали обладать въ самихъ себѣ: *блажени нищіи духомъ;* индѣ чрезъ дебри уничиженія: *блажени изгнани; блажени будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ*. Должно иногда воинственною рукою низлагать преграды, и напряженнѣйшими усиліями восходить на высоту совершенства: *царствіе небесное нудится;* иногда преданностію вѣры повергаться въ смертныя опасности, чтобы достигнуть спасительнаго упованія на Бога; *иже погубитъ*

душу свою, той спасетъ ю. (Марк. VIII. 35.) То, что споспѣшествуетъ въ путяхъ плоти, часто даже препятствуетъ на пути духа; и колесницы міра устрояются большею частію не по размѣру *узкихъ вратъ, вводящихъ въ животъ:* такъ *не удобь уповающимъ на богатство, въ царствіе Божіе внити.* (Марк. X. 24) Небесный Путеводитель требуетъ отъ насъ нѣкотораго разлученія съ ближайшими нашими сопутниками: *пріидохъ,* говоритъ Онъ, *разлучити человѣка на отца своего, и дщерь на матерь свою; иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ.* (Матѳ. X. 35. 37.) Чтобы достигнуть въ царство всеобъемлющей любви Божіей, должно прежде остаться одиноку сердцемъ, какъ тотъ, кто сказалъ: *единъ есмь азъ, дондеже прейду.*

Скажутъ ли на сіе и нынѣ, какъ говорили прежде; *кто убо можетъ спасенъ быти?* И нынѣ, какъ прежде, отвѣтствуетъ Подвигоположникъ спасе-

нія: *у человѣкъ сіе не возможно есть, у Бога же вся возможна.* Естьли человѣкъ возмнитъ самъ содѣлать свое спасеніе: то, хотя бы ему извѣстны были всѣ средства спасенія, скажемъ не обинуясь, для него не возможно спасеніе. Но сія невозможность самоспасенія, признаваемая смиреніемъ и вѣрою, становится возможностію спасенія въ любви и премудрости Божіей: *не возможная у человѣкъ возможна суть у Бога.* (Лук. XVIII. 27.) Человѣкъ *не доволенъ и помыслити что доброе отъ себе, яко отъ себе;* иногда онъ *работаетъ умомъ Богу,* но *плотію закону грѣховному;* или *еже хотѣти прилежитъ ему, а еже содѣяти доброе не обрѣтаетъ;* или *творитъ,* но *не еже хощетъ доброе.* Богъ и знаетъ, и можетъ, и хощетъ, и творитъ. И зная лучше насъ, чего мы требуемъ, Онъ не рѣдко ведетъ насъ, куда не знаемъ; и желая намъ блага болѣе, нежели мы самимъ себѣ, Онъ не рѣдко творитъ съ нами, чего не желаемъ. *Храняй младенцы* духа *Господь:* и *заповѣстъ Ангеломъ своимъ,* да *на ру-*

кахъ возмутъ ихъ; питаетъ ихъ *млекомъ* утѣшеній, и, какъ только *разширяютъ уста свои,* Онъ *исполняетъ я.* Зритъ *враговъ* нашихъ, *сильныхъ,* и *ненавидящихъ* насъ *утверждающихся паче* насъ: и *предваряетъ* насъ *въ день озлобленїя* нашего, и *изводитъ на широту.* Но когда видитъ насъ способными вступить въ училище высокаго Божественнаго воспитанія, или на самое поприще духовныхъ подвиговъ: тогда *егоже любитъ Господь, наказуетъ; бїетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ;* (Евр. XII. 6.) тогда крестъ и искушеніе предлагается намъ непремѣнно, и отъ времени до времени обильнѣе, какъ *твердая пища совершенныхъ.* Скорби, лишенія, болѣзни, событія внезапныя и поражающія насъ посѣщаютъ, какъ наставники въ уреченные часы, и поучаютъ насъ въ силѣ и существѣ самоотверженію, презрѣнію міра, безстрастію, преданности въ волю Божію,— знаніямъ невѣдомымъ въ мірѣ, кромѣ ихъ имени. Мы проводимся *сквозѣ огнь и воду,* да будемъ бѣлы, яко снѣгъ, и чисты, яко

злато; *да искушенїе* нашея *вѣры многочестнѣйше злата гибнуща, огнемъ же искушена, обрящется во похвалу и честь и славу, во откровенїи Іисусѣ Христовѣ.* (1 Пет. I. 7.)

Кто еще *не мыслитъ яже суть Божїя*: пусть судитъ хотя токмо по человѣчески, или слагаетъ буквы сшихійной природы, и читаетъ хотя въ окаменѣлыхъ и раздробленныхъ скрижаляхъ, единый всюду, законъ духовный.— Какая земля благословеннѣе? та ли, которая, хотя подъ благотворнымъ небомъ, но безъ воздѣлывающаго, естьли не лежитъ въ запустѣніи, то производитъ токмо дикое быліе, или служитъ пажитїю безсловеснымъ; или та, которая будучи раздираема раломъ, и утруждаема питаніемъ ввѣреннаго ей сѣмени, приноситъ наконецъ жатву питающую человѣка? Какое древо любезнѣе вертоградарю? не то ли, которое болѣе сграждетъ для вертоградаря? Какая вода неповрежденнѣе сохраняетъ естество свое? не та ли, которая менѣе, покоится и

болѣе стонетъ, будучи гонима судьбою, изреченною ей въ законѣ тяжести, и сокрушаема о камни? Какая сила болѣе возрастаетъ и укрѣпляется? не та ли, которая болѣе находится въ борьбѣ съ трудомъ и утомленіемъ? Что болѣе возвышаетъ и совершенствуетъ добродѣтель? благополучіе ли, которое большую часть силъ ея приводитъ въ покой, или бѣдствіе, которое поставляетъ ее на поприще, ея достойное, и вводитъ въ подвигъ, ей свойственный? Кто не мужественъ, когда нѣтъ брани? Кто не великодушенъ, когда не о чемъ сѣтовать? Внезапно является врагъ; и воздремавшее мужество едва находитъ свое оружіе. Поспигаетъ скорбь; и мечтательная твердость духа, какъ утлое древо, сокрушается. Искушеніе, посылаемое Провидѣніемъ, есть соль земнаго щастія; въ избытокъ своемъ она уязвляетъ вкусъ; но безъ нея въ томъ, что услаждало вкусъ, осталась бы одна гнилость и смрадъ. Такъ бываетъ въ порядкѣ естественномъ. Такъ и въ духовномъ. *Отнимите*

искушенїя, и не будетъ спасаемыхъ, 1) сказалъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ искушеніе содѣлало искусными.

Не удивимся же и тому, что знающій цѣну даровъ Божіихъ, какбы пренебрегая благоденствіемъ, проситъ себѣ дара быть искушаему: *искуси мя Боже;* (Псал. CXXXVIII. 23.) паче же и сами послѣдуемъ совѣту и увѣщанію Апостола: *всяку радость имѣйте братїя моя, егда въ искушенїя впадаете различна.* (Іак. I. 2.)

Но естьли и вступать на путь искушенія должно съ радостію; кольми паче справедливо, ублажать тѣхъ, которые уже прешли его, достигли своего предѣла съ терпѣніемъ, и потому почіютъ въ мирѣ, и во упованіи вѣнца жизни? *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушенїе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни.*

Напрасно, и въ жизни и въ смерти ближнихъ нашихъ, мы преимуще-

1) Антоній Великій.

ственно любимъ смотрѣть на ихъ щастіе, которое, и блистая, ослѣпляетъ насъ, и скрываясь, оставляетъ во мракѣ. Естьли бы мы болѣе взирали на искушенія, коими Богъ очищаетъ ихъ, и совершаетъ въ жизнь вѣчную: мы бы во всякомъ случаѣ могли почерпать отсюда и наставленіе и утѣшеніе. Въ семъ расположеніи дерзнемъ простерть гадательный взоръ въ тайну жизни, запечатлѣнной въ семъ гробѣ, доколѣ не *отверзется* великая *книга жизни*. (Апок. XX. 12.

Отрасль рода благословеннаго и служеніемъ Отечеству и благодарностію Отечества, щастливый сынъ щастливаго родителя, радостный отецъ достойнаго сына, вѣрный и украшенный довѣренностію сперва въ высокомъ домѣ Царевомъ, и по томъ въ пространномъ домѣ Царства, гражданинъ стяжавшій славу воина, воинъ, которому не время принесло званія и почести, но который восхитилъ ихъ неутомимостію въ подвигахъ, нако-

нецъ мужъ по сердцу Владычествующаго сердцами Россіянъ,— въ такихъ наиболѣе чертахъ являлся очамъ свѣта въ теченіи жизни своей знаменитый Боляринъ и вождь Графъ Павелъ. Гдѣ ты нынѣ, свѣтлый видъ щастія и славы? и что міру осталось отъ тебя, развѣ горькое утѣшеніе воспоминанія о томъ, что возвращено быть не можетъ?

Но зриши посреди украшенныхъ цвѣтами путей человѣческихъ сокровенные слѣды пути Божія, покрытаго священнымъ терніемъ. Богъ *даровалъ* рабу Своему, да скажемъ словами Апостола, *не токмо еже вѣровати, но и еже страдати.* (Фил. I. 29.) Собственною рукою, какъ и большею частію бываетъ, изъ невидимаго хранилища судебъ извлекъ онъ таинственный жребій, не вѣдая, что это будетъ жребій искушенія. Благовременно для Отечества, но неблаговременно для него самаго, ревность къ подвигамъ исторгла его изъ спокойной, впрочемъ довольно

уже дѣятельной, жизни гражданской; онъ взялъ долго покоившійся мечь свой, и, поспѣшая имъ поражать враговъ, непримѣтно усѣкалъ собственные дни; по необозримымъ полямъ брани, съ которыхъ собралъ вѣнцы побѣдъ, невозвратно расточилъ свою крѣпость и здравіе. Между тѣмъ пламень, наполнявшій сердце отца, обѣялъ и сердце единственнаго сына его, который хотѣлъ наслѣдовать прежде всего, живый примѣръ отеческихъ добродѣтелей. Казалось, будто предугадывалъ благополучный дотолѣ родитель страшное опредѣленіе судебъ, когда съ тѣмъ токмо согласился видѣть сына своего воиномъ, чтобы никогда не видѣть его подъ своими знаменами. Но— *яже Богъ святый совѣща, кто разгоритъ? и руку его высокую кто отвратитъ?* (Иса. XIV. 28.) Суждено было— мы не знаемъ закона, но видимъ дѣйствіе сего вышняго суда — суждено было, чтобы, какъ нѣкогда корень сего знаменитаго рода истрыенъ былъ неистовствомъ зловѣрныхъ утѣсни-

шелей Россіи, 1) такъ нынѣ высшая отрасль его сокрушена была бурею, воздвигнутою безвѣрными губителями Европы; чтобы, какъ благословенный начатокъ сей благородной крови принесенъ былъ въ жертву вѣрѣ, такъ

---

1) Извѣстный Россійскій Исторіографъ Профессоръ Миллеръ въ сочиненіи своемъ: *описаніе Сибирскаго царства*, часто утверждается на повѣствованіяхъ Голландскаго писателя Николая Видзена; а Видзенъ въ книгѣ изданной имъ въ 1692 году въ Амстердамѣ на Голландскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Сѣверная и Восточная Татарія*, пишетъ между прочимъ слѣдующее:

„Происхожденіе знаменитыхъ въ Россіи Бога„тыхъ людей *Строгановыхъ* есть слѣдующее. Ихъ „Родоначальникъ родился въ золотой Ордѣ близъ „Астрахани, и былъ сынъ тамошняго Царя. Пове„лавъ принять Христіанскую вѣру онъ отправился „въ Россію, гдѣ по обряду Греческой церкви былъ „крещенъ и вступилъ въ супружество съ выданною „за него Царемъ родною его дщерію. По совершеніи „сего брака, когда Строгановъ остался въ Россіи, „Татара за сіе столько вознегодовали, что начали „войну съ Россіянами. Царь послалъ сего Строга„нова самаго съ воискомъ противу Татаръ; но не„пріятели взяли его случайно въ плѣнъ, и лишили „его жизни, *состригли* съ него все тѣло. Страда„лецъ оставилъ послѣ себя беременную супругу: „рожденному ею сыну дали наименованіе Строганова, „которое и понынѣ сохраняютъ его потомки.„

чистѣйшій останокъ ея пролитъ былъ за отечество; чтобы мужъ, сподобленный дара *не токмо вѣровати, но и страдати,* по мѣрѣ сего дара, поучился высокому чину жертвоприношенія Авраамова. И се— бранный вихрь, вопреки человѣческой заповѣди, приноситъ юнаго ратоборца подъ знамена родителя; и приноситъ токмо для того, чтобы онъ палъ подъ знаменами родителя! Какое искушеніе вѣры и терпѣнія— видѣть смерть сына, и даже не оплакивать его; видѣть смерть достойнаго сына, и проститься съ пріятнѣйшими надеждами; видѣть смерть единственнаго сына, и вдругъ пережить свое потомство! Однако никакое малодушіе, никакой ропотъ на судьбу, не возмутили жертвоприношенія по чину Авраамову; и сиротствующій отецъ, съ преданностію волѣ Того, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется,* (Еф. III. 15.) возвратился въ домъ, чтобы дѣлить печаль и утѣшеніе съ вѣрною супругою, чтобы приведеніемъ въ порядокъ

обширнаго своего домостроительства какбы приготовить Вышнему Домовладыкѣ послѣдній *отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ*. (Лук. XVI. 2.) Здѣсь новый плодъ искушенныя вѣры его явился въ томъ, что онъ многаго лишилъ себя самаго, дабы не сократить руки своей для тѣхъ, которые благоденствовали посредствомъ непрерывныхъ его благотвореній.

Но путь искушенія его, по судьбамъ Божіимъ не иначе долженствовалъ окончиться, какъ вмѣстѣ съ его жизнію. Болѣзнь, порожденная трудами, и, можетъ быть, возращенная печалію, была орудіемъ Провидѣнія, колико тяжкимъ для плоти, толико же безъ сомнѣнія спасительнымъ для духа. Ей поручено было не токмо ежедневно воспоминать сыну времени о вѣчности, но даже нѣкоторымъ видимымъ образомъ, расторгнуть всѣ узы, привязывавшія его къ міру, и еще во плоти отдѣлить его духъ отъ всего земнаго, чтобы пріуготовить къ соединенію съ Богомъ, не терпящему

никакого посредства или чуждаго влеченія. По внушеніямъ сей, впрочемъ еще не довольно понимаемой наставницы, онъ оставляетъ домъ и Отечество. *Крѣпкая, яко смерть, любовь* увлекаетъ за нимъ его супругу: но вскорѣ, истиннѣе почувствовавъ свое состояніе, онъ укрѣпляетъ духъ свой Христіанскими таинствами, и, чтобы освободить себя и ее отъ тягостнаго состоянія— непрестанно умирать въ ея глазахъ, переноситъ тягостное же состояніе— оставить ее, такъ сказать, кораблекрушеніемъ надежды повержену на брегъ иноплеменный. 1) Тогда равнодушно сходитъ онъ въ море, какъ бы взывая съ Давидомъ: *единъ есмь азъ дондеже прейду;* и прешедъ не болѣе двухъ дневныхъ попритъ, подкрѣпясь новымъ напутствіемъ духовнымъ, тихо входитъ въ покой свой.

Что помыслимъ мы Христіане, взирая на сей путь Провиденія, столь мало сходный съ чертежами нашего

1) Въ Копенгагенъ.

легкомысленнаго разума, но столь же, безъ сомнѣнія, правый и благій, яко начертанный и указанный Премудрымъ Отцемъ? *Повинемся Отцу духовомъ*, (Евр. XII. 9.) какъ повинулся Ему единый отъ сыновъ Его къ Нему нами провождаемый, *и живи будемъ*, какъ и ему и молимъ и чаемъ *вѣнца жизни*.

Повинитеся Отцу духовъ и вы, которыхъ, можетъ быть, сіе самое событіе поставляетъ на новый путь искушенія. Пути *искушенія* выходятъ одинъ изъ другаго: но также не оскудѣютъ и *вѣнцы жизни*, естьли терпѣливо пойдемъ до предѣла искушенія.

И ты, супруга и мать, сугубо сиротствующая! въ какомъ бы уединеніи ни скрывала тебя твоя печаль, но ты услышишь гласъ Церкви, простираемый къ тебѣ въ вѣрѣ и любви: *повинися Отцу духовъ*, и проходи еще продолжающійся для тебя путь *искушенія*, взирая на *вѣнецъ жизни*. *Вѣренъ же Богъ иже не оставитъ искуситися паче, вже можеши*. (Евр. X. 13.)

Отче духовъ и Боже всякія плоти! *пріими* духъ раба твоего Болярина и Вождя Графа Павла, *яко всеплодіе жертвенное;* зане *искусилъ* еси его *яко злато въ горнилѣ.* (Прем. III. 6.) Сподоби его блаженства претерпѣвшихъ искушеніе, и подаждь ему вѣнецъ жизни вѣчныя. Посли сѣтующимъ о немъ духа утѣшенія Твоего. *Ты бо еси Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей.* (2 Кор. I. 3. 4.) **Аминь.**

СЛОВО

При вступленіи въ управленіе Московскою паствою

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. Рим. I. 7.

Такъ нѣкогда Святый Апостолъ Павелъ привѣтствовалъ Церковь державнаго Рима, вступая съ нею въ общеніе посредствомъ посланія. Такъ при семъ первомъ общеніе лицемъ къ лицу привѣтствовать Церковь сего престольнаго града я дерзаю.

Но кто я, дерзнувшій возглашать столь великое слово, среди столь великія Церкви? Среди Церкви, которая кромѣ славы, заимствуемой отъ древняго Царскаго престола, еще прежде имѣла славу нѣкоторымъ образомъ приготовить у себя мѣсто для сего престола, и донынѣ сохранила благодать преподавать Вѣнценосцамъ священный Вѣнецъ и помазаніе на Царство;— среди Церкви, которая обыкла слышать

живые и сильные гласы Божественнаго Слова, въ которой сіяли столь многіе Свѣтильники Православныя Вѣры, не угасшіе и во гробахъ, но и отнолѣ еще сіяющіе свѣтомъ будущаго вѣка, въ которой предстояли въ молитвахъ, дознанные послѣ, небесные споспѣшники нашихъ земныхъ молитвъ; — здѣсь, гдѣ древняя святыня, еще недавно, вновь ознаменовала себя, и очистительнымъ посѣщеніемъ, и чудеснымъ избавленіемъ, и праведнымъ отмщеніемъ;— какъ дерзнулъ я предстоять толикому сонму Божію въ священнодѣйствіи таинства вѣры, и какъ паки дерзаю начать священнодѣйствіе слова истины? Немощнымъ гласомъ недостойныхъ устъ, какъ дерзаю колебать самый сей воздухъ, исполненный благоуханіемъ Святыни?

О Владыко Господи! Ты видишь глубину сердецъ; Ты слышишь движеніе помышленій. Ты зрѣлъ сіе смятенное сердце, когда только еще даемы были жребіи сего служенія; Ты слышалъ трепетное воспоминаніе онаго

древняго гласа: *избери могуща иного, егоже послеши!* (Исх. IV. 13.) Но когда, по неизслѣдимымъ судьбамъ Твоимъ, чрезъ священную и державную власть, жребій сей пришелъ, и невозвратился; *азъ же кто есмь могій возбранити Бога?* (Дѣян. XI. 17.) И нынѣ, Господи, да будетъ воля Твоя; ибо уже и бысть воля Твоя. *Укрѣпи, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ.* (Псал. LXVII. 29.) Ради народа Твоего многаго даруй благодать служенію сему; ради славы Твоей, сугубо дивной въ ничтожныхъ орудіяхъ, *соверши силу Твою въ немощи сей. Даждь гласу Твоему гласъ силы* (2 Кор. XII. 9. Псал. LXVII. 34.) и въ недостойныхъ устахъ, да *пріемлющіе слово слышанія Твоего отъ насъ, пріемлютъ не аки слово человѣческо, но, яко же есть воистинну, Слово Божіе, и да дѣйствуется оно въ сихъ вѣрующихъ* (1 Сол. II. 12.)

И такъ, Богомъ дарованные намъ Отцы, братія и чада Церкви сея, *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа!*

О естьли бы совершенно исполнилось надъ вами сіе первое желаніе наше!

тогда могли бы мы уповать, что Богъ исполнитъ и всѣ во благихъ желанія ваши. Но духовныя желанія совершенно бываютъ дѣйствительны тогда, когда съ волею дающаго благословеніе соединяется воля пріемлющаго. По сему, дабы расположить сердца наши къ соединенію въ единомъ желаніи, достойномъ сего духовнаго общенія, скажемъ нѣчто въ изъясненіе того, почему *прежде всего и паче всего желаемъ вамъ благодати и мира.*

Мы всѣ, когда ни встрѣчаемся одинъ съ другимъ, обыкновенно привѣтствуемъ другъ друга какимъ либо желаніемъ. Что значитъ сіе обыкновеніе? Знаменательное указаніе на состояніе наше, естьли бы мы были внимательны! Вообразимъ на минуту, что мы встрѣтились бы не на сей бѣдной и осужденной землѣ, но на небесахъ, или хотя въ земномъ раю: какимъ желаніемъ стали бы мы тамъ привѣтствовать другъ друга? желаніемъ здравія? — но тамъ и безъ того нѣтъ болѣзней. Желаніемъ долгоденствія? — какъ можетъ тамъ быть забота о долгоденствіи, гдѣ есть

безсмертіе? Желаніемъ благополучія?— тамъ уже есть блаженство. Желаніемъ ли наконецъ благодати и мира?— и сіе тамъ имѣютъ всѣ, или еще и болѣе,— имѣютъ благодать и славу. Изъ сего само собою открывается, что тамъ, вмѣсто изъявленія желаній, обыкновеннѣе всего должно быть изъявленіе радости, въ благодарныхъ славословіяхъ преисполнившему всѣ желанія, Богу. Что же теперь значитъ, что здѣсь на землѣ мы привѣтствуемъ другъ друга различными желаніями?— то, что всѣмъ намъ недостаетъ многаго, что мы не въ томъ состояніи, въ которомъ должны быть, и къ которому предназначены, что мы здѣсь не въ отечествѣ, но въ землѣ чуждой, не въ пристанищѣ, но на морѣ, не въ истинномъ жилищѣ нашемъ, но въ кратковременной гостинницѣ, или на пути; не въ области мира, но среди брани, между врагами, между опасностями, въ изнуреніи, въ лишеніи.

Чемъ прямѣе и точнѣе къ воспол-ненію нашихъ недостатковъ относятся наши желанія: тѣмъ онѣ достойнѣе,

тѣмъ онѣ правильнѣе. Приложимъ сію мѣру къ обыкновеннымъ желаніямъ нашимъ.— Желаніе здравія естьли при семъ думаютъ о тѣлесномъ, относится только къ низшему совершенству животной природы, общей намъ съ безсловесными; здѣсь совсѣмъ нѣтъ въ виду потребности собственно человѣческой.— Желаніе долгоденствія, естьли не получаетъ высшаго значенія въ соединеніи съ другими благороднѣйшими желаніями, не можетъ принести намъ ничего болѣе, какъ только продолженіе нашего земнаго изгнанничества и странствованія, и, естьли мы не на пути избавленія и возвращенія въ небесное отечество, то еще большее удаленіе отъ онаго; ибо— *слышите и разумѣйте!*— въ семъ мірѣ, въ которомъ все движется и преходитъ, нѣтъ и для насъ неподвижнаго состоянія, и, естьли человѣкъ не старается непрестанно приближаться небу, то непримѣтнымъ образомъ приближается ко аду. — Желаніе благополучія, естьли хотятъ получить только благо земли, а не благо-

словеніе неба, есть обольщеніе, поколику не исполняется; и еще большее обольщеніе, поколику исполняется: неосторожный странникъ земли, собирая блестящій прахъ, изнемогаетъ подъ пріятнымъ бременемъ, или, гоняясь за мелькающею тѣнію, коснитъ въ безполѣзной торопливости. Такъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ желаніяхъ, видно, при всегдашнемъ ощущеніи недостатковъ, достойное сожалѣнія невниманіе къ недостаткамъ существеннымъ и потребностямъ истиннымъ!

И потому, Боголюбезные, для васъ не будетъ чуждымъ и страннымъ тотъ, кто не совѣтуется съ плотію и міромъ, дабы срѣтить васъ желаніемъ по сердцу вашего внѣшняго человѣка, но, въ упованіи обрѣсти сердце ваше *по сердцу Божію,* прежде всего и паче всего взыскуетъ Божественнаго Источника, дабы оттолѣ почерпнуть для васъ духовное благословеніе: *благодать и миръ.*

Познаемъ существенный для насъ недостатокъ мира! Возчувствуемъ высокую потребность благодати!

Кто лучше знаетъ, чего намъ недостаетъ, и кто лучше можетъ указать путь желаніямъ нашимъ, какъ не Тотъ, Котораго желаніе нашего блага низвело въ сей *лежащій во злѣ мірѣ*, дабы Самимъ Собою восполнить то, чего намъ недоставало? Но и обыкновенное и торжественное благословляющее желаніе Спасителя нашего было желаніе и благословеніе мира. Приходитъ ли онъ къ ученикамъ своимъ, когда уже *дана ему всякая власть на небеси и на земли*, (Матѳ. XXVIII. 18.) и когда они могли ожидать отъ Него дара, достойнаго сея власти. — Онъ приноситъ имъ миръ. *Пріиде Іисусъ, и ста посредѣ, и глагола имъ: миръ вамъ.* (Іоан. XX. 19.) Отходитъ ли Онъ въ путь креста, когда смущенное сердце другова Его требовало сильнѣйшаго врачества, дѣйствительнѣйшаго утѣшенія? — Онъ оставляетъ имъ врачество и утѣшеніе мира. *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ.* (Іоан. XIV. 27.) Хощетъ ли Онъ послать Апостоловъ для благовѣствованія о Немъ всему міру, и дать

имъ довольное для сего пути напутствіе?— Онъ усугубляетъ имъ благословеніе мира. *Рече имъ Іисусъ паки: миръ вамъ; якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.* (Іоан. XX. 21.) Завѣщаваетъ ли, какъ должны они вступать во грады и веси, совершая посольство, на нихъ возложенное?— Онъ и имъ повелѣваетъ приносить съ собою миръ. *Въ онъже аще колиждо градъ или весь внидите; входяще въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще миръ дому сему.* (Матѳ. X. 11. 12.)

Послѣ сего примѣра и повелѣнія Христіанинъ не будетъ въ недоумѣніи, правильно ли, паче прочихъ благъ, привѣтствуютъ его миромъ. Естьли же кто еще не уразумѣлъ, для чего такъ нужно *помышленіе мира,* которое *помышляетъ на него* (Іер. XXIX. 11.) Духъ Христовъ: тому не нужно далеко идти на поле брани, или въ осажденный городъ, или на позорище распрей, что бы уразумѣть сіе. Человѣкъ! самое близское къ тебѣ, и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и дѣятельность въ мірѣ, естьли на семъ

полѣ не пріобрѣтена еще тобою *побѣда побѣждающая мїръ, вѣра;* (1 Іоан. V 4.) сердце твое подобно граду осажденному отвнѣ, и таящему крамолу вчутри. естьли миръ *Божїй еще не водворился въ оном;* (Кол. III. 15.) въ помышленіяхъ твоихъ непрестанно возобновляется позорище распрей, естьли еще *не низложено въ тебѣ оружїями сильными Богомъ, всякое возношеніе взимающееся на разумъ Божїй, и не плѣненъ разумъ твой въ послушаніе Хрїстово.* (2 Кор. X. 4. 5.) Естьли тебѣ неизвѣстна сія брань: то конечно ты никогда не пробуждался отъ дремоты чувственной жизни къ бодрствованію высшей жизни человѣческой; никогда и главы не возносилъ изъ плѣна и рабства духовнаго. Кто болѣе или менѣе усиливался возникнуть изъ сего рабства въ свободу чадъ Божіихъ: тотъ безъ сомнѣнія, испыталъ и уразумѣлъ, какъ зло міра нападаетъ на насъ съ оружіемъ скорбей и страданій, дабы низложить насъ унынїемъ и отчаяніемъ; какъ блага міра окружаютъ насъ, дабы взять въ плѣнъ коварствомъ похоти; какъ

неудержанныя желанія плоти простираются, по видимому, дабы покорить намъ весь міръ, но въ самомъ дѣлѣ покоряютъ насъ всему, къ чему онѣ прилѣпляются; какъ плоть сражается съ духомъ, и сама съ собою, страсти возстаютъ, большею частію противъ разсудка, и не рѣдко, одна противъ другой; какъ подъ ногами того, кто болѣе старается примѣчать и обходить претковенія, болѣе открывается соблазновъ, такъ что весь подвигъ естественной добродѣтели состоитъ почти только въ дознаніи превозмогающаго порока, подобно какъ весь подвигъ естественной мудрости, въ дознаніи превозмогающаго невѣденія. Естьли при помощи разума и добрыхъ страстей мы являемся иногда побѣдителями на полѣ внѣшнѣй дѣятельности: сіе не пріобрѣтаетъ еще намъ истиннаго мира; позорище брани только переносится далѣе во внутренняго человѣка, и подвигъ становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ сокровеннѣе здѣсь враждебныя силы и оружія. Иногда, на примѣръ, намъ кажет-

ся, что мы побѣдили корыстолюбіе или сластолюбіе, совершивъ подвигъ благотворенія или воздержанія; но, въ тоже самое время входя во глубину сердца, усматриваемъ, что мы тамъ побѣждены тщеславіемъ или гордостію; и тамъ гдѣ думали стоять подъ защитою совѣсти, сверхъ спасенія, уязвляемся ея палящими стрѣлами. Восходя въ область ума, обрѣтаемъ новую брань помысловъ, оправдывающихъ наши желанія и дѣйствія, и паки осуждающихъ, побуждающихъ къ подвигамъ, и паки воспящающихъ, то сомнѣніями, то страхомъ, то разсѣяніемъ, воспаряющихъ къ небесамъ, и низвергающихся во прахъ, свѣтоносныхъ и омрачающихъ, чистыхъ и оскверняющихъ. Внимательные узнаютъ здѣсь ту брань, о которой говоритъ одинъ изъ опытныхъ подвижниковъ, *яко нѣсть наша брань противу крови и плоти, но противъ началъствъ и властей и міродержителей тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ.* (Ефес. VI. 12.) Сею-то бранію утомленный, вопіетъ Давидъ; *нѣсть мира въ костехъ моихъ!* Отъ чего

нѣтъ мира у того, который побѣдилъ всѣхъ враговъ народа Божія, и создалъ *градъ мира*, Іерусалимъ ?— *Нѣсть мира*, говоритъ онъ, *отъ лица грѣховъ моихъ*. Кто изъ насъ дерзнетъ похвалиться, что въ немъ нѣтъ грѣха? По сему кто не долженъ признаться и въ томъ, что въ насъ нѣтъ собственнаго внутренняго мира, ни мира съ Богомъ, ни мира съ самими собою. *Ты, Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ!* (Иса. XXVI 12.)

Богъ, Отецъ нашъ, и готовъ дать намъ вожделѣнный миръ, братія Христіане! Для сего Самъ Онъ нарекся *Богомъ мира;* (2 Сол. III. 16.) для сего даровалъ намъ единороднаго Сына Своего Іисуса Христа, который *есть миръ нашъ;* (Ефес. II. 14.) для сего послалъ въ силѣ Духа Своего *благовѣствующихъ миръ*, (Рим. X. 15.) отъ которыхъ по непрерывному преданію священнаго рукоположенія и въ насъ недостойныхъ *положено слово примиренія*. (2 Кор. V. 19.) Но что говоритъ *Миръ нашъ* благовѣстникамъ мира, которыхъ Онъ послалъ во всякій *градъ и домъ*, — ко всякой Церкви, и ко вся-

кой душѣ?— *Аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань; ащели же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится.* (Матѳ. X. 13.) Такимъ образомъ сколь ни готовъ для насъ миръ отъ Бога: намъ приносятъ его тщетно, естьли мы недостойны принять его. Что же можетъ содѣлать насъ достойными принять миръ, намъ подаваемый? Между человѣками пріобрѣтается миръ или самою бранію, или правдою, или по милости; — бранію, когда побѣдитель предписываетъ миръ побѣжденному;— правдою, когда ищущій мира, или удостовѣряетъ въ справедливости своей, или здѣланную несправедливость заглаждаетъ удовлетвореніемъ;— по милости, когда тотъ, кто не имѣетъ ни силы, чтобы завоевать миръ, ни правды, чтобы заслужить оный, предается великодушію оскорбленнаго враждою, и, непритворною покорностію собственною, или притомъ и споручеіемъ вѣрнаго и могущественнаго посредника, пріобрѣтаетъ милость мира. *Но миръ Божій,* кто можетъ, или восхитить си-

лою отъ Всесильнаго, или правдою заслужить отъ Того, *предъ Которымъ неоправдится всякъ живый?* (Псал. CXLII.) Кто хотя однажды побѣжденъ грѣхомъ: тотъ уже *рабъ грѣха,* (Іоан. VIII. 34.) и *виновенъ противу всего закона Божія,* (Іак. II. 10.) требующаго всецѣлой святости и *совершенства по образу Отца небеснаго;* (Матѳ. V. 45.) и потому онъ не имѣетъ уже ни силы, ни правды; онъ не можетъ самъ собою изгнать воцарившагося въ немъ зла, и, естьли дѣлаетъ какое, несовершенное добро, оно всегда относится къ обязанности настоящей, и потому никогда не составитъ удовлетворенія правосудію Божію за зло прежде содѣланное. И такъ единая для насъ надежда мира съ Богомъ есть милость Бога мира, по которой Онъ не только не хощетъ мстить намъ за грѣховную противъ Него вражду, но и хощетъ насъ освободить отъ порабощающихъ насъ сею враждою, враговъ Его и нашихъ; нетолько не взыскуетъ отъ насъ невозможнаго съ нашей стороны удовлетворенія Его правосудію, но и пріемлетъ

на Себя удовлетворить оному за насъ ходатайствомъ и крестнымъ подвигомъ Единороднаго Сына Своего; признаетъ насъ достойными наслаждаться *миромъ Его, превосходящимъ всякъ умъ,* (Фил. IV. 7.) какъ скоро мы признаемъ собственное недостоинство, и утверждаемъ надежду нашу въ Его милосердіи. *Благодать Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* есть единственный для насъ источникъ истиннаго и совершеннаго духовнаго мира. Съ нашей стороны, вѣра, молитва и смиреніе открываютъ въ насъ токъ горнему источнику благодати; и тогда Господь *уклоняетъ на насъ аки рѣку мира,* (Иса. LXVI. 12.) которая потопляетъ въ насъ все враждебное, и все существо наше орошаетъ, прохлаждаетъ, оживляетъ, исполняетъ плодами жизни, *возвеселяетъ* чистыми духовными *устремленіями, освящаетъ въ насъ селеніе Вышняго,* (Псал. XLV. 5.) и, какъ произтекла изъ вѣчной жизни Божіей, такъ и *течетъ въ насъ въ жизнь вѣчную.* (Іоан. IV. 14.)

О миръ, вожделѣнный паче всего!

О благодать, вожделѣнная прежде всего! — ибо миръ есть единосущное чадо Благодати. —

Будучи призванъ принести нынѣ Господу начатокъ общенія съ сею Церковію, по волѣ Его, молю всѣхъ богоугодно стоящихъ теперь въ семъ общеніи, соединить взаимно всѣ сердца въ крѣпкомъ желаніи *благодати и мира отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Единодушная молитва сопастырей и всѣхъ вѣрныхъ да привлечетъ свыше благодать и миръ новому пастырю, дабы онъ съ силою и дѣйствіемъ могъ возвѣщать пастве благодать и миръ, *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе;* (Гал. VI. 18.) *и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ.* (Фил. IV. 7.) *Самъ Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ,* (Сол. III. 16.) какъ во внутреннемъ, такъ, по дѣйствію внутренняго, и во внѣшнемъ. *Миръ пасущимъ стадо Божіе,*— въ христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ,—

въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ, — въ вѣрности подчиненныхъ; миръ подчиненнымъ,— въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ, — въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ, — въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и купующимъ, — во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана Миръ дѣлающимъ и трудящимся, — въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣланія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. *Миръ всѣмъ!* Аминь.

Говоренное въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ, Августа 14 дня 1821 года.

СЛОВО

О нетлѣнїи Святыхъ Мощей.

И кости твоя утучнѣютъ, и будутъ, яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣ вода. Исаіи LVIII 11.

Во дни Пророка Исаіи были люди,— какіе, вѣроятно, есть и нынѣ,— которые жаловались на Бога, для чего не награждаетъ Онъ ихъ благочестія. *Что яко постихомся, и не увѣдѣлъ еси?* Пророкъ отвѣтствуетъ на сіе, что и *постъ и суббота,* и благочестивый подвигъ и духовное празднованіе, пріятны Богу, естьли люди *во дни пощенїй своихъ не обрѣтаютъ волей своихъ, естьли не творятъ хотѣнїй своихъ во день святый;* и, въ награду за сіе непритворное благочестіе, обѣщаетъ между прочимъ, что *и кости* таковыхъ людей *утучнѣютъ яко верто-*

градъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣ вода. Не ожиданное обѣщаніе! кости сего тлѣннаго тѣла, кажется, не упучнѣютъ отъ подвиговъ поста, ниже отъ субботствованія духовнаго. Подобно сему, другой Богопросвѣщенный мужъ, *восхваляя мужей славныхъ,* между прочимъ говоритъ: *и обгонадесяте Пророковъ да процвѣтутъ кости отъ мѣстъ своихъ.* (Сир. XLIX. 12.) Но кости сихъ Пророковъ давно уже почивали во гробахъ, когда сіе написалъ о нихъ сынъ Сираховъ. И такъ не уже ли кости угодившихъ Богу, и въ умерщвленіи плоти *тучнѣютъ,* и во гробахъ *процвѣтаютъ?*

Во истину *тучнѣютъ и процвѣтаютъ!* Тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ во время житія ихъ духовно, когда *яко отъ тука и масти, исполняется душа ихъ радостію* (Псал. LXII. 6.) о Богѣ; когда *праведникъ, яко финиксъ, процвѣтаетъ* (Псал. XII. 13.) благими дѣлами, приносящими плодъ во святыню; — тучнѣютъ и процвѣтаютъ, не смотря на то, что плоть ихъ увядаетъ и изсыхаетъ отъ подвиговъ воздержанія, ибо

аще и внѣшній ихъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни. (2 Кор. IV. 16.) По смерти же тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ славою ихъ добродѣтелей, такъ что они бывъ нерѣдко умалены и забвенны въ жизни, являются великими и знаменитыми по смерти, такъ что гробы ихъ бываютъ великолѣпнѣе жилищъ, въ которыхъ они обитали.

Но кромѣ сего, въ предлежащихъ намъ священныхъ останкахъ Праведника мы усматриваемъ собственными очами еще образъ, какъ и во гробахъ *тучнѣютъ и процвѣтаютъ* кости праведныхъ. И всѣ тѣла человѣковъ, по смерти ихъ, подобно сѣменамъ, погребеннымъ въ землѣ, и растѣніямъ во время зимы, медленнымъ, непримѣтнымъ для насъ прозябеніемъ, среди самаго истлѣнія, постепенно прозябаютъ, и приготовляются къ животворной веснѣ общаго воскресенія. Но нѣкоторыя тѣлеса праведниковъ подобятся лавровымъ и нѣкоторымъ другимъ древамъ, во время самой зимы очевидно растущимъ и зе-

леньющимъ; *хранимыя Господомъ кости ихъ,* (Псал. XXXIII. 21.) и послѣ смерти, являютъ въ себѣ, *яко тукъ и масть,* духовную силу жизни, чудесно изливающуюся и на то, что ихъ окружаетъ; ихъ тѣлеса прежде общаго воскресенія *процвѣтаютъ* начашками нетлѣнія.

Отъ чего сіе, и для чего? Отъ чего нетлѣнны тѣлеса праведниковъ? Для чего Богъ даруетъ имъ сіе нетлѣніе? Разсужденіе о сихъ вопросахъ можетъ объяснить одну изъ наградъ благочестія, и одно изъ побужденій къ благочестію.

Богъ, какъ говоритъ Премудрый, *созда человѣка въ неистлѣніе.* (Прем. II. 23.) Духъ его жилъ словомъ Божіимъ, и потому наслаждался блаженнымъ безсмертіемъ; тѣло его питалось отъ древа жизни, и такимъ образомъ должно было сохраняться въ безболѣзненномъ нетлѣніи. *Единѣмъ человѣкомъ,*— такъ изъясняетъ Апостолъ печальную перемѣну сего состоянія,— *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша.* (Рим. V. 12.) И такъ при-

чина, по которой человѣкъ смертенъ, и тѣло его тлѣнно, есть грѣхъ, — ядъ, который человѣкъ, принявъ первоначально душею, отравилъ въ слѣдствіе того и тѣло медленною отчасти, но вообще смертоносною отравою. Изъ сего не трудно усмотрѣть, что возвращеніе человѣка *въ неистлѣніе* возможно только тогда, когда онъ перестанетъ отравлять себя *грѣхомъ*.

Но возможно ли сіе послѣ того, когда *грѣхъ* во весь *міръ вниде*, когда мы *въ беззаконіяхъ зачинаемся, раждаемся во грѣхахъ*, (Псал. L. 7.) и, какъ бы по естественной необходимости, *піемъ неправды якоже питіе?* (Іов. XV. 16.) Притомъ для исцѣленія зараженнаго ядомъ потребно нѣчто болѣе, нежели только прекратить употребленіе яда. Никто не можетъ быть творцемъ самаго себя: смертно болящій или умершій не можетъ дароватъ себѣ здравія или жизни, которыхъ источникъ въ немъ затворился. Естьли и въ неповрежденномъ состояніи своемъ человѣкъ жилъ, какъ мы сказали, словомъ Божіимъ: кольми паче

смертнаго возставить въ безсмертіе, и растлѣннаго въ нетлѣніе, не можетъ ничто, кромѣ Творческаго слова Божія.

Слово Творческое вновь изречено въ поврежденное грѣхомъ твореніе Божіе, для его возстановленія, и низведено въ немъ до такой глубины, до какой грѣхомъ низпали человѣки. *Слово плоть бысть.* (Іоан. I. 14.) Теперь все падшее и отчужденное отъ жизни Божіей получаетъ новый, возвратный ходъ. Источникъ Божественный вновь открывается во глубинѣ человѣческой природы, и внутренно изливаетъ въ нее благодатный свѣтъ и силу. Здѣсь обрѣтаетъ душа человѣческая врачевство, очищающее и изцѣляющее, которое истребляетъ въ ней смертоносный ядъ грѣха, и вмѣстѣ врачевство укрѣпляющее и предохраняющее, которое не допускаетъ сей заразѣ возобновляться и усиливаться новыми грѣхопаденіями. Животворное дѣйствіе благодати, также какъ нѣкогда смертоносное дѣйствіе грѣха, простирается по всему существу человѣческому отъ духа до тѣла; и поели-

ку сила Божія конечно могущественнѣе, нежели сила грѣха, которая собственно есть немощь, то неудивительно, что благодать, повыраженію Апостола, (Рим. V. 20.) *преизбыточествуетъ*, паче *умножившагося грѣха*, что она дѣйствительнѣе исцѣляетъ и возстановляетъ, нежели грѣхъ заражаетъ и разрушаетъ. *Аще прегрѣшеніемъ единаго*, разсуждаетъ Апостолъ, *мнози умроша, многае паче благодать Божія и даръ, благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова:* (Рим. V. 15.) *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ.* (12.) Такимъ образомъ Слово Божіе нисходя до воплощенія, самой плоти открываетъ путь восходить до нетлѣнія и прославленія; Іисусъ Христосъ становится *воскрешеніемъ* нашимъ, (Іоан. XII. 25) и когда вселяется вѣрою въ сердца наши, тогда и въ самыхъ тѣлесахъ, вѣрою очищенныхъ и освященныхъ, скорѣе или медленнѣе просіяваетъ сила Его воскресенія.

Примѣчайте въ цѣломъ бытіи рода человѣческаго, какъ явленіе сея силы воскресенія всегда соразмѣрно было съ постепеннымъ откровеніемъ воплощеннаго Слова Божія. Въ первые вѣки, когда всю тайну Христову находимъ заключенною въ одномъ словѣ *о сѣмени жены, сокрушающемъ главу змія,* и силу воскресенія усматриваемъ въ одномъ Энохѣ, который, какъ уединенный орелъ въ обновленной юности, воспаряетъ въ нетлѣніи надъ цѣлымъ міромъ, чрезъ господствующее растлѣніе нравственное приближающимся ко всеобщему истлѣнію естественному. Во времена Пророковъ, когда обѣтованіе о Христѣ, какъ *о сѣмени, въ которомъ благословятся всѣ народы,* многократно повторенное, и болѣе объясненное, ощутительнѣе возбуждало вѣру, и потому обильнѣе вселяло въ сердца, хотя и глубоко еще сокровенную силу Христову, и сила воскресенія не столько, по подобію Энoха, явилась въ Иліи, при взятіи его на небо, но кромѣ того, еще въ продолженіи земной жизни открывалась въ Иліи же и

Энохѣ, воскрешеніемъ умершихъ; и даже,— что составляетъ единственный въ священныхъ сказаніяхъ примѣръ прежде пришествія Христова, но согласный со многочисленными сего рода явленіями по пришествіи Христовомъ,— сила воскресенія сверхъ чаянія воздѣйствовала нѣкогда чрезъ кости умершаго уже Пророка Елисея. *Бысть*, повѣствуетъ книга Царствъ, (4 Цар. XIII. 21.) *бысть погребающимъ мужа, и се видѣша воиновъ*, и—отъ страха—*повергоша мужа во гробѣ Елисеовѣ, и впаде тѣло человѣка мертва, и прикоснуся костемъ Елисеовымъ, и оживе, и воста на ноги своя*. Когда же столь давно предреченное, и постепенно приготовленное воплощеніе Слова Божія наконецъ совершилось: тогда, кто не знаетъ, какими быстрыми потоками сила воскресенія потекла по сей, еще и необновленной землѣ? Сообразно съ цѣлію настоящаго разсужденія, особенно должно указать здѣсь одинъ случай. Когда Іисусъ Христосъ вольнымъ страданіемъ нашего ради спасенія допустилъ низвести Себя въ область смерти

для того, чтобы ввести туда собственную силу жизни, и такимъ образомъ разрушить царство смерти въ самыхъ основаніяхъ его: тогда сила Его немедленно проникла все, и въ томъ, что способно было принять ее, тотчасъ ознаменовала себя животворнымъ дѣйствіемъ. Вотъ изъясненіе того, что въ то время *и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа.* (Матѳ. XXVIII. 52.)

Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки. (Евр. XIII. 8.) Онъ яко Богъ *дѣйствуетъ вся во всѣхъ,* (1 Кор. XII. 6.) дѣйствуетъ и нынѣ, подобно какъ дѣйствовалъ отъ начала, и какъ дѣйствовать будетъ до конца; дѣйствуетъ и въ маломъ, равно какъ въ великомъ, дѣйствуетъ какъ во всей Церкви, которая есть тѣло Его, такъ и во всѣхъ вѣрующихъ, которые суть члены Его, Онъ *воображается въ нихъ* (Гал. IV. 19.) *живетъ въ нихъ,* (Гал. II. 20.) и какъ *въ Немъ* Самомъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесне,* (Кол. II. 9.) такъ по нѣкоему образу сего Божественнаго

таинства, и Онъ благоволитъ жить въ избранныхъ Своихъ даже тѣлеснѣ, по колику обрѣтаетъ ихъ способными ко внутреннему съ Нимъ общенію. Обрѣтаетъ ли Онъ умъ, постоянно къ Нему обращаемый благоговѣніемъ и молитвою? Онъ *воображается* въ умъ, и исполняетъ его свѣтомъ Своимъ, истиною Своею, *безвѣстная и тайная премудрости Своея являетъ ему*. Обрѣтаетъ сердце, отверстое предъ Нимъ покаяніемъ, вѣрою и любовію къ Нему? Онъ *вселяется въ сердце*, (Ефес, III. 17.) и съ Собою вноситъ въ него новую жизнь, вмѣсто естественной благодатную, вмѣсто плотской духовную, вмѣсто земной небесную, преображаетъ любовь человѣческую въ Божественную и свойства человѣческія въ Ангельскія. Обрѣтаетъ ли наконецъ и тѣло въ сообразность съ душею, непрестанно очищаемое воздержаніемъ и подвигами, и потому способное принимать и сохранять въ себѣ какъ бы нѣкіе отпечатки и слѣды внутреннихъ движеній благодатныхъ? И оно, нѣкоторымъ образомъ, и даже въ

земной еще жизни, начинаетъ быть Богоносным. Сколь бы ни странною казалась для нѣкоторыхъ мысль о Богоносномъ тѣлѣ земнаго человѣка: я не раскаяваюсь, что произнесъ ее; ибо не догадкою и воображеніемъ составляю сей образъ, но обрѣтаю его на самомъ опытѣ, который представили еще Апостольскія времена, и о которомъ преданіе времена святыхъ благоговѣйно сохраняли. Святый Игнатій Богоносецъ такъ пріобыкъ питать сердце свое любительнымъ воспоминаніемъ сладкаго имени Іисуса Христа, что сіе глубокое душевное впечатлѣніе чувственнымъ образомъ отпечатлѣлось въ тѣлесномъ органѣ, и когда, послѣ мученической кончины его, разсѣчено было его сердце, въ немъ усмотрѣли буквенно изображенное имя Іисуса Христа. (Чет. Мин. Дек. 20.) Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія: такъ самое тѣло Христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проницается ею во

всемъ составѣ своемъ, и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику *сила Хрїстова* нетлѣнна: то естественно, что она *вселяясь* (2 Кор. XII. 9.) въ человѣковъ, *иже Хрїстовы суть,* (Гал. V. 24.) и тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику она всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала, чрезъ *главотяжи и убрусцы,* которые были на *тѣлѣ* Святаго Апостола Павла, и приняли въ себя *потъ* его, (Дѣян. XIX. 12.) и чрезъ одно *осѣненїе тѣнїю* Святаго Петра. (Дѣян. V. 15.)

Какое, братія, дивное воздаяніе за благочестіе, что имъ не только духъ человѣческій возводится къ благодатному общенію со Христомъ, но и самое тѣло которымъ совершаемъ сіи малые подвиги пощенія, молитвеннаго колѣнопреклоненія, братолюбнаго служенія, содѣлывается чрезъ то причастнымъ благодатной силы Христовой, животворящей и чудодѣйственной! И естьли сіе на земли еще: то на небеси какая

жизнь, какое могущество, какая слава ожидаетъ благочестивыхъ!

Между тѣмъ примѣчать можемъ, что не всѣ благочестивые, и даже не всѣ святые участвуютъ въ семъ *первомъ*, такъ сказать, *воскресеніи*, (Апок. XX. 6.) которое состоитъ въ чудесномъ и прославленномъ на земли нетлѣніи освященныхъ тѣлесъ ихъ; подобно какъ и въ первоначальномъ явленіи сего перваго воскресенія, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа*, но не всѣ тѣлеса святыхъ усопшихъ. Что значитъ сіе? Не уже ли неправосуденъ Богъ ко святымъ Своимъ, однимъ увеличивая мѣру благодати, а другимъ уменьшая, однихъ безсмертіе приближая, а другихъ отдаляя, однихъ прославляя, а другихъ сокрывая? Безъ сомнѣнія, никто знающій Бога, не можетъ сего помыслить. И такъ что значитъ видимое неравенство видимой награды, даруемой святымъ? Можетъ быть, оно нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ степенямъ внутренняго ихъ освященія, по которому, — скажемъ словами Апостола, —

какъ *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ; такожде и воскресеніе мертвыхъ,* (1 Кор. XV. 41. 42.) и послѣднее, совершительное, и первое, начинательное: но съ большею основательностію изъ неравенства сей предварительной награды святымъ, заключить можемъ, что сія награда имъ даруется не столько въ воздаяніе собственно имъ, сколько для другой съ премудростію и благостію Божіею сообразной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ для тѣхъ, которые неищутъ славы человѣческой, и которые увѣрены что вѣчно будутъ царствовать во славѣ Божіей со Христомъ, велико ли то, чтобы имѣть, или не имѣть временныхъ начатковъ сея славы на земли?— Но какъ съ воскресеніемъ Христовымъ *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа* для того, чтобы *по воскресеніи Его, внити во Святый градъ, и явитися многимъ* живущимъ, для удостовѣренія ихъ объ открывшейся силѣ воскресенія: такъ и до нынѣ тѣлеса усопшихъ святыхъ являются въ неплѣніи, съ силою чудодѣйственною и живоносною,

для насъ живущихъ, для удостовѣренія,— естьли къ стыду времени есть и такіе между нами невѣрующіе, — для удостовѣренія въ воскресеніи Христовомъ и въ нашемъ будущемъ воскресеніи, для укрѣпленія немощныхъ въ подвигахъ противу грѣха и смерти, для возбужденія невнимательныхъ и нерадивыхъ къ подвигамъ благочестія.

Поминайте наставники ваша, учитъ Апостолъ Христіанъ своего времени, поминайте наставники ваша, *иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе житія, подражайте вѣрѣ ихъ,* (Евр. XIII. 7.) Какъ бы такъ разсуждалъ онъ: „мы не довольствуемся поучать васъ нашимъ словомъ; не всѣ души „довольно отверзсты для него, и не „всѣ сохраняютъ его, когда пріемлютъ. „Для сего указуемъ вамъ еще на при„мѣръ *наставниковъ вашихъ,* и въ семъ „примѣрѣ на то, что сильнѣе пора„жаетъ чувства, и тѣмъ глубже про„никаетъ въ душу,— на *скончаніе житія„ства* ихъ, запечатлѣнное ясными зна„меніями вѣры.„ Зрѣлище подлинно на-

зидательное, и въ молчаніи болѣе обильнаго слова говорящее духу! Но какъ слово наконецъ умолкаетъ; такъ и примѣръ наконецъ скрывается: и память скончавшихся наставниковъ можетъ угаснуть. Что же творитъ Богъ *хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити?* Онъ такъ сказать, увѣковѣчиваетъ назидательную кончину совершившихся во благочестіи наставниковъ, проходитъ нѣсколько вѣковъ, и мы все еще видимъ ее собственными очами, взирая на нетлѣнные останки ихъ. Сіе нетлѣніе, сія цѣлебная и живоносная сила, отъ нихъ исходящая, внятнѣе и убѣдительнѣе слова поучаютъ насъ благочестію, и побуждаютъ *подражать вѣрѣ ихъ.*

На что болѣе мое скудное слово?— Довольно и для насъ, братія, того неумолкающаго поученія, которое произноситъ сей безмолвный гробъ. Можно ли не слышать сего поученія; можно ли, слыша, не разумѣть его? „*Взирайте,* „глаголетъ самъ скончавшійся настав„никъ нашъ, *взирайте на скончаніе моего*

„*жительства;* которое я столько вѣ-
„ковъ представляю предъ очи моихъ
„учениковъ, и всѣхъ требующихъ на-
„ставленія. Вы всѣ признаете что
„скончаніе жительства моего благосло-
„венно и блаженно; я слышу, въ Богѣ
„моемъ, какъ вы оное ублажаете; вижу,
„какъ стекаетесь торжествовать оное.
„Для меня ли ублажаете вы кончину
„мою? Ваши ублаженія не умножатъ
„моего блаженства въ Богѣ моемъ. Но
„естьли вы ублажаете кончину мою:
„то ублажите и житіе, которое при-
„вело меня къ сей кончинѣ, и ублажи-
„те оное для вашего собственнаго
„блаженства. Сугубо неизвинителенъ
„тотъ, кто видя путь, уклоняется въ
„заблужденіе, видя благій примѣръ, во
„злѣ закоснѣваетъ. Сугубо бѣдствен-
„но, близъ пристанища претерпѣть
„кораблекрушеніе и потопленіе, при
„видѣ награды заслужить наказаніе,
„при видѣ блаженства погибнуть. Един-
„ственное приращеніе, какое вы мо-
„жете доставить моему блаженству,
„есть то, чтобы доставить моей къ

„вамъ любви радость вашего спасенія. „Ублажите меня, ублажите самихъ „себя, подражаніемъ вѣрѣ моей со всѣми „плодами, которые произвела отъ нея „благодать Христа моего и вашего.„

Что речемъ на сіе, братія? – Ей, Богоносный Отче нашъ и Наставниче! *Буди намъ по глаголу твоему.* Аминь.

Говоренное въ Троицкомъ Сергіевой Лавры Соборѣ, Сентября 25 1821 года.

ПОГРѢШНОСТИ

Стр.	Строк.	Напечатано	Читай
96	23	ввѣтъ	свѣтъ
139	1	такъ	И такъ
149	19	п	и
151	6	домой	домовой
226	1	въ просомъ	въ простомъ
248	20	Святоташецъ	Святотатецъ
250	11	возмутся	возмятутся
261	8	снльный	сильный
279	7	не сувствуетъ	не чувствуетъ
296	25	ревиостно	ревностно
306	24	жнвутъ	живутъ
331	4	превосненсеннѣ	превознесеннѣ
342	6	собстную	собственную
399	6	Хто	Кто

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 017 148 310 4